

Д.В. Пилипшин

**Как жить в обществе
и быть свободным от общества?**

Редакция 3

Москва – 2004/2012

Обычный человек в своей жизни зависим. Он является объектом манипуляций со стороны различных источников влияния. Другие люди – начиная от коллег и соседей и заканчивая государственными лицами – часто хотят подчинить человека, управлять им, заставляя действовать в своих целях. Есть и неперсонализированные источники влияния – общественное мнение, социальные стереотипы, традиции. В результате, подвергаясь комплексному воздействию с разных сторон, человек постоянно обслуживает чуждые ему интересы, фактически проживая не свою жизнь.

Разрешить данную проблему непросто. Совершенное игнорирование воздействий общества – не выход, потому что создает другие, более серьезные проблемы, делая человека отвергнутым. Возможно ли конструктивное преодоление данной ситуации?

Да, возможно. Искусство эффективно жить в обществе, сохраняя в то же время личную свободу и способность не поддаваться манипуляциям, автор называет позитивным маргинализмом. Маргинализмом – потому, что овладевший этим искусством в той или иной степени неизбежно будет отделяться от общества, перестанет быть похожим на управляемого обывателя. Позитивным – потому, что сохраняя собственную независимость, он умеет успешно взаимодействовать с обществом, достигая выдающихся результатов и получая общественную поддержку.

Оглянитесь вокруг прямо сейчас – много ли среди окружающих вас людей свободных и эффективных? Скорее всего, нет. Именно поэтому успешный и эффективный человек маргинален, стоит особняком, но в то же время представляет элиту общества, ибо способен к самостоятельному творчеству и созиданию.

Тому, как стать свободным и успешным, обрести гармоничное развитие, и посвящена эта книга, адресованная широкому кругу читателей.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ХОРОШО ЛИ ЗАВИСЕТЬ ОТ ОБЩЕСТВА?	11
1.1 От чего зависит обыватель?.....	11
1.2 Для чего нужен обыватель?	31
1.3 Нужен ли обывателю позитивный маргинализм?.....	39
ГЛАВА 2. В ЧЕМ И КАК МОЖЕТ ПРОЯВЛЯТЬСЯ МАРГИНАЛИЗМ?	52
ГЛАВА 3. КАКОЙ МАРГИНАЛИЗМ ЯВЛЯЕТСЯ ПОЗИТИВНЫМ?	64
3.1 Гармоничное самоутверждение в обществе как источник силы позитивного маргинала	67
3.2 Имеет ли смысл ставить целью приумножение блага?	82
3.3. Роли внутреннего и внешнего миров в человеческой жизни.....	109
ГЛАВА 4. КАЧЕСТВА, ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ПОЗИТИВНОГО МАРГИНАЛА	130
ГЛАВА 5. СВОБОДА ВЫБОРА: ВОЗМОЖНОСТИ И ГРАНИЦЫ	138
5.1 Ограничения нашей свободы	138
5.2 Абсолютная свобода: лозунги и реалии	142
5.3 Исследование свободы	148
5.3.1 Действие и выбор варианта	148
5.3.2 Желание	157
5.4 Фундаментальное ограничение для материалистов.....	169
5.5 Формирование отношения к вопросу свободы.....	178
5.6 Выводы о возможностях и границах	194
ГЛАВА 6. ОСНОВА ПОЗИТИВНОГО МАРГИНАЛИЗМА	198
6.1 Познание как путь.....	198
6.2 Познание как соответствие тенденциям нашей эпохи.....	213
6.3 Внутренняя польза познания	219
6.4 Проблемы познающего в постсоветских условиях.....	224
6.5 Синтез познания и социального самоутверждения.....	234
6.6 Поиск собственного Пути	253
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	264
ЛИТЕРАТУРА	265
ЛИТЕРАТУРА	265

ВВЕДЕНИЕ

Не секрет, что люди отличаются друг от друга. То есть – не одинаковы. То же самое, но сказанное более прямо – люди не равны. Этот вопрос обсуждался на протяжении столетий, тысячи дискуссий породили тысячи ответов и мнений, на любой вкус. Можно отстаивать различные точки зрения на этот счет. Но независимо от того, равны или нет люди от рождения, или равны только перед Богом, или еще как-нибудь, мы не можем не признавать очевидного: **люди не равны в результатах, которые они достигают в жизни.**

Одни достигают многого, уверенно восходят по социальной лестнице, не всегда, кстати, затрачивая на это большие силы, в то время как другие, занимаясь тяжелой, нудной работой, не только не увеличивают своей значимости, но и напротив, скорее теряют ее. Одни живут целями и достигают их, ставя себе новые, мобилизующие задачи, и даже боятся утратить стимул, а другим кажется это нелепым, они не испытывают никакого дискомфорта от однообразной повседневной деятельности и не имеют интересов, выходящих за обыденные рамки. Одни оставляют наследство и наследие, а другие, ничего не создав ни умом, ни руками, растворяются, будто их и не было. Если отвлечься от бытового контекста, можно сказать так: одни люди сумели войти в историю, совершить нечто глобальное, в то время как другие исполняли роли статистов, массы, на которой проходила апробация идей избранных. Почему?

Не отрицая того, что достигнутые результаты зависят от множества причин и факторов внешней среды, мы хотели бы подчеркнуть, что в значительной степени они зависят и от самого человека, устройства его внутреннего мира. Философское осмысление, изучение биографий исторических личностей, их

психологических портретов, наводит на мысли, что существует некоторая особенность, с необходимостью присущая всем великим, выдающимся людям, вне зависимости от их стези. Иными словами, в них есть то, что позволяет им быть лучше и удачливее других. Причем это является не только Божьим даром, но тем, что можно культивировать в себе, таким образом повышая уровень и качество своей жизни.

Но что же это за особенность, в чем она состоит? На наш взгляд, выдающиеся люди не просто отличались от обывателей, но всегда в чем-то противостояли обществу. Парадоксальный с одной стороны вывод, в то же время, с другой вполне очевиден. Если человек сумел утвердить себя в жизни «не как все», то ясно, что он выпадает из общепринятого контекста. *Если сделанное человеком значительно, то он не может быть «как все». И наоборот, принимающий в качестве образца общепринятое, стремящийся быть «как все» никогда не сможет добиться значительного.* Потому что «все» не являются созидающей силой, не творят уникального. Как ни грубо это звучит, как ни печально это признавать, но «все» - шестеренки, а то и просто стройматериал истории.

В мире доминирует посредственность. Давайте подумаем вместе, взглянем на окружающих, начав с довольно низких ступеней социальной лестницы. Вот вы ходите по продуктовому рынку, общаясь с разными продавцами. Попробуйте оценить степень мастерства каждого из них. Ну как, много ли насчитали тех, кто работает быстро, честно, не обвешивая и не ошибаясь, да к тому же вежлив и предупредителен? Правильно, на весь рынок нашлось один-два человека. Они – профессионалы, мастера своего, пусть и нехитрого, дела. Остальные – масса, «все». Другой пример. Вам

нужно лечить сложный, тяжелый зуб. Вы пойдете к рядовому стоматологу, к тому, который «как все»? Или будете искать аса, который на «всех» как раз не похож? Проверьте: сколько врачей из вашей районной поликлиники смогут качественно запломбировать сложные каналы зуба мудрости? (Но помните, у Вас есть максимум четыре попытки!). И так далее, и тому подобное. Каков процент хороших токарей по отношению к общему количеству в механическом цехе? Сколько научных сотрудников из НИИ действительно являются учеными, производящими новое знание, и сколько просто пишет маловесомые научные статьи? Сколько выпускников литературного института способны созидать значимые произведения, обогащая культуру? Примеры можно умножать.

Эмоционально характеризует ситуацию Мирзакарим Норбеков: «Скажите, что, основная масса – творческие люди? Потребители! Ничего своего в голове нет, все вложено со стороны: чужие мнения, правила, суждения. Общество элементарных обслуживающих себя биологических роботов. Если убрать из истории тех похожих друг на друга, которых тысячи, абсолютно ничего не изменится. Что были, что нет – разницы никакой!» [32;50].

Зафиксируем: несмотря на огромное разнообразие деятельности, существует общая характеристика достойных, успешных, выдающихся людей. Они «не как все». Каким термином можно обозначить данное отличие? Назовем его **позитивным маргинализмом**. С нашей точки зрения, каждый выдающийся человек в той или иной степени является маргиналом. Однако маргинальность его конструктивна, и ее целесообразно в себе культивировать. *Понимая, что выбранное нами понятие может показаться слишком необычным, мы в то же время считаем, что*

его следует обозначить именно так. Для большей ясности, рассмотрим подробнее, что такое маргинализм.

Традиционно это слово несет отрицательную окраску. В средневековой латыни слово *marginalis* означало «находящийся на краю», от латинского *margo* – край, граница. В этой связи маргинальность можно понимать как «социологическое понятие, обозначающее промежуточность, «пограничность» положения человека между какими-либо социальными группами, что накладывает определенный отпечаток на его психику» [49;338]. В частности, американский социолог Р.Парк, причисляя к маргиналам мулатов, считал, что для «маргинальной личности» характерно беспокойство, агрессивность, честолюбие, чувствительность, стесненность, эгоцентричность. Существуют и другие определения маргинальности, в которых всегда подчеркивается непринадлежность маргиналов к какому-либо социальному слою и, шире, их несоответствие ценностно-нормативному полю данного общества. Как и всегда в таких случаях, общество не остается в долгу перед маргиналами. «Маргинальность – понятие служит для оправдания репрессии специфической части людей, не соответствующих принятым в обществе нормам и ценностям» [40;273]. Удерживая в памяти дефиниции и в то же время не допуская излишней их догматизации, сформулируем свое понимание маргинала вообще.

Представляется разумным понимать под маргиналом человека, выходящего за рамки социальных стандартов данного общества, носителя оригинальной системы ценностей, или, проще говоря, отличного от масс, «выпадающего» из среднестатистического. Разумеется, качество отличия может сильно различаться, так же как и направление «выпадения».

Последняя фраза подчеркивает нейтральность нашего определения. Оно не несет оценки, не пытается охарактеризовать маргинализм как нечто однозначно отрицательное или положительное. Все зависит от качества отличий. Такой подход облегчает более глубокое (широкое) рассмотрение маргинальности.

Проиллюстрировать его можно на наглядном примере глубокого и поверхностного определения криминальности. Поверхностное определение, каким бы оно ни было по форме, основано на тезисе, что криминальность есть стремление совершать уголовно наказуемые преступления. И в какой-то степени это действительно так. Но если посмотреть глубже и обратиться к результатам исследований некоторых ученых (проф. О.В. Долженко, например), то откроется и иной взгляд на проблему. В основе нарушений уголовного кодекса лежит **готовность в целом пренебрегать общими правилами**, нарушать и разрушать установившееся. **А для этого совсем не обязательно совершать преступления.** Последние – лишь частный случай.

С разрушением традиционного, совершением неожиданных, нестереотипных действий связано также любое творчество. Чтобы создать что-то новое, доселе невиданное, нужно обладать внутренней готовностью и желанием нарушить существующий порядок. Как показали психологические исследования, состояние души, порождающее такую готовность, одинаково как у грабителя, нападающего на пункт обмена валюты, так и у физика, выдвигающего новую теорию. Но одна и та же склонность проявляется по-разному, поскольку различна точка ее приложения. Причем если оценивать, кто в большей степени выступил против устоявшегося порядка – т.е. проявил большую криминальность – то здесь зачастую творческие люди оказываются впереди уголовников.

В подтверждение своей мысли обратимся к одному из известных примеров. Николай Коперник в 1532 году завершил свою наиболее известную работу «Об обращении небесных сфер», в которой он буквально перевернул систему представлений о мире. Земля более не находилась в центре вселенной и не была неподвижной. Напротив, она вместе с другими планетами вращалась вокруг Солнца. Великий ученый не только дерзнул в уме своем опрокинуть общепринятую систему мироздания, но и не побоялся выступить против общественного мнения, всецело разделявшего систему Птолемея, согласно которой Земля находится в центре мира, а Солнце и другие звезды вращаются вокруг нее. А кроме того, выступить и против эмпирической (опытной) базы той эпохи. Дело в том, что его концепция противоречила опыту. В те времена полагали, если наша планета движется, то падение предмета с высокой башни не должно быть строго вертикальным, но иметь отклонение подобно тому, как брошенный с мачты движущегося корабля камень падает не параллельно мачте и достигает палубы на некотором удалении за счет того, что за время его полета корабль немного «уезжает» из-под камня, замедляемого сопротивлением воздуха. Эта проблема была разрешена лишь много позже, когда Галилей открыл принцип относительности движения. Но во времена Коперника относительность движения была вовсе не очевидна, и выходило, что он выступал против очевидных всем фактов.

Сказанное позволяет предположить, что для продвижения своей концепции Коперник должен был обладать немалой решительностью и готовностью рушить старое, пренебрегать существующими правилами, традициями, принципами и данными экспериментов. Причем не только в мысленном полете, но и в практической реализации. И обладать немалой смелостью,

поскольку перечисленные действия в условиях господства «человеколюбивого» христианства были прямой дорогой на костер. В сравнении с этим криминальность грабителя банка выглядит куда меньшей, поскольку грабитель преступает всего лишь закон и несколько нравственных принципов, да и рискует в целом не столь существенно.

В принципе, криминальность представляет собой частный случай маргинальности, и последняя точно так же может приводить к положительным или отрицательным результатам. В дальнейшем изложении мы раскроем маргинальность с ее позитивной стороны.

Глава 1. ХОРОШО ЛИ ЗАВИСЕТЬ ОТ ОБЩЕСТВА?

1.1 От чего зависит обыватель?

Почему отделение от обывателей оценивается нами положительно? Проанализируем проблемы, присущие обывательскому образу жизни, таким образом, составив представление, по каким направлениям отделение будет позитивным.

Справедливости ради заметим, что обывательская жизнь имеет и ряд своих преимуществ. Однако суть нашей позиции состоит в том, что проблем в обывательском существовании намного больше, и эти проблемы для обывателя неразрешимы. Точнее, сумевший их разрешить перестает быть обывателем. Укажем на некоторые из них, подчеркнув, что речь идет о некоем «среднестатистическом», интегральном портрете, характеризующим обывателя как такового.

Какой основной недостаток имеет жизнь обывателя? **Обыватель несвободен, зависим. Он не управляет своей жизнью, его жизнь во власти иного (иных).** Обычно ему кажется, что у него есть свое (типа собственное) мнение, что он принимает решения, осуществляет в своей жизни выбор, исходя из личного волеизъявления. Но к сожалению, это только кажется. Аргументируем свою позицию.

Как справедливо отмечал известный психоаналитик (а на мой взгляд – и философ) Эрих Фромм, в современном западном обществе распространено большое заблуждение: считается, что если отсутствует внешнее принуждение, то умозаключения, желания и поступки человека – его собственные. Однако они все равно навязаны человеку со стороны, извне.

Схватить суть проблемы помогает вопрос о власти. Кто властен над жизнью человека? Какова степень участия человека в управлении собственной судьбой, самоопределения, независимости? И если говорим о независимости, то от кого эта независимость? Тема свободы личности содержит в себе множество аспектов, и проявление свободы как независимости от сил внешнего принуждения – только один из них.

Да, в иные времена, когда отсутствовала демократия, нередко наблюдался деспотизм (а в ряде стран наблюдается и сейчас). Человек зависел от произвола власти, не обладал достаточными правами. Вышестоящее лицо по собственному вздорному усмотрению могло навязывать ему свою волю. При сегодняшнем демократическом строе, по меньшей мере в западных странах, завоевания свободы существенны, и ситуация стала качественно иной. Но можно ли освободить личность только политическими средствами?

С определенной точки зрения мы все так же несвободны, изменилась лишь форма зависимости. Суть осталась прежней, трансформировались лишь внешние факторы, управляющие нами. Вместо конкретных диктаторов и политических структур теперь это анонимные силы рынка, ценности общества потребления, правила игры, другими словами, социальные стереотипы. Что, конечно, легче диктатуры вождей, но порождает к жизни другие проблемы. И «не от нехватки материальных ценностей страдает сегодня человек, а от того, что стал всего лишь мелкой деталью огромной машины, превратился в работа, существование которого лишено всякого смысла» [50;338-339]. Кроме того, несмотря на отсутствие диктаторов, все равно существует зависимость и от вполне персонифицированных сил. Обыватель подвержен чужому влиянию.

От чего же именно он зависит? Ниже мы это обсудим подробно, а вкратце можно перечислить следующие моменты.

Формирование мировоззрения обывателя происходит преимущественно под влиянием внешней среды, без конструктивного участия самой личности; в течение всей жизни он следует четко (строго) заданному извне сценарию; у него отсутствует свое (собственное) мышление (мысли, идеи, оценки, выводы, поступки). Как следствие, он некритически воспринимает чужие идеи, неспособен определять (хотя бы в некоторой степени) свою судьбу, зависит от других, рискует стать объектом манипуляции и власти внешних сил, как правило, нисколько не озабоченных благополучием самого обывателя. Далее мы докажем, что обыватель негибок в своем мышлении, мировоззрении, жизненном укладе, неспособен к самоадаптации, творчеству и созиданию.

Как видно из этого перечисления, обыватель зависит как от внешних, так и от внутренних факторов. Под внутренними мы подразумеваем ограничения, проистекающие из самой личности человека, из его отношения к миру, мировоззрения, системы ценностей. В отличие от них, внешние факторы воздействуют извне, условно скажем, из «объективной реальности», и представляют собой достаточно широкий спектр возможных влияний: начиная от общественного мнения и заканчивая намеренными манипуляциями со стороны неких лиц.

Теперь рассмотрим сказанное подробнее, сначала обратившись к внутренним факторам. В качестве их вместилища корректно будет рассматривать мировоззрение. Каковы его составляющие? Среди главных его компонентов – разнообразные знания (практические, теоретические), а также ценности и нормы,

что в сумме определяет картину мира, открывающуюся человеку, его способы действий и предпочтения в этом мире. Мировоззрение играет большую, чем может показаться на первый взгляд, роль в определении качества и образа жизни, серьезно влияя на судьбу в целом.

Естественно, оно формируется под воздействием окружающей социальной среды, в которой происходит становление человека, или, пользуясь нашей терминологией, под действием внешних факторов. Но вопрос в том, **какова степень участия каждого в формировании своего личного мировоззрения.** Одно дело, когда человек непрестанно пытается осознать и воспитать себя, избирательно воспринимая и переосмысливая поступающую к нему информацию, старается созидать, растить свою личность, и совсем другое, если индивид просто воспринимает знания, установки, ценности и слепо действует согласно им. (По принципу «Так надо!»).

В последнем случае формирование его мировоззрения напоминает штамповку на конвейере: подошла деталь к прессу, шмяк – нанесен надлежащий отпечаток, деталь двинулась дальше. Внешние условия (среда, окружение, воспитание, традиции) задают некую систему жизненных ценностей, приоритетов, образцов и моделей действия. Эта система принимается обывателем как нечто надлежащее, и его дальнейшие шаги основываются на заданных установках. Как ни печально, но среди обычных людей таких «штамповок» большинство. Со стороны общества этот процесс может быть назван социальным программированием, а со стороны человека - некритическим следованием стереотипам.

С нашей точки зрения, некритическое следование стереотипам представляет собой проблему, требующую адекватного понимания.

В том числе и потому, что не только в обывателе, но и в каждом из нас, хотя в разной степени, «проштампована» какая-то часть сознания, и, чтобы осознать свои зависимости, необходимо разобраться в механизме их образования и существования. Подчеркну, я не случайно написал именно *осознать зависимости*, а не *избавиться* от них. Когда человек понимает, что и откуда появилось в его мировоззрении, он может самостоятельно сделать вывод, насколько ему нужна та или иная составляющая и стоит ли от нее избавляться. Вполне может стать так, что, осознав, он придет к выводу о целесообразности некоторых составляющих.

Допустим, мной кто-то манипулирует, но в результате его манипуляций мне становится лучше – так почему бы не позволить ему манипулировать дальше. Ради Бога, но только пока этот процесс мне выгоден. Когда он начнет мешать, я приму меры. В этом случае согласие стать объектом манипуляции - уже не следование стереотипам, а проявление сознательного выбора.

Разбавим абстрактные рассуждения жизненным примером, иллюстрирующим практические и нормативные компоненты мировоззрения. Когда я был аспирантом кафедры философии и волею судеб находился в одной из деревень Тульской губернии, ко мне подошел простой сельский парень (тракторист) и с нескрываемым осуждением сказал: «И не стыдно тебе, здоровому лбу, за партой сидеть! Ведь настоящий мужик должен отслужить в армии, жениться, пойти работать. А если работает – должен поддавать!». Я спросил у него: зачем? К моему удивлению, он не произнес привычного в таких случаях ответа: «Ты что, дурак что ли?», а задумался. Не привыкший к интеллектуальной деятельности, редко сталкивающийся с ней лицом к лицу, он до вечера находился будто в ступоре. Наконец, вернулся с просветленным видом и

выпалил: «Так надо!!!». Чувствовалось, у него, что называется, «отлегло», поколебленные были жизненные основы вновь встали на свои места.

Что мы видим? Тракторист отрабатывает заложенную в него жизненную программу, сценарий. Подобно биороботу, он следует предписаниям «ментальной перфокарты» в его голове. Не стоит, кстати, предполагать, что мы смеемся именно над трактористом. Его пример интересен, поскольку такое примитивно-комичное миропонимание достаточно ярко подчеркивает суть нашей мысли, правомерной в отношении не только провинциального российского крестьянства, но и других слоев.

Здесь вспоминается Эрих Фромм, уделявший немало внимания обсуждаемым аспектам жизни и, в числе прочего, отмечавший на основе анализа европейцев, что вступление в брак только с виду происходит по желанию, а в действительности – это запрограммированный социальный ритуал.

Отметим особо - для нас принципиально само наличие ритуала (программы), содержание же его вторично. Те, кто говорят: «Парень хочет жениться – что же тут плохого?», далеки от понимания сути проблемы. Хотя для конкретного человека действительно имеют значение ее последствия – например, в той же деревне я не раз наблюдал, как молодой человек начинает систематически пить по достижении определенного возраста в соответствии с местной традицией. Но важнее иное: какой бы программа ни была – хорошей или плохой, задачи, в ней ставящиеся, могут не соответствовать действительным целям личности, поскольку задаются извне, навязываются человеку, манипулируют им.

Действительно ли упомянутый тракторист путем собственных размышлений, анализа бытия пришел к своему мнению по поводу

армии, сроков женитьбы и отношения к спиртному? Выбрал ли он наиболее оптимальный вариант для себя? Определяется ли его жизненный путь им самим? Созрел ли он для решения поставленных задач? Смешно даже задавать такие вопросы.

Выше мы отнесли установление жизненного сценария к практическим и нормативным компонентам мировоззрения. Но проблема социального программирования распространяется и на теоретическую составляющую. Под ней мы имеем в виду комплекс знаний, суждений, мнений, разделяемых человеком. **Пример тракториста, являясь занятым частным случаем, иллюстрирует более широкую мысль, не ограниченную, с одной стороны, вопросами семьи и брака, а с другой – каким-нибудь одним социальными слоем.** Дело в том, что у обывателя отсутствуют собственные мысли, суждения, мнения по всей широте жизненной проблематики. Следствие - неспособность принимать самостоятельные решения. То есть, как таковые мысли-то, конечно, имеются, «...вопрос состоит лишь в том, является ли мысль результатом собственного мышления, то есть собственной психической деятельности» [50;241]. Чаще всего это чужие мысли. Зато они обо всем – о нормах и правилах общественной морали, личной нравственной позиции, об искусстве и культуре, о науке, технике, прогрессе, экологии, политике, подходах к воспитанию детей, поведению в семье, отношению к религии и т.д. и т.п.

Как уже отмечалось, эти вопросы были хорошо проработаны Эрихом Фроммом. В частности, он писал: «Форма и содержание наших мыслей, идей, чувств и стремлений бывают индуцированы в наш мозг извне, причем это случается так часто, что мы склонны считать подобные псевдоакты правилом, а собственные мысли индивидуума – уже скорее исключением» [50;237]. Этот тезис

Фромм иллюстрирует различными ситуациями из жизни. Например, предлагает спросить обывателя, что он думает о некоей политической проблеме. В ответ мы слышим более или менее последовательное изложение того, что говорится об этом в прочитанной им газете. Но сказанное выдается за его личное мнение, причем безо всякой задней мысли. Сам обыватель абсолютно уверен, что все пересказанное им – чистойшей воды результат его умозаключений и анализа политической ситуации. Очевидно, что это не так.

Аналогичные ситуации отмечены Фроммом и в части эстетических суждений. Продолжая свой эксперимент, он интересуется мнением обывателя об известной картине великого Рембрандта и получает вдохновенный ответ, что эта картина прекрасна и впечатляюща. Но дальнейший психологический анализ показывает, что шедевр не вызывает в обывателе никаких эмоций, никакого внутреннего восхищения, он «считает» ее прекрасной только потому, что существует такой социальный стереотип.

Но проблема шире. В результате социального программирования «проштамповывается» не только то, что человеку нужно делать и как оценивать происходящее, но и то, что ему нужно хотеть. Речь идет о так называемом массовом сознании. «В любом крупном обществе дух культуры в целом определяется духом господствующих в этом обществе групп. Частично это происходит потому, что эти группы, как правило, контролируют систему воспитания, школу, церковь, прессу, театр и таким образом имеют возможность внушать свои идеи всему населению; но, кроме того, эти властвующие группы обладают и таким престижем, что низшие классы более чем готовы принять их ценности, подражать им, психологически отождествлять себя с ними» [50;140].

То, как чужие желания, цели и ценности вторгаются в человека и подчиняют его себе, иллюстрирует пример современных трудоголиков - людей, которых сейчас достаточно много. Они целиком погружены в работу, готовы приходить в офис ранним утром и уходить поздним вечером. Случайно оказавшись дома в выходные или праздничные дни, они продолжают думать о работе, порой чувствуя себя в отрыве от нее неуютно. Их не видит семья, они устают, растрачивают здоровье, силы, нервы. Бывает, правда, их усилия вознаграждаются и они получают продвижение по службе. Случается, им удается заработать много денег.

Погруженность в злободневность трудовой формирует особый имидж и менталитет. Они гордятся, что работают больше всех. Посвящать целый день труду, приходить поздно домой, очень уставать у многих из них считается делом весьма достойным. Такие вещи рассматриваются как необходимые признаки делового человека и не только оцениваются высоко, но и считаются совершенно неизбежными. Попробуйте объяснить такому деятелю, что можно работать как-то иначе – и вы убедитесь в этом сами.

Взглянем на описываемое явление в ракурсе обсуждаемой проблемы. С точки зрения общества, наличие трудоголиков, видимо, надо приветствовать. Действительно, хотя бы – пусть работают, приумножают валовой продукт. А как с точки зрения личности? Все ли трудоголики являются таковыми «по зову сердца», вследствие особого психического склада? Сомнительно. Но ведь только для последних описанный образ жизни является оптимальным. Для остальных он противоестественен и изнурителен. Конечно, есть люди, ощущающие непреодолимую потребность активно действовать, самоутверждаться, бороться, посвящать себя служению чему-либо, в том числе фирме, отрасли, собственной стезе и т.п.

Вопрос в том, сколько их, и каково соотношение их количества с общим количеством трудоголиков.

Для оценки количеств представляет интерес информация известного российского агентства «РосБизнесКонсалтинг», проводящего ежедневные опросы среди посетителей своего интернет-портала. Так, опрос от 19-20 сентября 2002 г. – «Что Вы предпочитаете?» - показывает, что 68% людей предпочитают «много работать и много зарабатывать», 20% - «иметь собственное дело», 5% - «вообще не работать», 4% - «иметь небольшой заработок, но больше свободного времени», и 3% хотят чего-то другого (любопытно, чего?). Интересная вырисовывается картина. Получается, что трудоголиков у нас большинство. Минимум 68%, а если приплюсовать к ним еще те 20%, которые хотят иметь собственное дело, то и того больше. А паразитов-то – всего 5%. Вы, конечно, можете сказать, что у РИА «РосБизнесКонсалтинг» специфическая аудитория, не отражающая народные тенденции. На это мы возразим, что как раз для этой аудитории и актуальна проблема трудоголизма – ведь не искать же трудоголиков в среде асфальтоукладчиков.

Трудно поверить, что почти три четверти общества **действительно хотят** много работать, и что они имеют **именно такой склад души**, который позволит им в **этом режиме** ощущать себя счастливыми. Куда легче поверить в то, что они **действительно думают, что хотят** этого. Ведь «современное общество, несмотря на придаваемое счастьем огромное значение, убедило человека, что его счастье (или, если оперировать теологическим термином, его спасение) не является целью его жизни, а настоящая цель — это его долг трудиться или его успех. Деньги, престиж, власть стали главными стимулирующими факторами и целями жизни человека. И он

пребывает в иллюзорном убеждении, что действует в своих личных интересах, а на самом деле он служит чему угодно, но только не интересам своего реального “Я”» [50;294]. Действительно, здесь налицо ситуация, по сути своей аналогичная женитьбе тракториста. Ценности и модели поведения навязываются человеку извне и принимаются им без его конструктивного участия.

Дополнительным доказательством того, что описанная позиция трудоголика является всего лишь проявлением воздействия социальных стереотипов, а не объективной необходимостью, служит следующий разговор, свидетелем которого я как-то оказался на берегах туманного Альбиона. Беседовали англичанин и русский. Русский с гордостью рассказывал, как часто он задерживается на службе, как много работает. У англичанина это вызвало удивление. С его точки зрения, такой расклад характерен для малоразвитых, стран, где происходит эксплуатация человека человеком. В цивилизованном же мире у граждан существуют права, определяемые, в том числе, и трудовым законодательством, защищающим работников. Нормальный человек не позволяет себя эксплуатировать, он уважает свою личную жизнь, уделяя ей достаточно времени. Когда же возможностей и прав у человека не хватает, он идет на уступки работодателю, порой немалые. Среди них – согласие на небольшую зарплату, повышение продолжительности рабочего дня (что, кстати, равносильно снижению удельной оплаты труда), личные затраты ради фирмы (эксплуатация собственного автомобиля, пользование мобильным телефоном за свой счет и пр.). Радикальное продолжение ряда для женщин - согласие на интимные отношения с шефом. Оправдать задержки на работе можно лишь в том случае, если фирма платит существенно, т.е. действительно намного выше среднего. Такова

позиция англичанина. От себя добавлю, что объем работы не всегда означает ее эффективность. Да, по своему опыту могу сказать, что рабочий день в офисах Москвы намного длиннее, чем в офисах Лондона. Но посмотрите на статистику производительности труда – в Англии она до 10 раз выше!

Но мы отвлеклись. Разница между осознающим себя человеком и обывателем состоит в том, что первый осуществляет взвешенный выбор типа деятельности, наиболее подходящего для него, а второй с энтузиазмом следует чужим ценностям и с пеной у рта отстаивает приверженность тому или иному стереотипу, совершенно не понимая неосознанности своей позиции.

В этой связи нам близка точка зрения Фридриха Ницше, который так описывал главный недостаток деятельных людей: «Деятельным людям обыкновенно недостает высшей деятельности — я разумею индивидуальную деятельность. Они деятельны в качестве чиновников, купцов, ученых, т. е. как родовые существа, но не как совершенно определенные отдельные и единственные люди; в этом отношении они ленивы. Несчастье деятельных состоит в том, что их деятельность почти всегда немного неразумна. Нельзя, например, спрашивать банкира, накапливающего деньги, о цели его неутомимой деятельности: она неразумна. Деятельные катятся, подобно камню, в силу глупости механики. Все люди еще теперь, как и во все времена, распадаются на рабов и свободных; ибо кто не имеет двух третей своего дня для себя, тот - раб, будь он в остальном кем угодно: государственным деятелем, купцом, чиновником, ученым» [30;390].

Это что касается степени вовлеченности в трудовую деятельность. Но не менее серьезна ситуация и в части выбора профессии. Практика психологов показывает, что для человека

крайне важно суметь выбрать в своей жизни ту стезю, которая в наибольшей степени подходит лично ему, отвечает характеру, глубинным склонностям и устремлениям его личности. Для этого некоторые родители специально ведут своих детей к высококвалифицированным психоаналитикам, и последние помогают определить, в какой области следует искать будущее ребенка. Данный процесс требует значительных денежных затрат, но он не напрасен. Психологическая литература изобилует примерами, когда человек, занимающийся «не своим» делом, не может обрести внутреннее спокойствие, душевное равновесие, прийти к счастью.

Те же риски имеются и в случае следования социальным программам. Ведь «именно абстрактное социальное «я» является той самой «личностью», в интересах которой действует современный человек; эта «личность» играет ту роль, которую взял на себя индивидуум, и на самом деле представляет собой лишь субъективную маскировку его объективной социальной функции» [50;146]. С этой точки зрения, вследствие направленности на утверждение личности социальной, происходит подавление подлинной личности, и, как результат, мы имеем еще одного несчастного человека.

Как видите, примеры можно умножать, используя для иллюстрации практически любую сферу. А есть и психологический аспект проблемы. Имеются в виду жизненные переживания человека. Их состав порой бывает очень важен, поскольку эмоциональным фоном бытия фактически определяется качество жизни. В борьбе за повышение этого качества логично было бы стремиться найти механизм корректировки наших эмоциональных состояний в сторону их улучшения. Такими поисками занималось множество специалистов, и один из них, наиболее самоотверженно

атаковавший эту проблему, достаточно известен в России – мы имеем в виду Николая Козлова, основателя клуба практической психологии «Синтон» и автора ряда научно-популярных книг.

В ракурсе нашего изложения обсуждаемые вопросы интересны следующим. Практика психологов показала, что в плане эмоциональных реакций имеет место ситуация по сути своей почти такая же, как и у брачующегося тракториста. То есть, у человека присутствует своего рода матрица заранее заданных эмоциональных откликов. «Ну, естественно, я обиделась!!!» - жалуется дамочка. «Почему естественно?» - спрашивает психолог. «А как же иначе», «так надо» и пр. – типичный набор ответов. Осознание ситуации отсутствует. В общем случае нет ответа на вопросы, почему она обиделась, какие цели она этим преследовала. Нет, потому что нет и практики самоосознания, опыта таких попыток. В итоге не человек управляет ситуацией, а ситуация человеком. Его обидели – он обиделся, его разозлили – он разозлился, его расстроили – расстроился, обрадовали – обрадовался... «В этом мире человек считает естественным находиться в позиции безответственного ребенка, без вопросов подчиняющегося любым силам и стихиям: просто тем, которые имели случай сейчас на него повоздействовать. ПОГОДА... Ну что вы от меня хотите, если такая погода? НАСТРОЕНИЕ... ОБСТОЯТЕЛЬСТВА... Я тут не причем – во всем виноваты обстоятельства. И так далее: хочется, не хочется, потянуло, взбрело, наехало, привязался, отвык – для него это так же естественно и неодолимо, как закон всемирного тяготения» [20;111].

Пользуясь подобной «самонеуправляемостью», отдельные люди используют эмоциональную дестабилизацию противника в своих корыстных целях. Так поступали с артистами, спортсменами, непосредственно перед выступлением говоря им гадости и

неприятные вещи с целью выбить из надлежащего тонуса. Используются сходные методы и в дискуссиях. Например, в книге по теории и практике спора С.И. Поварнина целый раздел посвящен способам борьбы с «психологическим терроризмом» в споре – ибо при прочих равных условиях побеждает более хладнокровный спорщик.

Если же подходить к ситуации конструктивно, она выглядит по-другому. Обидные слова – это всего лишь колебания воздуха, звуковая волна. Сама по себе она не более обидна, чем шуршание листьев или брех возмущенной собаки. Это мы ее наделяем смыслом. Обыватель выбирать смысл не может, его сознание и здесь «проштамповано» соответствующими схемами предписанных реакций. Но свободный человек после определенной тренировки умеет выбирать свои реакции, что наделяет его немалой силой. Я встречался с такими людьми. Преимущество их – в непробиваемости. Их нельзя «зацепить», ими почти невозможно манипулировать. Они сами решают, как реагировать на обстоятельства.

Эту тему можно развивать и дальше, но мы воздержимся. Во-первых, она достаточно разработана другими авторами, во-вторых, ее глубокое обсуждение требует много места и времени. Заметим только, что человек, хотя бы до некоторой степени управляющий своими эмоциями, будет маргинален по отношению к толпе.

Помимо собственных внутренних ограничений, существует достаточное количество ограничений внешних. Конечно, они тесно связаны между собой. Как мы говорили об этом, первоначально внутренние ограничивающие факторы формируются под действием внешних в период воспитания и становления мировоззрения. В

дальнейшем однако, эффективность воздействий извне зависит от того, насколько сильны барьеры внутри, и, как следствие, освобождение от внешних факторов может происходить через победу над внутренними. Нужно оговориться, что с доскональной точностью эти факторы разграничить нельзя. Тем не менее, используем метафору разделения факторов на внешние и внутренние, так как это поможет систематизации. В качестве внешних факторов выступают как абстрактные воздействия (общественное мнение, традиции и порядки в обществе, реклама), так и персонифицированные (политические лидеры, «звезды», авторитеты, руководители и пр.).

Рассмотрим некоторые примеры внешних воздействий. Сегодня потребитель включен в цепочку производства в качестве элемента. Одного из элементов. Если в отношении более ранних времен можно говорить, что изготовитель чего-либо (производитель услуги) добивался успеха в случае удачного удовлетворения требований потенциального клиента, то сегодня сильнее иная тенденция. Современный маркетинг предполагает не только изучение потребностей, но и формирование их. Отличие это весьма принципиально. В свое время я изучал эту проблему, когда писал кандидатскую диссертацию, затем столкнулся с ней в практике коммерческой работы, а далее – во время прохождения курса МВА «Маркетинг и управление продажами». Логика взаимозависимости производства и потребления такова. Задача производителя теперь в меньшей степени состоит в том, чтобы, выяснив, какая житейская проблема вас интересует, предложить ее решение и получить обоснованные прибыли. Задача переформулируется. Вначале мы определяем, какая область бизнеса в настоящий момент наиболее прибыльна, а затем создаем у массы соответствующие потребности.

Управляемые обыватели воодушевленно потребляют то, что вообще-то им совсем было и не нужно, принося дельцам сверхвысокие доходы. Такой подход характерен для большинства областей промышленности и сфер услуг.

В массовое сознание внедряются различные представления – начиная от образа жизни в целом, имиджа, архетипа успешного человека и заканчивая различными мелкими деталями типа модного в настоящий момент цвета. Способов воздействия множество, а современные средства массовой информации делают все технические проблемы разрешимыми.

К примеру, буржуй хочет зарабатывать деньги, производя пиво. Он нанимает специалистов, которые раскручивают бренд, формируя так называемую «аудиторию потребителей». Как в случае с пивом «Клинское». Оно присутствовало на рынке несколько лет, ничем не привлекая особого внимания. Нормальное пиво, к тому же дешевое. Но затем его решили «перевести» на молодежную аудиторию, то есть, искусственно создать ему имидж напитка, употребляемого продвинутой молодежью.

По телевидению (тогда еще была разрешена круглосуточная реклама пива) начался активный показ роликов соответствующей направленности, в которых прямо и косвенно давалось понять, что настоящий тинэйджер обязательно пьет «Клинское», причем пьет его много. Вместе с этим изменился и дизайн этикетки. Если раньше она была выдержана в классическом стиле традиционного русского продукта, то теперь стала примитивно-аляповатой, что называется, «кислотной». Нет сомнений, что ее создавали в тесном контакте с психологами, достоверно знающими, каким именно оформлением можно «зацепить» нашу молодежь.

Через некоторое время появились и результаты – сам видел, как тинэйджер, в процессе покупки ящика «Очаковского», категорически настаивал, чтобы персонально для него несколько бутылок из ящика были заменены «Клинским». Уловка сработала.

Кстати, случай с этим брендом стоит несколько особняком. Его раскрутка оказалась столь успешной, что впоследствии вызвала проблемы, поскольку производители были обвинены в спаивании молодежи, и к ним применили санкции. Впрочем, последние оказались неэффективны. А в целом эта история показывает, как с помощью манипуляции массовым сознанием можно за короткие сроки заставить определенную группу населения активно покупать (и полюбить!) товар, не имеющий никаких выдающихся свойств и, кроме того, давно известный потребителю.

Не нужно думать, что манипулируют только молодежью. Со старшими товарищами ситуация сходная. Формы манипуляции могут различаться при сохранении ее эффективности. И в итоге, за массу народа выбирает дядя, зарабатывающий миллионы на обывателях, впаривающий им совершенно ненужные, а порой и небезопасные вещи, диктующий им «правильный» (т.е. выгодный для него) образ жизни, стиль одежды, схему мышления, наконец.

Кстати, изменение этикетки «Клинского» очень даже не случайно и свидетельствует, что наши доморощенные манипуляторы удачно перенимают западные приемы. Изображение на этикетке весьма важно. Более того, огромное значение имеет цветовая гамма. В США существуют специальные маркетинговые консалтинговые фирмы, в числе прочего, серьезное внимание уделяющие вопросам цвета. Некоторые такие консультанты по результатам многолетней работы публикуют книги, где вам подробно будет объяснено, использование каких цветов в каких

товарах и для каких возрастных групп позволит вам заставить покупать вашу продукцию. Авторы, не стесняясь, утверждают, что вот эта цветовая гамма гарантирует рыдания ребенка у понравившейся ему игрушки, и его родителям не удастся уйти без покупки, а вот другая – ориентирована уже на подростков, третья – на лиц 25-30 лет, следящих за модой, и так далее, вплоть до группы пожилых людей. Опыт американских консультантов показывает, что влияние цвета на объем продаж существенно. Главное – правильно распознать закономерности.

Рассказ о «цветовом манипулировании» приведен здесь для примера, мы не вдавались в тонкости этого процесса. Да они и не важны для нас – идея лишь в том, чтобы продемонстрировать еще один способ управления волей, желаниями обывателя. Сам механизм цветовой манипуляции достаточно сложен, его изложению посвящены целые книги (например – Купер М., Мэтьюз А. Язык цвета. – М.: Изд-во Эксмо, 2002.). А кроме цвета существуют еще десятки подобных «параметров влияния».

«На самом деле людям просто кажется, что это они принимают решения, что это именно они хотят чего-то, в то время как в действительности они поддаются давлению внешних сил, внутренним или внешним условностям, и «хотят» именно того, что им приходится делать. Наблюдая за тем, как люди принимают решения, приходится поражаться тому, насколько они ошибаются, принимая за свое собственное решение результат подчинения обычаям, условностям, чувству долга или неприкрытому давлению. Начинает казаться, что собственное решение — это явление достаточно редкое, хотя индивидуальное решение и считается краеугольным камнем нашего общества» [50;249]. Ясно, что в этих

условиях человек, способный на собственное решение, является маргиналом. Позитивным маргиналом.

1.2 Для чего нужен обыватель?

Подчеркнем один момент. Выше мы рассматривали проблемные ситуации с точки зрения благополучия самого человека, индивидуальности. Ведь страдает конкретная личность. А именно ее интересы мы и выражаем на этих страницах. Поэтому бороться нужно только внутри себя, иногда – с собой, имея целью дальнейшее личное развитие. А не с «несправедливым» социумом. С точки зрения общества или его правителей, все нормально. Обыватель, нужен. Он не только формирует внешнюю среду, на фоне которой происходит развитие выдающихся людей (задумайтесь – выдающихся – относительно кого?), но и придает стабильность социальной системе. В его отсутствие она пошатнется. Не претендуя на всеохватный анализ, поясним нашу мысль следующими доводами.

«Социальное программирование» вполне может быть оценено положительно. Все зависит от того, с какой стороны посмотреть. С точки зрения обеспечения устойчивости общества, оно весьма полезно, и даже незаменимо. Это замечательное средство, сохраняющее сословные группы, национальные традиции, культуру в целом, а также воздействующее на массы в плане обуздания деструктивных порывов и направления их в конструктивное русло.

Задумайтесь, каким еще образом можно организовать деятельность необразованных, недалеких людей? Полноценное понимание себя, своего места и роли в мироздании у них отсутствует; как следствие, осознанием собственного морального долга они также не обременены. Здесь невозможно обойтись без внешнего принуждения, увесистой дубины, готовой в мгновение ока сверзиться на головы ослушавшихся. Но этот вариант реализуем

ограниченно – хотя карательные органы и присутствуют, приставить к каждому человеку надсмотрщика невозможно. Даже диктаторские режимы, подобные северокорейскому, стремящиеся к тотальному контролю, оказались не в состоянии решить все проблемы управления указанным методом.

Что же делать в такой ситуации? На выручку приходят два эффективных средства – религия и традиция. Религия, с одной стороны, также играет роль внешнего принуждения («Бог – он все видит, неизбежна кара небесная»), с другой – она связана с традициями. Традиция же, или социальная программа, трактуемая здесь как комплекс ценностей и стереотипов, в свою очередь, успешно воплощает в себе черты как религиозного, так и силового способов организации народа. Религиозного – потому что дает однозначный ориентир, как надлежит поступать в той или иной ситуации. Силового – потому что вместе с описательной функцией она выполняет и оценочную – не только говорит, как надо, но и указывает, что хорошо, что плохо. Так, например, фраза «Мужик должен отслужить в армии» помимо того, что устанавливает перспективу ближайших действий молодого человека, еще и указывает, что отслужить в армии – хорошо, а избежать службы – позорно («Ну это же не мужик!»).

В отсутствие собственных творческих суждений обывателя, эта внешняя установка внедряется в его сознание, где занимает место собственных мыслей, что в известной степени гарантирует предсказуемость его поведения – ведь теперь инициатива поступков идет как бы от него самого, как бы он сам захотел и, чтобы выбрать иной вариант, должен возражать сам себе.

Разовьем приведенный пример. Допустим, с точки зрения соблюдения геополитических интересов страны, необходимо начать

локальные боевые действия. Они, в то же время, выгодны группе лиц, обоснованно рассчитывающих в случае начала войны на получение высоких прибылей. Но чтобы вести войну, нужно «пушечное мясо». Тут-то и пригодятся те, кто подчинен идее «не служил – не мужик». Да и подчинены они ей не случайно – ибо власти, предвидя такую ситуацию, заранее вели соответствующую подготовку. Нормальная ситуация для общества. В свое время Герберт Спенсер отмечал, что в социуме присутствует механизм, цель которого - влиять на индивидов таким образом, чтобы они хотели делать то, что должны делать, и таким образом принудить их исполнять свою социальную функцию.

Нечто подобное наблюдается и в мире природы. Сходство довольно естественно – ведь человек тоже часть природы, хотя и весьма неблагодарная ее часть. В одной телепередаче про жизнь обитателей моря я увидел хорошую иллюстрацию обсуждаемых нами вопросов. Где-то далеко в морях водятся мелкие живые существа, подобные креветкам. Живут они большими колониями, размножаясь в невообразимых количествах. Ими питаются мелкие рыбы, а мелкими рыбами – большие кашалоты. Также, как ни странно, и рыб, и этих существ едят акулы. На экране это выглядит так. Под водой огромным роем вращаются миллионы креветкоподобных организмов. Издали они похожи на гигантское облако. К нему приближается иное облако, потемнее – это несется громадный косяк мелких рыб. Он врывается в рой, и начинается пиршество. Его прерывает появление кашалота. Распахнув алчущую пасть, последний заглатывает тысячи рыб одновременно. А появившиеся акулы не позволяют рыбам и организмам рассеяться, сгоняют их обратно в стаю и также пожирают.

В свете нашего разговора интересно следующее. По свидетельству авторов фильма, мудрая природа все предусмотрела заранее. **Существа, служащие пищей для других, специально рождаются в заведомо больших количествах.** Причем, если их будет меньше, то в первую очередь это угрожает не им самим, а хищникам. Охота на мелких, разрозненных существ будет неэффективна. Потратив целые сутки на поиски пропитания, хищник израсходует много сил, но останется голодным. Для удачной трапезы ему необходимо именно наличие стаи, внутри которой можно жрать «не отходя от кассы», до полного насыщения. В свою очередь, жертвы хищника смогут выжить и разрозненно, поскольку для их питания сбиваться в стаю необязательно. Что мы видим? Природа имеет свой «Общепит». С точки зрения гармонии, все происходит правильно. К сожалению, нельзя узнать точку зрения отдельной рыбки. Философствовать она не склонна, занята практическими делами, поэтому не осознает, что, скорее всего, цель ее жизни – накормить другое существо собственным телом.

Или более близкий россиянам пример. Кошка специально рождает котят «с запасом», заведомо больше, чем может и должно выжить. Гибель части ее потомства предусмотрена и необходима, иначе, если выживут все, под угрозой будет поставлено все существование рода кошачьих в данном ареале. Так же и с другими.

Вспоминается занятный случай времен моего детства. В деревне мужик взял на откорм 100 кроликов и разместил их в клетках в своем хлеву. Однако здоровье «инкубаторных» зверьков оказалось не чемпионским, и они один за другим стали, что называется, преставляться. Однажды мужик пришел с работы в более нетрезвом состоянии, чем обычно, и будучи крайне возмущенным фактом кончины еще одного кролика, в наказание

выгнал из дому всех остальных. (Если воздержаться от литературной редакции описания произошедшего, то ситуация выглядела так: с криком «Суки, да пошли вы все на ...!» он бегал и распахивал клетки). Испуганные кролики, увидев путь к свободе, попрыгали вовне. Похмелившись утром и вспомнив вчерашний вечер, мужик выразил сожаление о содеянном в доступной ему терминологии. Но это был не финал истории. Через некоторое время локальная экологическая обстановка оказалась нарушенной. По каким-то причинам кролики оказались несклонны к миграции и предпочли проживать в непосредственной близости от участка этого мужика. В результате на его огороде в скором времени все растения, даже лук, оказались съеденными под корень – кролик, как известно, животное травоядное, причем с немалыми аппетитами.

О чем говорит этот случай? Дисбаланс был искусственно внесен человеком, когда он поместил кроликов в тепличные условия, где они и размножились весьма. В природе такой темп воспроизводства себе подобных уместен, поскольку велик процент гибели. В неволе этот процент мал, но это требует постоянного внимания со стороны человека. Когда кролики, обретя свободу, такое внимание утратили, они столкнулись с трудностями самостоятельного обеспечения бытия.

В целом система работает правильно. Крольчиха рождает детенышей с еще большим запасом, чем кошка. В этом случае природа учитывает не только процент естественного падежа, но и необходимость накормить лису и рысь. Все продумано. Здесь доминируют интересы системы, а возникающие проблемы частного порядка мало кого волнуют. И среди людей есть такие, кому проблемы системы кажутся важнее. Но что бы они сказали с позиции «лишнего» крольчонка, котенка и т.п.? А не оказывается ли

человек порой в сходной ситуации, когда не утруждает себя осознанием собственного бытия?

Налицо явное противоречие между целями индивида и стоящих над ним структур. С одной стороны, некритическое восприятие традиций, социальных стереотипов делает человека зависимым как от различных образований (государство, армия, церковь), так и от стоящих за ними людей, цели которых в общем случае никак не связаны с благополучием **отдельного индивида**. С другой стороны, статистически, **в деле выживания рода** такую ситуацию можно признать нормальной. А в то же время, за этой статистикой – тысячи (сотни тысяч, миллионы!) чьих-то сломанных судеб.

Несмотря на свою неприглядность ситуация не является тупиковой. Без сомнения, существует решение, когда самостоятельный, осознающий себя человек не будет игрушкой в руках внешних сил, окажется способным вершить свою жизнь в соответствии с собственными устремлениями (и волей Господа, если хотите). И в то же время, он будет осознавать не только себя как самостоятельную личность, но и единство с окружающей его средой, в том числе и социальной, и его поведение не будет противоречить интересам рода. Гармония возможна. Надеемся, дальнейшее изложение прояснит многие моменты.

Хотя в любом случае, позитивный маргинализм – доктрина избранных. И не только потому, что такой вывод получается автоматически при логическом анализе термина «позитивный маргинализм». Маргинал потому и называется маргиналом, что не принадлежит к большинству. Но есть и содержательные основания.

Мы ни в коей мере не ставим своей целью массовое освобождение людей от обывательских оков, как делают некоторые

наши современники (тот же Николай Козлов, к примеру). Не следует освобождать всех. Здесь же уместно вспомнить фразу, приписываемую Френсису Бэкону. «Атеизм, - говорил он, - это тонкий слой льда, по которому один человек может пройти, а целый народ рухнет в бездну». То же можно сказать и о позитивном маргинализме. Он лишь для избранных. Лучших всегда меньшинство. Кто-то по сходному поводу сказал, что появление двадцати тысяч Шекспиров приведет к обесцениванию искусства.

И все же, на данном этапе наша позиция может показаться читателю противоречивой. Получается, что с одной стороны, мы говорим, что позитивный маргинализм – это хорошо, с другой показываем, что если его последователей будет много, то это уже плохо. То есть получается, что преимущества свободного человека предназначены явно не для всех. Кроме того, наверное правомерен вопрос, насколько этично публиковать книгу о том, как перерасти обывательский уровень, если обыватели необходимы для существования общества. Вдруг они в массовом порядке одумаются, станут свободными, и социальные основы окажутся поколебленными?

Конечно, наивность этого вопроса очевидна. Ясно, что такое развитие событий невероятно. Но в то же время, грамотный подход предполагает не только констатацию очевидного факта, а включает в себя и понимание, почему это происходит так, а не иначе, и в каких пределах верно наше утверждение.

Для доказательства своей позиции у нас есть два аргумента. Во-первых, если мы хотим хорошей жизни для общества, то следует помнить, что изначальная нацеленность на благо большинства неэффективна. Куда эффективней стремиться к благу отдельных людей, тогда приумножится и общее благо. Во-вторых, массовый

переход обывателей на уровень позитивного маргинала невозможен, поскольку наши идеи непосредственно обывателями востребованы не будут. Ниже аргументируем свою точку зрения.

1.3 Нужен ли обывателю позитивный маргинализм?

Мы придерживаемся философской и гражданской линии, согласно которой личность человека оценивается очень и очень высоко, важнее абстрактного общего блага. В этом смысле нам близок дух западной демократии. Одновременно существует немало доктрин, отстаивающих идею доминирования общественного над личным. Их авторы - не только коммунистические идеологи, но и различного рода гуманисты, например, французский просветитель восемнадцатого столетия Жан-Жак Руссо и многие другие. Человек делает собственный выбор, какую позицию ему занимать. Я лично, застав коммунистическое время, для себя отчетливо понял, что акцент на доминировании масс приводит к доминированию основных качеств масс в любых аспектах нашей жизни. Это – посредственность, безответственность, бессилие в созидании и многое, многое другое, о чем дает представление предыдущая глава нашей работы. Сколько-нибудь способный, творческий человек оказывается в этой ситуации зажат со всех сторон, ощущает невозможность полной самореализации. Торжествует быдло. Одновременно и государство, и общество приходит к развалу. Ибо историю делают не массы – историю делают гении, на массах только апробируются их идеи.

Практическую эффективность социального строя, где общее ставится выше частного и тем самым подавляется значимость индивидуального начала, демонстрируют экономические результаты коммунистической эпохи стран соцлагеря. Пример социалистического прошлого нашей страны убедителен сам по себе (особенно для тех, кто реально его опробовал!), но еще более яркую иллюстрацию представляют собой страны, которые были разделены

пополам – одна часть строила социализм, другая была привержена демократическим ценностям. Это Германия и Корея. Если показывая на Россию, коммунисты могут ссылаться на наши внутренние особенности (дескать, умом-то нас не понять) и говорить о некорректности сравнения России с другими странами, то в этом случае они такого аргумента лишены – начальные условия одинаковы, и народ один!

А разница в результатах впечатляюща. В то время как в Восточной Германии немцы десятилетиями стояли в очереди, чтобы купить «Жигули» (имеются факты ожидания по 13 лет!), Западная Германия, населенная такими же немцами, выпускала лучшие в мире автомобили – BMW, Mercedes, нередко выступая законодателем мировой автомобильной моды. В то время как Южная Корея демонстрирует невиданные темпы экономического роста, успешно завоевывая своими товарами не только азиатские, но и европейские, и американские рынки, в Северной Корее народ вымирает от голода! Зато имеет атомную бомбу, отточенную вертикаль власти и великого вождя. И так далее.

Не стоит повторять исторические ошибки. Поэтому заявляя о своей приверженности идеалам личных свобод, мы призываем присоединяться к нам и помнить, что обратную позицию точно охарактеризовал поэт фразой «Мы строим счастье сразу всех, и нам плевать на каждого!».

В отличие от «строящих счастье сразу всех», мы пытаемся помочь каждому найти его счастье. Разумеется, слово «каждому» нужно правильно понимать. Иначе опять может создаться видимость противоречия: с одной стороны, говорим об избранности, с другой – о каждом. Разрешить противоречие поможет вопрос: каждому из кого? Ведь мы не ходим по улице, обращаясь к народу с

душеспасительными речами, не формируем фонды поддержки крестьянской молодежи, не занимаемся популяризацией психологии. Но, стараясь проживать вдумчивую, осознанную жизнь, делимся своими мыслями с читателями. А кто они? Не секрет, что обыватель философских книг читать не станет. Для него философия – наука бесполезная. Ему и так все ясно. Помните тракториста? Чего тут думать!

Значит, читающий эту книгу – не обыватель, занят в своей жизни неким поиском. Мы полагаем, что наша аудитория никак не меньше числа людей, потенциально способных стать позитивными маргиналами.

Но даже если мы бы вдруг захотели, чтобы наши идеи восприняло большинство, и стали бы прилагать к этому самоотверженные усилия, они вряд ли увенчались бы успехом. Так как, чтобы стать позитивным маргиналом, необходима постоянная работа над собой. **А к самосовершенствованию, самосозиданию способно меньшинство. В любом случае.** Большинство же остается инертным не только в простых жизненных ситуациях, таких как посещение психологического тренинга, но и в куда более серьезных, когда под угрозу ставится сама жизнь. Реальность подтверждает эти слова, а в качестве одного из практических примеров вспоминается рассказ Мирзакарима Норбекова, основателя Института самовосстановления человека.

Когда-то, еще в советские времена, он с коллегами проводил учебно-оздоровительный курс. Для участия в занятиях были приглашены больные, приговоренные современной медициной как безнадежные, но еще более или менее стоящие на ногах. Было разослано около шестисот приглашений людям, умирающим от одного очень страшного заболевания на стадии, когда медицина

опускает руки. В приглашениях было написано: «У Вас есть реальный шанс восстановить здоровье. Встреча через месяц по такому-то адресу», и дальше несколько подписей главных специалистов Горздрава. Как вы думаете, сколько человек пришло? Когда на это мероприятие прибыла врачебная комиссия, вспоминает М.Норбеков, она подняла бунт: «Почему такой маленький зал?! Мы же сказали, что пригласили шестьсот человек, а будет где-то полторы-две тысячи, потому что приглашенные наверняка приведут родных, знакомых. Если кому-то в этой давке будет плохо, прямо отсюда пойдете на скамью подсудимых». Дело в том, что была снята аудитория только на пятьдесят мест. Норбеков ответил, что если из числа приглашенных придет пятьдесят человек, он при всех готов отказаться от своих убеждений. В итоге пришло двенадцать.

Подобное наблюдается и в жизни. Наверняка вы, читатель, знаете немало собственных примеров, из любых жизненных областей. Обыватель готов страдать, лишь бы не изменяться. В семье – проще поскандальить и успокоиться, чем искать пути решения проблем, в здоровье – проще выпить таблетку, чем делать гимнастику, в работе – жаловаться на судьбу и начальство, чем укреплять свои позиции, расширять кругозор, повышать компетентность и развивать профессиональные навыки.

Но не только из-за лени и неспособности к самосозиданию обыватели не станут позитивными маргиналами. Важно еще и то, что у них нет соответствующих потребностей. Они не хотят освободиться от своих оков, им это не нужно. Уделим этому аспекту определенное внимание.

Свобода занимает важное место в доктрине позитивного маргинализма. Обретая позитивную маргинальность, человек обретает свободу. А вместе с ней и ответственность за свои

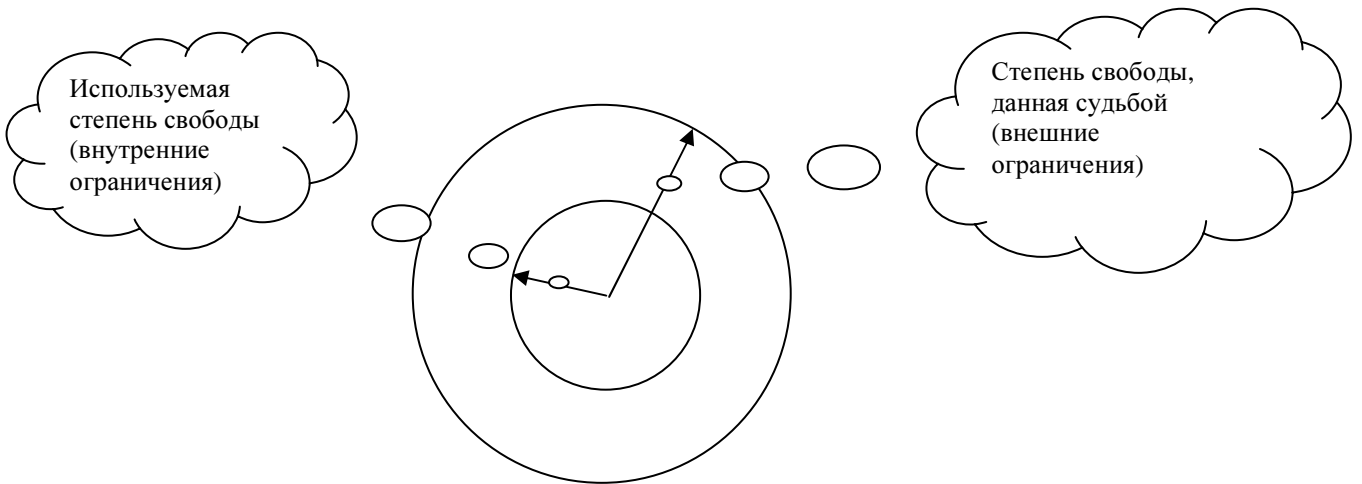
поступки. Ведь теперь его действия основываются не на ссылках на различные установки – «так надо, так принято, все так живут», не на стереотипных образцах, не поддающихся модернизации, а на ясном понимании своих целей. Он сам принимает решения, возлагая управление собственной жизнью на себя, а не вверяя его сторонним силам.

Однако этот момент, являясь, с нашей точки зрения, безусловно положительным, одновременно выступает существенным ограничением сферы применения доктрины позитивного маргинализма. Потому что **обывателю свобода не нужна**. Наверное, такое утверждение может показаться спорным. Чтобы прояснить суть вопроса, давайте посмотрим на соотношение потребностей и возможностей. Когда человек испытывает разочарование от того, что лишен возможности сделать что-либо? Когда он имеет соответствующие стремления. Если они отсутствуют, то повода для разочарования не будет. Например, молодого ученого, романтика дальних странствий может безумно огорчить отказ взять его в экспедицию за полярный круг. Но огорчится ли обыватель, идущий из магазина с сумкой картошки и бутылкой портвейна, если вы скажете ему, что он не поедет с вами постигать красоты северных широт?

Рассмотрим подробнее, какими качествами должен обладать человек, чтобы воспользоваться свободой. Вопрос, насколько нужна свобода, предполагает понимание, для чего она нужна, каким образом ее собираются реализовывать. Здесь опять стоит вспомнить, что нашу свободу ограничивают как внешние, так и внутренние факторы. В условиях наличия ограничений удобно воспользоваться термином, заимствованным из технических наук, – степень свободы. Внешние факторы предоставляют одну степень свободы, внутренние

– другую. Первые отражают объективный предел возможностей, предоставленных человеку его судьбой, который он в принципе не может перейти. Вторые устанавливают предел собственных способностей и восприимчивости, то есть, то количество свободы, которую человек может взять.

В каком соотношении они находятся? Суть нашей мысли в том, что **обывателя внутренние факторы ограничивают куда больше, чем внешние. А в таких условиях внешние ограничения теряют свою значимость, ибо они не успевают проявиться.** Смысл сказанного можно наглядно показать с помощью следующей аналогии. Допустим, нас по жизни ведет судьба. Для наглядности вообразим, что ведет она нас, как собаку, на поводке определенной длины. Тогда степень свободы, установленную внешними факторами, можно представить как физическую длину поводка, дальше которой отойти от намеченного судьбой пути просто невозможно. Как тогда представить факторы внутренние? Если вам доводилось наблюдать за поведением собак, то вы, наверное заметили, что одно четвероногое использует всю предоставленную длину поводка, с удовольствием бегая по кустам, да еще и пытается утянуть за собой хозяина. Другое же, напротив, имеющуюся свободу не использует в полном объеме. Разные причины – боязнь «того, кто сидит в кустах», лень, отсутствие вдохновения и пр., не позволяют второй собаке далеко отходить от хозяина, поэтому она крутится вокруг него и на просторы не рвется. Такое наблюдение создает впечатление, что существует еще один невидимый второй поводок, устанавливающий свой предел меньшего радиуса. Вот это и есть внутренние факторы. Сказанное хорошо иллюстрируется графически:

Ясно, что для второй собаки длина хозяйского поводка не имеет значения. И если хозяин решит дать своему животному больше свободы и станет удлинять поводок еще и еще, хоть до сотни метров, собака никакой разницы не почувствует. У нее недостаточно способностей даже к тому, чтобы использовать имеющееся.

Данная аналогия, имеющая для нас теоретическое значение, находит достаточно практических иллюстраций в обыденной жизни, являясь справедливой как для интеллектуально-духовно-психической сферы, так и для материальной. В первом случае ситуация может выглядеть так. Жизнь, поставив человека перед выбором, предоставила сорок реально воплотимых вариантов решения проблемы, очертив тем самым свой радиус, но человек, в силу личного скудоумия, безынициативности и неизобретательности, оказался способен увидеть только четыре. Таким образом, радиус его свободы ощутимо (в 10 раз) меньше возможного в этих условиях. Или в сфере материальной. Некий сведущий и опытный мужчина, стремящийся купить автомобиль,

отлично знает все возможные варианты и вполне понимает преимущества Мерседеса перед Тойотой. Однако, поскольку денег едва хватает на новую Тойоту, для него не имеет никакого значения широкий выбор Мерседесов в различных автосалонах.

Итак, оттолкнувшись от понятия радиуса свободы, мы выяснили, что он устанавливается дважды – один раз реальностью и один раз бытийствующим в этой реальности субъектом. Второй радиус почти целиком определяется личностными качествами. Подчеркнем, что в последнем случае речь идет не только о наличии/отсутствии возможностей сделать что-то. Важно наличие потребностей, которые собираются реализовать. Тонко и точно обсуждаемое схватил в своей строфе поэт Игорь Губерман:

*Свобода, глядя беспристрастно,
Тогда лишь делается нужной,
Когда внутри меня пространство
Обширней камеры наружной.*

В этой связи вспоминаются дискуссии эпохи перестройки. Кто горячо поддерживал реформы? В первую очередь, интеллигенция. Почему? Потому, что реформы давали надежду освободиться из-под гнета марксистско-ленинской доктрины. Из-за чего нужно было освобождаться? Из-за того, что богатые внутренним содержанием люди не могли достичь полной реализации собственного творческого потенциала в условиях авторитарного доминирования известной идеологии, подавления свободомыслия, господства массового над индивидуальным. Их внутренние, духовные потребности выходили далеко за рамки реальных возможностей самореализации, предоставляемых социалистическим обществом. Поэтому даже когда реформы привели к плачевным результатам, многие из них не отреклись от идеалов гражданских свобод, дающих

возможность, пусть даже небольшую, актуализировать свое внутреннее богатство.

Иное с другими социальными классами; для контраста возьмем крестьянство. Если раньше тракторист получал большую зарплату, не сильно зависевшую от производительности труда, успешно воровал, безнаказанно пьянствовал в рабочее время, осознавая при этом себя членом всеобщего почитаемого рабоче-крестьянского социалистического братства («Гегемон!»), то с началом реформ его жизнь изменилась в худшую сторону – материальная составляющая изрядно поредела. Зато появилась свобода в реализации собственного духовного потенциала. Но поскольку такой потребности у среднестатистического обывателя нет, как нет и потенциала, социальные изменения воспринимаются им однозначно негативно. Ему не нужен поводок такой длины, он не готов столько платить за него. Поэтому он не ценит демократические завоевания, ему не нужны открывшиеся возможности, пользоваться ими он не будет.

«Для того, чтобы человек боролся за свободу, нужно, чтобы свобода в нем уже была, чтобы внутренне он не был рабом. ... **В сущности свобода аристократична, а не демократична** (выделено мной – Д.П.). С горечью нужно признать, что свобода мысли дорога лишь людям, у которых есть творческая мысль. Она очень мало нужна тем, которые мыслью не дорожат» [5;81]. Или, к примеру, свобода слова. Она требуется лишь тому, кто имеет в себе нетривиальное содержание, для выражения которого нужно именно **свободное слово**, либо тому, кто, не довольствуясь обыденностью, нуждается в восприятии свободных мыслей другого. И хотя свобода слова является победой над прежними ограничениями, действительно демократическим достижением, «...современный

человек находится в таком положении, когда многое из того, что он говорит и думает, думают и говорят все остальные. Не имеет никакого смысла, чтобы никто не мешал выражению мысли человека, пока он, человек, не научится мыслить оригинально, отлично от всех остальных» [50;130-131]. *«Право выразить свои собственные мысли имеет действительно какой-то смысл тогда и только тогда, когда эти мысли на самом деле существуют; мы можем с уверенностью заявлять, что обрели свободу от внешней власти только в том случае, если внутренние психологические условия позволяют нам утвердить свою индивидуальность»* [50;296].

Сходная картина наблюдается и в других ситуациях. Поэтому, задаваясь сегодня вопросом, много ли людей нуждаются в свободе, приходится признавать, что нет. Тот, кто считает свою жизненную функцию реализованной при условии выполнения простейших житейских нормативов – устойчивая семья, дети, стабильная работа – и этим ограничивается, в свободе не нуждается. Для устройства обывательского рая вполне достаточно минимума ее социальных характеристик.

Поэтому не о том нужно беспокоиться, что создатель нам дал мало свободы, а о том, что имеющееся не востребовано. «Мы как зачарованные следим за бешеным ростом свободы от каких-либо внешних сил, и, как слепые, не видим всех тех внутренних принуждений и страхов, которые ставят под сомнение все завоевания свободы, все ее победы над извечными врагами» [50;130-131]. Значение объективного предела проявляется лишь тогда, когда наше собственное стремление следовать путем исканий заставляет нас, выбрав все люфты и зазоры, наткнуться на него. В противном случае объективного предела как бы не существует – на этом уровне

границы нашей свободы всецело определяются субъективным пределом, то есть нами.

Свобода нужна лишь тому, кто имеет потребность в свободе и возможности ее использования. И на фоне обывателей такой человек, безусловно, выглядит маргиналом. Обывателю же свобода не только не нужна, но и вредна, ибо в нем нет конструктивности.

В этой связи интересны мысли американского писателя Алана Уотса, который предположил, что бы сказал в обращении к народу президент Соединенных Штатов Ричард Никсон, изучив желания и устремления «безмолвного большинства». «Я обнаружил, сообщает он, что оно желает снова обратить негров в рабов, отменить первые десять поправок к Конституции, заключить всех беспокойных студентов колледжей и длинноволосых молодых людей в концентрационные лагеря, понизить налоги, вернуть штатам суверенитет и преодолеть сопротивление благоразумных политиков, которые не дают стереть с лица земли всех «неудобных» в Юго-Восточной Азии, а также истребить или подчинить правительству Соединенных Штатов население Китая и России. Поэтому вполне естественно, продолжает он, что как хороший бизнесмен и ваш покорнейший слуга, я счел своим долгом приблизительно оценить, во сколько обойдется нам это начинание, причем не только в смысле денег, но и в смысле времени, беспокойства, энергозатрат и ядерных боеголовок. Как это ни прискорбно, отметит он, должен сказать вам, что если вы хотите, чтобы наше правительство взяло на себя обязанности контролировать Китай, мне придется отправить туда вас, и тогда вам придется довольствоваться чоп-сьюи вместо бифштекса-филе и яблочного пирога. Придется также принять особые меры по утилизации огромных куч гниющих и воняющих трупов,

ведь в противном случае по всей Земле распространятся болезни. Статистика показывает нам, продолжает дальше он, что 75% парней, посылаемых нами во Вьетнам, привыкают к марихуане и заражаются разновидностью гонореи, перед которой бессильны наши антибиотики. Кроме того, поскольку атмосферные массы над нашей планетой медленно перемещаются на восток, сброс ядерных бомб на Китай рано или поздно приведет к тому, что молоко кормящих матерей в Америке будет заражено стронцием-90, как уже сейчас оно заражено ДДТ. Я также попросил своих поверенных, скажет он, подсчитать приблизительно, во что выльется содержание за решеткой всех негров, и с великим сожалением должен сообщить вам, мои дорогие сограждане, что вы будете неприятно удивлены, когда вам преподнесут счет» [44;252]. Интересные размышления. Хотя они и относятся ко второй половине прошлого века, нет никаких сомнений, что общий контур мысли верен и сейчас.

Используя тему свободы в качестве одной из иллюстраций, почему обывателями не будут востребованы наши идеи, мы приходим к выводу, вполне согласующемуся с общим контекстом нашего изложения. Обывателя делают несвободным его внутренние ограничения, и, как правило, он сам не хочет освободиться от них. Даже если он и не против освободиться по идеологическим соображениям, то прилагать усилия, совершенствовать себя он не будет. И государству это на руку, потому что несвобода и управляемость обывателя приносит социальную стабильность, прогнозируемость общественной жизни. Изложенное позволяет заключить, что поскольку доктрина позитивного маргинализма тесно связана с проблемой свободы и ведет к освобождению личности, она тоже не может претендовать на массовое

распространение и будет воспринята только людьми, чей внутренний потенциал достаточно высок.

Кому же в этом случае адресовано наше изложение? Оно адресовано тем, кто не удовлетворен обыденным течением жизни, чья мысль ищет простора, кто стремится к осознанию себя, своих возможностей, границ и предпосылок, или, говоря философским языком, рефлексии. Тем, для кого слово «саморазвитие» – не пустой звук, кто желает освободиться сам, стать лучше, умнее, сильнее, благороднее, воспитать в себе Личность с большой буквы. Ясно, что указанные цели для обывателя нехарактерны, и уже поэтому исповедующий их будет маргиналом, будет возвышаться над толпой.

Глава 2. В ЧЕМ И КАК МОЖЕТ ПРОЯВЛЯТЬСЯ МАРГИНАЛИЗМ?

До сих пор мы вели общие рассуждения, цель которых – описать идею позитивного маргинализма как таковую. Соответственно, мы определяли его лишь косвенно, указывая, от кого отличается такой маргинал, кем он не является и почему. Теперь пора конкретизировать это понятие. Необходимо обрести более ясное понимание, уточнив, как и в чем именно может проявляться маргинализм, и лишь затем оценить, в каких случаях он будет позитивным. Будем последовательны в своих рассуждениях и поговорим сначала о проявлениях.

Строго говоря, маргинализм может проявляться как угодно и везде. Попытки его систематизации опять наводят на мысль о внутренних и внешних его проявлениях. Внутри он проявляется в ментальности, в мыслях, вовне – в подведении, в поступках. Как уже отмечалось, эти сферы взаимосвязаны. Чаще всего мысль определяет действия, линия поведения имеет под собой общую стратегию. Ну не у всех, конечно, но у некоторых имеет. И наоборот, поступки влияют на ум человека, осуществляя таким образом обратную связь. Но для наших рассуждений их разделение как аналитический прием необходимо, ведь иначе пришлось бы погрузиться в пучину фраз типа «Все во всем, все влияет на все, мир неразделен и неслиян» с последующей остановкой мышления и рассуждений вообще.

Итак, внутреннее и внешнее, теория и эмпирия, мысль и поступок. Охарактеризуем некоторые проявления, планомерно продвигаясь от общего к частному. Маргинализм внутреннего мира может быть, например, в следующем.

Система ценностей. Система ценностей человека есть матрица, наделяющая отдельные проявления бытия смыслом и значением.

Позже мы рассмотрим подробнее, как и до какой степени осознанно человек приобретает эту матрицу, а пока лишь зафиксируем, что отличие маргинальной системы ценностей от обычной больше, нежели несоответствие систем двух обывателей, обусловленное личными приоритетами. При этом важно отметить, что ценности маргинала не обязательно должны противостоять всему обывательскому. Они могут и дополнять его. Например, по моим наблюдениям, серьезное увлечение классической музыкой в среде коммерсантов делает увлекающегося маргиналом по отношению к коллегам, со всеми вытекающими последствиями, так как среди них ценности высокого искусства обычно не котируются.

Чувственные переживания. У маргинала они могут быть иными, хотя не все и не всегда. Ряд ученых полагает, что чувственные переживания напрямую завязаны с рациональными установками, фактически производны от них (см., например, Микешина Л.А., Опенков М.Ю. Новые образы познания и реальности. М., 1997). Но мы, признавая наличие такой зависимости, полагаем, что все же чувственный пласт человеческой личности не сводим к множеству рациональных предположений, обладает известной самостоятельностью. Маргинальные проявления в нем иллюстрирует уже приведенный выше пример. Человек, способный погрузиться в мир классической музыки, обладает целым соцветием переживаний, недоступных и непонятных обывателю.

Желания. У маргинала они другие. Он хочет того, чего не хочет обычный человек. Он ставит себе цели, порой кажущиеся обывателю абсурдными. Положительный пример – цель познания истины. Равно и наоборот, маргинал может не стремиться к тому, чего жаждет большинство – скажем, к богатству.

Поставленные цели. Естественно, нестандартные желания приводят к постановке нестандартных целей. Например, молодой человек, стремящийся нести людям просветленные мысли, может поставить себе цель поступить в аспирантуру философского факультета.

Вот, вкратце, что касается внутреннего мира. Как видите, начав с оценки мира человеком, возникновения на основе этой оценки определенных переживаний, дальнейшего рождения желания, приводящего к постановке цели, мы вплотную подошли к внешним проявлениям маргинализма. Ведь вслед за целью приходят действия, направленные на ее достижение.

Работа над достижением поставленных целей. Если цель достаточно оригинальна, то практические шаги по ее достижению изменяют образ жизни вполне радикальным образом. Например, человек, решивший в одиночку покорить Эверест, должен столь серьезно готовиться, что привычный ритм жизни обязательно изменится. Но совершение таких радикальных поступков, как покорение Эвереста, необязательно. Один мой родственник овладел немалыми познаниями, в том числе выучил пять иностранных языков, и причем столь хорошо, что стал способен к синхронному переводу. Двигала им не страсть к наживе, а интерес к языкознанию. Естественно, это также потребовало некоторого изменения образа жизни.

Формы внешнего поведения. Пожалуй, самый распространенный вид проявления маргинальности. Особенно если говорить не о положительных моментах. В таком случае часто имеет место не столько ее проявление, сколько демонстрация. И неизвестно еще, стоит ли за этой демонстрацией что-либо существенное. Начинается с легких случаев, как-то особенности

одежды, прически и прочего, и заканчивается вполне серьезными, типа образа жизни хиппи.

В МГТУ им. Н.Э. Баумана был очень пожилой и уважаемый профессор, который всегда ходил в большом прозрачном полиэтиленовом плаще от дождя и с металлической рамой от сумки на колесиках. К раме багажными ремнями был пристегнут нехитрый скарб. Такая форма одежды не менялась никогда – различие было лишь в том, что летом он надевал свой плащ на пиджак, а зимой – на теплую одежду. Выглядел профессор столь оригинально, что при его появлении в метро движущийся людской поток слегка задерживался, отвлекаясь на необычное зрелище (своего рода шоу-стоппер по-советски).

Не секрет, что люди, сопричастные науке, порой далеко уходят в свой мир и не придают значения социальным условностям, столь важным для обывателя. Как рассказывали про академика А.Н. Туполева, знаменитого конструктора, первые буквы фамилии которого дали название всем самолетам «Ту», он, имея высокое воинское звание, мог прийти на работу, не соблюдая воинский устав в отношении формы одежды, – например, сочетать генеральский китель и штаны от тренировочного костюма, чем удивлял сослуживцев.

Данные случаи мы называем **проявлением** маргинальности вот почему. Великий человек имеет маргинальность в себе, внутри. Иногда она проявляется на внешнем уровне необычными способами, подобными описанным. То есть, внешняя эксцентричность является следствием особых свойств личности.

В противовес людям выдающимся, молодой человек, покрасивший волосы в зеленый цвет, специально нацепивший драные джинсы и написавший на заднице «THE END», скорее всего,

лишь демонстрирует свою маргинальность, поскольку в его личности нет ничего особенного, а стремление к такому внешнему виду сознательно и проистекает из вполне прозаичных психологических причин.

Семейные отношения. Хотим мы того или нет, но семья играет важную роль в нашей жизни. Кроме того, образ семейной жизни почти всегда формируется устоявшимися традициями. Иное регулирование (напр., брачный контракт) пока не получило широкого распространения и, главное, влияния в России. Поэтому отношения в семье (и к семье) достаточно красноречиво свидетельствуют о степени маргинальности человека – способен ли он созидать и развивать отношения, либо лишь следует за развитием событий, ведомый на поводке традиций, предустановлений и стереотипов. Сказанное справедливо и применительно к взаимодействию между полами.

Другие особенности. Невозможно перечислить все типы маргинального поведения; уникальность индивидуумов всегда создает условия для появления оригинального, неучтенного и непредусмотренного случая. Но в целом, отличия маргинала от обывателя могут характеризоваться комбинацией перечисленного.

То есть, маргинал – это человек, мысли, желания, цели которого и способы самоутверждения и самореализации в этом мире достаточно отличаются от обывательских. Но что значит – достаточно? Где именно кончается разнообразие обывателей и начинается маргинализм?

И действительно, где? Как найти грань между экстравагантным проявлением индивидуальности обывателя и маргинализмом? Непростой вопрос. Маргинализм возникает, только если «выпадение» из общества является существенным. Ведь все

стремятся в чем-то быть оригинальными, но маргиналами становятся далеко не все. Есть некий рубеж, демаркирующий групповой стандарт, выход за границы которого наделяет человека статусом маргинала. Многообразие же особенностей отдельных обывателей всецело укладывается в рамки этого стандарта.

Данный рубеж, с нашей точки зрения, может быть охарактеризован тремя основными тезисами.

1. Существование его объективно, с необходимостью вытекает из социальной реальности. Имеется в виду следующее. Каким бы ни было общество, какие бы ни были в нем традиции и обывательские приоритеты, всегда есть некая грань, переход которой для члена данного общества означает вливание в ряды маргиналов (совсем не обязательно позитивных).

2. Расположение этой грани относительно, зависит от культурного контекста и непосредственной области применения. То есть, хотя рубеж есть всегда, его положение переменное. В зависимости от того, в каком социальном (профессиональном) слое практикуется нестандартное поведение, и какое именно, оно может быть причислено либо не причислено к маргинальному. Например, читать книгу в солдатской казарме – подозрительно, если же книга философская – то это уже прямой вызов солдатскому обществу, который вряд ли останется без соответствующей реакции. Философствующий солдат – маргинал по отношению к остальным бойцам, правда, маргинал позитивный. Очевидно, что те же самые действия в студенческой среде не вызовут к себе повышенного внимания. Или, наоборот, студент-старшекурсник, стремящийся избить младшего товарища, будет маргиналом по отношению к студенческой среде, на этот раз негативным, а для солдата такое поведение естественно (традиция, понимаете ли).

3. Точное определение расположения грани невозможно. Дабы избежать излишне пространных и абстрактных рассуждений, сразу поясним эту мысль аналогией с разделением людей на умных и глупых. Хотя и невозможно строго указать, где пролегает между ними граница, никто не сомневается, что она есть.

В дальнейших наших рассуждениях мы будем понимать под маргинализмом поведение или переживание индивида, значительно отличающееся от нормы, находящееся в явном диссонансе с общепринятым, где общепринятое - поведенчески-мировоззренческий стереотип средневзвешенного обывателя. К сказанному остается добавить, что значительность отличия в целом формирует либо сумма отдельных отличий (количественный переход), либо же их реальный вес (качественный переход).

Кроме того, проявления маргинализма порой возникают вследствие перемещения человека из привычной среды обитания в непривычную. В этом случае изначально маргинализм можно рассматривать как нейтральный, способный впоследствии принять любую направленность. Под средой здесь имеется в виду среда социальная. Например, представитель одной нации сменил место жительства и теперь существует среди другого народа. Не будучи с детства воспитанным в рамках этого национального уклада, он представляет собой чуждый элемент для окружающего его этноса. Или иная ситуация, характерная для постперестроечной России, – когда представители интеллигенции, движимые нуждой, пополняют ряды «торгового люда». Вне зависимости от масштабности – будь то мелкие лавочки или крупные коммерческие фирмы, переход, хотя бы и только внешний, в другой (более низкий в данном случае) социальный класс, часто ставит интеллигенцию в положение маргиналов, несмотря на нахождение в собственной стране.

Выходцы из иной среды, носители иных ценностей, они обладают существенно более высоким интеллектуальным и образовательным уровнем, проигрывая порой в качествах типа инициативности, напористости, нахальства и наглости.

И раз уж мы, обсуждая вопрос, как и где может проявляться маргинализм, заговорили о его начальной границе, следует сказать пару слов и о конечной. Здесь ситуация выглядит по-другому. В первом случае все было более или менее ясно – граница должна существовать обязательно, объективно, ведь она фактически и определяет маргинализм, относя к нему все выходящее за известные рамки. В свою очередь, конечная граница определяющей роли не играет и может у каждого быть индивидуальной, то есть, требование объективности снимается. Но, несмотря на это, с нашей точки зрения, позитивность или негативность маргинализма нужно увязать и с тем, насколько далеко он простирается. Потому что немаловажно, до какой степени человек определяет себя как сопричастного тем или иным общественным процессам и каким образом реализует свое сопричастие. Указав некий предел, за который не стоит выходить преуспевающему маргиналу, мы сделаем первый шаг к уяснению того, какой же именно маргинализм является позитивным, таким образом, плавно перейдя к соответствующему разделу.

Итак, до какой степени возможно противопоставление себя обществу, какую черту нельзя переступать? Строго говоря, полное отчуждение вообще неосуществимо – индивид неразрывно связан с обществом, его породившим, и в определенной степени просто является его частью. Культурный подтекст, система ценностей, логика мышления, приоритеты, язык, серьезно влияющий на сознание, – все это предзадано входящему в наш мир. И даже если

формируются личные предпочтения, кардинально иные по сравнению с общественными, все равно это формирование является своего рода реакцией на принятое в обществе – то есть, находится по отношению к нему в причинно-следственной связи (хотя и в оппозиции). Об этом мы еще поговорим, когда будем обсуждать трудности на пути саморазвития. Но пока оставим метафизику, вернемся к более конкретным вещам. В данном случае в центре нашего внимания находится вопрос не о принципиальной возможности достижения независимости от социальной ситуации, а о том, до каких пределов **целесообразно** доводить собственную оригинальность.

Есть основания считать, что крайние позиции ставят под серьезную угрозу собственную безопасность. И поэтому они неприемлемы. Первая крайность - полное отграничение себя от общества, грубо говоря, позиция радикального эгоизма. В чем тут угроза? Если не рассматривать мир с точки зрения механицизма, что несовременно, то справедливо предположить наличие механизмов саморегулирования в популяции людей. Поясню примером: после войны, когда гибнет много мужчин, изменяется статистика рождаемости. Среди новорожденных число мальчиков существенно превалирует над числом девочек – происходит восстановление нужного соотношения. Есть и другие факты, и есть основания считать, что саморегулирующие процессы затрагивают также излишне оторвавшихся от общества членов, которые своей деятельностью наносят ущерб, поскольку не считаются с остальными.

Среди исторических примеров можно упомянуть философов Макса Штирнера («Единственный и его собственность») и Фридриха Ницше (почти все работы). Первый воспевал эгоизм, второй –

сверхчеловека. Противопоставление обществу было радикальным в обоих случаях. Как и печальный финал жизни авторов. М. Штирнер жил и умер в нищете, всеми покинутый. Говорят, на похоронах было всего несколько человек. Правда, идеи его продолжили существование, в значительной степени предвосхитив мысли того же Ф. Ницше и изрядно подпитав творчество Н.А. Бердяева. Ф. Ницше всю жизнь страдал от страшных головных болей, а в итоге сошел с ума.

Их опыт наводит на мысли, что популяция людей, рассматриваемая как единый организм, настроена на элиминацию таких членов, подобно тому, как организм борется с раковыми клетками ради собственного спасения. Действительно, ведь индивидуальность человека не столь фундаментальна, как это может кому-то показаться, и сопоставление общества с организмом не так уж далеко от реальности.

Кстати, упомянутый нами Бердяев был относительно благополучен – его деятельность не была парализована даже после высылки ленинским декретом из России. Думается, благополучие обеспечивалось именно разумностью его персонализма, пониманием своего единства с человечеством, что он не уставал подчеркивать в своих работах.

Сказанное, конечно, не является исчерпывающим доказательством саморазрушительности позиции радикального эгоизма, но представляет одну из иллюстраций, коих немало. С этой точки зрения, связанный с таким эгоизмом маргинализм нельзя назвать позитивным, ибо странно положительно характеризовать явление, ведущее к собственной гибели.

Вторая крайность, как вы догадались, это позиция радикального альтруизма. Альтруист безусловно является

маргиналом. Если кому-то это кажется странным, пусть он задумается, характерен ли альтруизм для массового сознания? Каков процент обывателей, понимающих смысл альтруизма?

Слово «альтруизм» происходит от французского *altruisme*, а изначально – от латинского *alter* (другой) и означает бескорыстную заботу о благе других и готовность жертвовать для других своими личными интересами [38;31]. Разумеется, мы не ставим под сомнение альтруизм как таковой, критикуя лишь крайние его проявления, к которым можно отнести всепоглощающее служение чему-либо, не обслуживающему напрямую собственные интересы деятеля, – будь то политическая партия, окружающая среда или же «все человечество» сразу.

Наглядный пример последнего дает информация, почерпнутая мной из листовки Международного Центра Космического Разума, активно зазывающей на семинары «Цветок Вселенской Духовной Любви», призванные содействовать «спасению золотого генофонда России и планеты в условиях надвигающейся катастрофы (смена полюсов); осуществлять планетарную защиту и оздоровление экологии Человека, Земли и Космоса». Люди с меньшими амбициями также демонстрируют альтруистический маргинализм – будь то бабушка, считающая своим долгом помогать бездомным животным и потому содержащая дома двадцать восемь кошек, или же активный член группы зеленых.

Вряд ли такая позиция является столь же опасной для ее носителя, как в случае радикального эгоизма. Однако и она не лишена существенных минусов, которые делают ее неприемлемой. Отметим их. Во-первых, служение чему-то предполагает ориентацию на это «что-то» своих ресурсов, причем не только духовных, что может быть оценено как особого рода

самореализация, но и материальных, что уже является расточительством. В итоге происходит подрыв социального положения человека, что никак нельзя отнести к позитивным моментам. Во-вторых, зарвавшийся альтруист своими действиями часто привлекает к себе внимание общественности, причем общественность может оказаться далеко не в восторге от его идей. А «правильный» маргинал оказывается на виду только тогда, когда сам этого захочет. В-третьих, есть свидетельства о том, что полное посвящение себя служению чему-либо характерно для людей с нарушенным душевным здоровьем или, по меньшей мере, без собственного «внутреннего стержня», с размытой самостью. Кроме того, часто бывает, что при более глубоком рассмотрении альтруизм оказывается эгоизмом, потаканием собственным слабостям.

С учетом сказанного, становится очевидным, что найти срединный путь – непростая задача. И это неудивительно. Как говорится, в философии нет легких путей. Осознанное вершение бытия, поиск собственного оригинального пути требует интенсивного задействования интеллектуальных и духовных ресурсов. И поскольку в итоге мы хотим иметь положительный результат, права на ошибку у нас нет.

Глава 3. КАКОЙ МАРГИНАЛИЗМ ЯВЛЯЕТСЯ ПОЗИТИВНЫМ?

Постепенно продвигаясь в определении того, что же такое позитивный маргинализм, мы подошли к моменту, когда настало время уточнить смысл, вкладываемый нами в понятие позитивности. Но, уважаемый читатель, если вы ждете, что далее мы по-военному четко сформулируем признаки и критерии позитивного маргинализма (назначение, состав...), то вынуждены вас разочаровать. Дело это весьма сложное, причем некоторые трудности носят принципиальный характер. Немецкий философ и социолог двадцатого столетия Теодор Адорно [1;364-365] писал, что инженер, химик или архитектор исходят из замкнутой в себе достаточно определенной предметной области, в которой для всего, что бы ни появилось, предусмотрены, по меньшей мере, типовые возможные решения. Поэтому обычно они находят достаточно однозначные ответы. В свою очередь, гуманитарная сфера – открытая, ограниченным количеством решений не исчисляется, не обладает (несмотря на все попытки внедрения) инструментарием точных наук. И это – великое счастье, ибо отсюда проистекает свобода, снимающая власть жесткого детерминизма, открывающая поливариантный мир возможных решений.

Соответственно, описать позитивный маргинализм с технической точностью не представляется возможным. Да и нужно ли это? Еще раз обратим ваше внимание, что в большей степени цель данной работы состоит в оформлении некоего «потока сознания», как говорил Мераб Мамардашвили, встреча которого с другим потоком, возможно, инспирирует порождение новых смыслов. Идея в том, чтобы дать скорее методику, чем ответы. Но

тем не менее, подобный подход не снимает с нас требований соответствия нормам логической культуры. А задача определения позитивности маргинализма отсылает к поиску определения блага вообще, что непросто. И дело здесь в следующем.

С одной стороны, если стремиться к научной точности и философской глубине, мы должны провести серьезное исследование, предварив его историческим очерком о развитии этой проблематики, поскольку речь здесь идет фактически о том, что такое добро. Наличие некоторых знаний по истории развития человеческой мысли позволяет нам заключить, что, двигаясь по этому пути, нам пришлось бы написать работу, существенно превосходящую по объему всю книгу о позитивном маргинализме, – ведь размышлять о том, что такое добро, благо, человек начал сразу, как только обрел сознание, и в течение тысячелетий наплодил множество концепций, хотя так и не нашел какого-либо абсолюта или инварианта.

Есть и другая сторона. В любом книжном магазине вы, при желании, найдете изобилие книг, авторы которых нисколько не затрудняют себя погружением в суть вопроса, но с легкостью дают ворох разнообразных определений добра, блага, надлежащего, столь же простых и понятных обывателю, сколь и далеких от истины и непротиворечивости. Народу нравится. Однако для нас этот путь неприемлем. Что делать в такой ситуации?

Представляется правильным следующее. Излишне не вдаваясь в теорию, следует зафиксировать минимально необходимые тезисы нашего видения позитивности маргинализма, а затем указать предпочтительные и нежелательные направления деятельности. Разумеется, под последними мы имеем в виду не конкретно-технические рекомендации («Ты сюда не ходи – ты туда ходи! Снег

башка попадет – совсем мертвый будешь!» - «Джентльмены удачи»), а укрупненные жизненные принципы, следование которым, с нашей точки зрения, конструктивно и плодотворно. Надеемся, наша точка зрения не будет сковывать ищущую личность узкими рамками и оставит достаточно свободы для реализации собственных индивидуальных путей.

Действительно, все сказанное нами ранее не давало реальных оснований для оценки маргинализма как позитивного/негативного. Из того, что в обществе есть до некоторой степени отчужденный от него элемент, имеющий свои особые проявления, еще не следует, что этот элемент плох или вредоносен, и будет ли плохо самому элементу. Но как же среди многочисленных видов маргинализма выделить позитивные? Как обрести это состояние и сделать его гармоничным? До какой степени можно отделяться от общества? Как, став маргиналом, продолжать эффективно существовать совместно с обывателями? В обсуждении нашей темы эти вопросы представляются весьма важными.

3.1 Гармоничное самоутверждение в обществе как источник силы позитивного маргинала

Итак, что в понимании блага представляется самым необходимым в рамках концепции позитивного маргинализма? Все время оперируя понятиями внешнего и внутреннего, уместными в данной работе, мы и далее поставим вопрос о соотношении блага общественного и личного. Сподвигают нас на это факты, говорящие о том, что очень часто люди, внесшие огромный вклад в развитие цивилизации, владели весьма жалкое существование. То есть, принося благо человечеству, сами они его не имели. Презираемые быдлом, не умеющие (а часто и не желающие) установить нормальный контакт с обывателями, они испытывали затруднения во взаимодействии с обществом, не находили достаточно понимания, а нередко и средств к существованию. Рассмотрим несколько исторических примеров.

Джордано Бруно. Великий ученый и философ эпохи Возрождения. Родился в Ноле в 1548 году, в 1572 году стал священником. С юных лет проявлял способность генерировать нестандартные идеи, а также готовность утверждать собственное, оригинальное мнение. В течение всей жизни он подвергался преследованиям, в результате чего весьма часто менял места своей дислокации, будучи вынужденным бежать сначала в Рим, потом в Геную, Ноли, Савону, Турин, Венецию, затем в Швейцарию, в Женеву. Позже Бруно жил во Франции и в Англии, откуда после относительно благополучного периода существования ему вновь пришлось бежать, на этот раз в Германию. Трудности мыслителя продолжались всю жизнь, завершившуюся так же печально. В 1593 году в Риме философ уже не в первый раз предстал перед судом, где

после безуспешных попыток убедить его отречься от некоторых тезисов был приговорен к сожжению на костре, что и было исполнено на Кампо деи Фьори (Поле цветов) 17 февраля 1600 г.

Не намного легче была судьба и у другого великого человека – Галилео Галилея, родившегося в 1564 году. Потребуется немало времени, чтобы перечислить все его достижения, относившиеся к математике, физике, динамике, астрономии, оптике, а также, не в последнюю очередь, к философским изысканиям. До сих пор отдельные положения его наследия включены в обязательную школьную программу. Но, к сожалению, нельзя сказать, что этот человек, обессмертивший свое имя на века, при жизни пользовался достаточным почетом. Напротив, как и Джордано Бруно, он часто становился объектом преследований. Став жертвой доноса в Священную канцелярию и будучи обвиненным в ереси из-за приверженности учению Коперника, в 1616 году он предстал перед судом. Затем последовал запрет на преподавание. В 1633 году, поскольку Галилей не прекратил своей научной деятельности, он вновь подвергся суду, был осужден и принужден к клятвенному отречению. Пожизненное заключение ему сразу же заменили на ссылку, в которой он не мог ни с кем встречаться и ничего писать, не получив предварительно на это разрешения.

Бенедикт Спиноза. Известный философ, ученый, образованнейший человек был отлучен от синагоги за свободомыслие, а перед этим на него было совершено покушение фанатика. Спинозу спасла лишь собственная ловкость и быстрота реакции. Выдающийся мыслитель зарабатывал себе на жизнь, шлифуя оптические стекла. А когда ему предложили занять университетскую кафедру в Гейдельберге, он вежливо, но твердо

отказался, опасаясь, что официальный пост ограничит его свободу как мыслителя.

А.Д. Сахаров. Наш современник, известный ученый. Посвятил свою жизнь не только науке, но и борьбе за права человека. В условиях социалистической диктатуры Андрей Сахаров выступал против ядерных испытаний (являясь, кстати, разработчиком ядерного оружия), против преследования инакомыслящих, за отмену смертной казни, обращался к властям с предложениями о проведении экономических и других реформ. В 1968 году он совершил шаг, для сверхсекретного ученого весьма опасный, – передал друзьям для распространения в Самиздате программную статью «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», прекрасно понимая, что она «уйдет» за рубеж. Осуждая гонку ядерных вооружений, Сахаров призывал к сотрудничеству СССР и США, требовал объединения советских и американских усилий для борьбы с глобальной угрозой голода, выступал за отмену цензуры, политических судов и против содержания диссидентов в психиатрических больницах. Статья вышла на Западе общим тиражом более 20 млн. экземпляров. Реакция советских властей считается довольно мягкой. Его уволили со всех постов, сослали в ссылку и назначили на самую низкую должность из тех, которые мог занимать академик.

Есть и другие примеры. Нельзя сказать, что все великие люди имели несчастливую судьбу. Но, в то же время, совершенно очевидно, что способность творить непреходящее не гарантирует личного благополучия. Напротив, с определенной долей уверенности можно утверждать, что сами по себе качества выдающегося человека могут создавать дополнительные трудности для своего носителя. Тому есть ряд причин.

Очень часто получается так, что создаваемое выдающимися людьми оказывается невостребованным. Интересы приземленного обывателя ограничены, а именно эти люди и образуют большинство. Следовательно, на продукт творчества гения не будет спроса. Со всеми вытекающими последствиями. Например, есть свидетельства, что известный русский ученый К. Циолковский жил в крайней нужде и подвергался осмеянию за свои идеи покорения космоса. Кому они нужны, говорили обыватели. Иное дело - продавец колбасы! Вот воистину полезный человек! Всегда тяжело обгонять свою эпоху. «Вкус высшей природы обращается на исключения, на вещи, которые по обыкновению никого не трогают и выглядят лишенными всяческой сладости; высшей природе присуща своеобразная мера стоимости» [30;517].

Вообще существует фундаментальная проблема для творческих людей: чтобы результаты творения обрели признание, они должны стать в определенной мере популярными, чтобы стать популярными, они должны понравиться массам, а чтобы понравиться массам, им необходимо быть доступными для масс. Что, в свою очередь, подразумевает отсутствие сложных идей, смыслов, нетривиальных задач, глубины содержания, утонченности эстетических особенностей и т.д. «Скудость мысли плодит миллионы единомышленников». То есть, нацеленность на популярность выхолащивает из гениальных идей саму гениальность. Круг замкнулся.

Однако же отметим здесь, что иногда гениям везет. Ведь жизнь обладает бесконечным многообразием, и порой случается так, что реализация их гениальных способностей находится в согласии с так называемой рыночной конъюнктурой. Тогда деятельность гения востребована внешней средой – чаще обывателями – т.е. экономикой

либо иной системой. Особенно это проявилось начиная с двадцатого столетия, когда развивающийся мир не раз открывал возможность выдающимся людям обрести признание, славу и богатство. И я имею в виду не только такие примеры, как создатель кубика Рубика, но и действительно исторических личностей. Томас Эдисон, например. Или наш соотечественник, Игорь Васильевич Курчатов, один из основателей российской атомной отрасли, по словам академика Евгения Велихова, оказавшийся в нужное время в нужном месте. Но, несмотря на то, что в наши дни, характеризующиеся глобализацией, возможности самореализации достаточно широки, следует помнить, что проблема все равно остается, ибо массовые потребности сконцентрированы на обыденном, а выдающиеся люди творят уникальное. И в этой связи еще одна проблема.

Гений порывает с традицией, идет против устоявшегося. По определению. Ранее мы уже обсудили и аргументировали эту идею. Действительно, если человек творит значимое, то он не может быть как все, ибо «все», масса, неординарного не создают. Но это прямой путь к приобретению неприязни со стороны обывателей. Они не любят тех, кто на них не похож, и тем более тех, кто лучше их. Неприязнь к выдающимся людям (позитивным маргиналам) можно признать как факт, данность социальной реальности. Это относится к гениям любого масштаба. Например, Гаутама Будда и Иисус Христос – люди, стоящие у истоков двух основных на сегодняшний день религий мира. Сегодня их именам молятся сотни миллионов. Даже миллиарды, если вспомнить про Индию. Но в свое время над ними смеялись, их считали за ненормальных, посвящающих свою жизнь всякой ерунде, а когда их влияние оказалось заметным, начали преследовать. Трагический конец

Иисуса сегодня всем известен. «Добрые *должны* распинать того, кто находит себе свою собственную добродетель! *Это* — истина!» [31;154].

Быть не таким, как все, предлагать нечто новое всегда было небезопасно. Психолог М. Литвак в одной из своих книг даже указывает критерий, согласно которому «если вы действительно придумали что-то принципиально новое, оно должно встретить ожесточенное сопротивление сверху и молчаливое неприятие снизу. Если же вашу идею все восторженно приняли, значит, в ней нет ничего принципиально нового» [25;83]. «Авторитарная личность с восхищением смотрит в прошлое: то, что было, будет продолжаться вечно; стремиться к чему-то новому и непознанному, чего не существовало ранее – это или безумие или преступление. Чудо творчества – а творчество всегда чудо – не вмещается в рамки ее восприятия» [50;213].

Впрочем, для того, чтобы заслужить ненависть со стороны обывателей, предлагать что-то новое необязательно. Достаточно быть на них непохожим, иметь другие цели, ценности, задачи, быть в чем-то лучше их. Тогда неприязнь и зависть вам обеспечены. А следовательно, всевозможные препятствия на вашем пути. Начиная от неумышленных – когда будет просто сложнее договориться, установить надлежащие отношения, и заканчивая умышленными – когда обиженные обыватели будут чинить вам всяческие козни, злорадствуя вашим проблемам. «...Ты говоришь: «Невиновны они в своем маленьком существовании». Но их узкая душа думает: «Виновно всякое великое существование»... Остерегайся же маленьких людей! Перед тобою чувствуют они себя маленькими, и их низость тлеет и разгорается против тебя в невидимое мщение» [31;38-39]. «Ты стал выше их; но чем выше ты поднимаешься, тем

меньшим кажешься ты в глазах зависти. Но больше всех ненавидят того, кто летает» [31;46].

Уже обсуждавшихся выше приоритетов позитивного маргинала, включающих стремление к собственному, разумному мнению, заменяющему воспринятые извне стереотипы, осознание себя, обретение новых ценностей, поиск своего Пути взамен стадному следованию за лидером, – вполне достаточно для того, чтобы в практической деятельности нажать себе достаточно проблем. «Но кто же ненавистен народу, как волк собакам, – свободный ум, враг цепей, кто не молится и живет в лесах. Выгнать его из его убежища – это называлось всегда у народа «чувством справедливости»; на него он все еще натравливает своих самых кусачих собак. «Истина существует: ибо существует народ! Горе, горе ищущему!» — так велось исстари» [31;73]. «Все крайне индивидуальные мероприятия жизни возбуждают людей против того, кто к ним прибегает; они чувствуют, что необычайный образ жизни, которым пользуется для своего блага такой человек, унижает их как обыденных существ» [31;455]. Ведь «мы не ненавидим еще человека, коль скоро считаем его ниже себя; мы ненавидим лишь тогда, когда считаем его равным себе или выше себя» [31;304].

Кроме того, в большинстве случаев обыватель просто не может понять непохожего на него – для понимания необходимо наличие у реципиента особых качеств, соответствующих, или, если хотите, сопричастных воспринимаемому. Иными словами, для того, чтобы понять что-либо, нужно самому уже иметь это внутри. Сам процесс понимания можно рассматривать как подводку под образец (Ивин А.А.). Когда человек нечто понимает, происходит улавливание обобщенной идеи, которая сопоставляется с уже имеющимися в его голове схемами, матрицами, образцами, и

осуществляется выбор, чему из них она соответствует. То есть, новое знание воспринимается и структурируется в соответствии с уже имеющимся.

Оговоримся, здесь мы умышленно приводим упрощенную модель понимания, поскольку разбираем ее в одном из последующих разделов. В данном случае главный акцент – на трудностях в понимании обывателями выдающихся людей, связанных с тем, что способность к восприятию и оценка воспринятого находятся в непосредственной связи с наличным багажом знаний. При этом то, что выходит за рамки этого багажа, не только не может быть усвоено, но и обычно представляется абсурдным, хаотичным. Для человека, не знакомого с математикой, серьезная работа по этой дисциплине будет представлять собой бессмысленный набор непонятных символов, не имеющий никакого практического значения, не обладающему музыкальным слухом прекрасная музыка покажется какофонией, а глухой – вообще ее не услышит.

Одно и то же явление будет понято и интерпретировано по-разному людьми с разным интеллектуальным и духовным потенциалом. Например, взяв в руки роман «Анна Каренина», «..абориген извлекает информацию, что это – книга, иной информации для него в этом предмете нет; дворник дядя Вася извлекает информацию, что в книге рассказывается, как одна баба под поезд бросилась, а академик делает выводы о психологизме Толстого, о поэтике его строки и рассуждает о литературоведческих нюансах построения образа Анны Карениной... Если смыслы, содержащиеся в книге, содержатся и в нас, мы их поймем. Если мы не знаем даже отдаленно, что такое любовь между мужчиной и женщиной – не только сами этого не испытывали, но даже ни разу в

жизни не встречались с подобным явлением, - тогда «Анна Каренина» действительно будет лишь книгой о несчастном случае на железной дороге, и не более того. А если никогда не видели поезда и не знаем о существовании железной дороги – роман станет для нас убого-фантастическим повествованием о том, чего на самом деле не бывает. Процесс постижения информации – это процесс сравнения некоего ряда знаков с теми смыслами, которые уже известны нам» [8;30-31].

Поэтому «пошлым натурам все благородные, великодушные чувства кажутся нецелесообразными и оттого первым делом заслуживающими недоверия: они хлопают глазами, слыша о подобных чувствах, и как бы желают сказать: “наверное, здесь кроется какая-то большая выгода, нельзя же всего знать” - они питают подозрение к благородному, как если бы оно окольными путями искало себе выгоды. Если же они воочию убеждаются в отсутствии своекорыстных умыслов и прибылей, то благородный человек кажется им каким-то глупцом: они презирают его в его радости и смеются над блеском его глаз... С благородными склонностями должна быть связана какая-то болезнь ума» - так думают они и при этом поглядывают свысока, не скрывая презрения к радости, которую сумасшедший испытывает от своей навязчивой идеи» [30;516-517].

Ситуацию с непониманием осложняет и то, что непонимающий чаще всего весьма уверен в своей компетентности. Есть такая поговорка: профессор медицины знает о болезнях кое-что, врач знает многое, а фельдшер знает все. И правда, закономерность схвачена точно. Подойдите к тому же дворнику – скорее всего окажется, что все философские, смысложизненные вопросы для него решены, ему все ясно и понятно. И наоборот,

человек, глубоко погружившийся в проблему, понявший ее, осознает всю неоднозначность и поливариантность возможных решений. Обыватель же, как правило, не имея представления о тонкости и глубине, с негодованием отвергает все непонятное ему. «”Это не нравится мне”, - Почему? - “Я не дорос до этого”. - Ответил ли так когда-нибудь хоть один человек?» [31;305].

Вот такая ситуация. Нельзя сказать, что картина выглядит оптимистично. Но и чрезмерный пессимизм также не уместен. Моя практика показывает, что отдельные люди настолько боятся отрицательного отношения к себе со стороны обывателей, что сознательно дают себе установку «быть как все», таким образом, закрывая себе перспективы обретения неординарных достоинств. Разумеется, такое решение неприемлемо и аналогично желанию всю жизнь оставаться бедным и больным, опасаясь навлечь на себя зависть соплеменников в противоположной ситуации. Жизнь есть вызов, как говорил Карлос Кастанеда, и полноценный человек способен этот вызов принять. Положение не является безвыходным.

Зафиксируем некоторые промежуточные выводы. Приходится констатировать, что любой человек, в чем-либо существенно превосходящий обывателей, неизбежно натолкнется на непонимание и неприязнь с их стороны. Таков закон. Причем суть его не меняется в зависимости от особенностей той социальной реальности, в которой происходит действие. Конкретные же последствия для позитивного маргинала могут быть различными, и если в одной стране его за свободомыслие могут зажарить на костре или придумать что-нибудь еще, то в другой он отделается просто молчаливым неприятием «правильных людей».

Примером первого, кстати, является современный случай, произошедший в 2002 году в одном африканском государстве,

кажется, Зимбабве. Там пытались провести финал конкурса красоты «Мисс мира», что уже само по себе вызвало праведный гнев местных обывателей, для которых проведение такого мероприятия было вопреки «понятиям». Гнев, между прочим, выразился в социальных беспорядках с погромами. Когда же одна из местных журналисток, описывая конкурс в газете, бросила неосторожную фразу, что пророк Мухаммед, явись он на землю, мог бы выбрать себе жену из числа конкурсанток, праведное возмущение народа оказалось столь велико, что властям под давлением общественного мнения пришлось казнить эту журналистку. Казнь прошла по закону, после суда, приговорившего ее к смерти за что-то типа оскорбления религиозных чувств. Верующие остались удовлетворены.

Западному человеку произошедшее справедливо кажется дикостью. И с этим можно согласиться. Однако нельзя утверждать, что западный обыватель отличается от зимбабвийского принципиально. Отличие лишь внешнее, различаются только проявления, в случае с европейцами существенно смягченные демократическим строем и значительно более высоким культурным уровнем. А сам принцип у них как раз един. Ведь «...публичное разрешение на право выбора между пятью политическими мнениями льстит многим, которые не прочь выглядеть самостоятельными и индивидуальными и бороться за свои мнения. Но, в конечном счете, безразлично, велено ли стаду иметь одно мнение или разрешены все пять, - кто уклоняется от пяти общественных мнений и отступает в сторону, тот всегда оказывается один на один против всего стада» [30;608].

С этим ничего не поделаешь, но к этому надо быть готовым. Неизбежность противостояния с обывателями вынуждает искать

решения, позволяющие сохранить себя и одновременно вести эффективную деятельность. Способность их находить весьма важна и является неотъемлемым качеством позитивного маргинала. Ведь все, что ведет к самоуничтожению или хотя бы подрыву собственных позиций, не может быть признано положительным, если рассматривать его в рамках одной человеческой жизни. Мы уже видели это на примерах судеб выдающихся людей. Дстойная ли цель – свершить великое, претерпеть презрение обывателей, умереть в неизвестности, но зато после быть прославленным в веках? Вне зависимости от ответа на этот вопрос, мы полагаем, что возможен и иной путь, с такими жертвами не сопряженный. Собственно, поиску его и посвящена эта работа в целом.

Принимая в расчет сказанное, мы полагаем, что **нельзя в полной мере назвать маргинала позитивным, если он не самоутвердился в обществе в достаточной степени.** В роли изгоя мало хорошего. Человек, превосходящий остальных, должен суметь создать себе условия существования, также превосходящие средние. Быть «продвинутым», но в то же время успешно жить среди обывателей, используя свои преимущества, – вот по-настоящему достойная задача. Задача эта непроста. По ряду причин.

Умение эффективно жить среди людей требует соблюдения исполняемых ими ритуалов, навыков грамотной игры своей социальной роли. Но важно при этом – не зависеть от этих ритуалов, быть внутренне свободным, не сживаться со своей ролью, понимая, что существует мир людей с его условностями, отштампованными внешними формами, но существует также и внутренний мир, с нашей божественной, уникальной сущностью, которую надлежит оберегать и развивать, а не адаптировать (читай – редуцировать) к требованиям внешних условий.

Это лучше, чем жить отшельником, быть игнорируемым обществом и самому высокомерно игнорировать его. Такое бытие не будет эффективным, ведь для достижения эффективности нужно тесно взаимодействовать с общественными процессами, если хотите, удачно включаться в них. Не теряя при этом себя.

Данная тема весьма широка, и известно множество людей, уже решивших сходную проблему в своей жизненной практике. Есть различные подходы. Например, упомянутый уже К. Кастанеда, описывая учение Дона Хуана, говорит о подходе, именуемом «контролируемой глупостью». В соответствующих разделах мы уделим внимание возможным решениям. Сейчас же хотелось бы подчеркнуть, что развития требуют не только духовные пласты, повышенное внимание к которым оправданно, когда речь идет о выдающихся людях, но и материальные. Последний вопрос проявляется еще и в таком ключе. Высокодуховная личность порой испытывает затруднения при необходимости влияния на не столь развитых собратьев. Многие ли могут быть восхищены вашим кругозором, образованием, способностями, если при этом вы ведете нищенское существование, характерное, например, для большей части постперестроечной российской интеллигенции? Обыватели, скорее всего, подвергнут вас осмеянию, а поймет лишь тот, кто сам богат соответствующими ценностями.

Здесь уместно привести еще один где-то вычитанный мной пример. Если собаке дать книгу, она ее обнюхает и оценит: является ли сей предмет едой? – Не является; Может ли он быть половым партнером? – Не может. Все, интерес к книге исчерпан. Исходя из собачьего мировоззрения, книга является вещью совершенно бесполезной. Не раз вспоминалась эта логика рассуждений, когда очередной доморощенный бизнесмен убеждал меня в тщетности,

беспольности, бессмысленности или даже абсурдности занятий философией. (Помните собачью поговорку: если это нельзя съесть или трахнуть, значит на это можно пописать).

Но вот если собаку хорошенько ударить книгой (желательно толстой) по башке, то у нее надолго останется впечатление о значимости этого предмета. Это я к тому, что грамотное развитие материальной стороны может не только содействовать самосохранению, но и поддержать и укрепить духовное.

Сказанное испробовано мной на личном опыте. Когда я в большей степени посвящал себя занятиям наукой и философией, получая весьма низкую зарплату и перебиваясь случайными приработками, обыватели смотрели на меня свысока, с пренебрежением, в лучшем случае, с непониманием. Несмотря на то, что степень интеллектуальности моего труда была несопоставимо выше, чем у них. Когда же, волею судеб, я устроился на работу аналитиком в одну очень солидную компанию, отношение ко мне изменилось. Пренебрежение, высокомерие исчезло, появилась внешняя доброжелательность и уважение. Наряду с завистью. Причем, что интересно, изменение в отношении отразилось и на внимании к моим философским идеям. Если раньше обыватели презрительно ухмылялись, говоря: «Он дурак, философией занимается, книги читает, а я живу, как человек, – свой контейнер на рынке имею», то потом стали говорить: «Он умный, образованный парень, работает в серьезной компании стратегом, все понимает, и в философии силен». При том, что сам я остался прежним. Вот такая история.

Таким образом, первый тезис состоит в том, что **позитивность маргинализма, в нашем понимании, неразрывно связана с гармоничным самоутверждением в обществе.** И не слушайте тех,

кто призывает вас бросить все и уединиться в своем духовном мире, обслуживая высшие ценности. Мы тоже за эти ценности, но выступаем за высокое качество обслуживания! Ведь убедительный материальный уровень существенно усиливает возможности духовного влияния.

3.2 Имеет ли смысл ставить целью приумножение блага?

Выше мы сформулировали одну из составляющих позитивности, заключающуюся в гармоничном самоутверждении в обществе. Как вы понимаете, это есть некий общий принцип, идея, глубокой конкретизации в себе не несущая. Но в свете обсуждаемой тематики законно возникновение вопроса, может ли позитивный маргинал рассматривать достижение некоего блага как цель и смысл своей деятельности.

Здесь под благом имеется в виду определенное представление, образ того, что представляется достойным и стремление к чему приветствуется. Ну, например, скажем мы: вот это и это – хорошо, мы гордимся своей приверженностью этому благу и потому называем себя позитивными маргиналами. Но без глубокого понимания собственных ограничений такая позиция конструктивной не будет и окажется в большей степени характерной для неосознающих себя масс – то есть, как раз для тех, от кого позитивный маргинал весьма отличается.

И дело здесь в следующем. **Сложность вызывают не только трудности в определении того, что же именно является благом, но и ограниченность наших возможностей по его достижению.** А поскольку в нас всегда присутствуют те или иные представления о благе, и стремиться к нему мы не перестанем, то представляется совершенно необходимым осознать тонкости и подводные камни, встречающиеся на этом пути.

Сначала необходимо расставить необходимые акценты, пояснив, что же мы имеем в виду. В обывательском сознании господствует технократическое понимание вопроса о наших возможностях по достижению блага, который звучит как вопрос о

доступных нам материальных средствах, необходимых для достижения желаемого. При этом не только не проблематизируется, что же такое благо, но и подразумевается, что нам известны пути его достижения, которые будут без сомнения пройдены при наличии достаточных средств. Нам эта позиция представляется сомнительной.

Вопрос нужно ставить иначе: можем ли мы быть уверены, что те или иные действия приведут именно к достижению блага, даже если мы точно знаем, что они на это нацелены? Доподлинно ли известно нам, что то, к чему мы стремимся, действительно является благом? Реальных оснований для такой уверенности практически никогда нет! Большая часть мирового зла творилась людьми, искренне желавшими добра. Бывало и наоборот, крайне неблагоприятные действия оказывались исключительно полезными. Непостижим промысел Господень. Вспомните, начинался ли хоть один проект социального переустройства с постановки задачи навредить обществу? Нет, все заявляли о стремлении сделать хорошо. Все делалось во благо. Но человеку не дан дар провидца.

В то же время, отсутствие провидческого дара - не повод, чтобы опускать руки. Следует понимать, каковы наши возможности, иными словами, знать свой предел, чтобы не перейти его в ненадлежащее время.

Здесь хочется отметить такой парадоксальный момент. По моим наблюдениям, проблемы в воплощении благих намерений возникают вследствие излишнего доверия к теоретическому познанию со стороны людей, плохо понимающих, что такое теория, не уважающих ее, но зато превозносящих практику. Приведенная

мысль вам обоснованно кажется противоречивой, и сейчас мы внесем недостающую ясность.

Область теоретического познания в достаточной степени самостоятельна. Теория, как и наука в целом, не развивается и не может развиваться опираясь исключительно на опыт. Инструментарий теоретика содержит свои, специфические элементы – идеальные объекты, концептуализации, совокупности ранее наработанных идей, подходов и прочие совершенно необходимые вещи. «Дабы состояться в качестве теории, некое знание должно иметь дело с универсалиями, которые непосредственно, *de facto* не существуют, конституируются в абстрактном, чистом пространстве смысловой реальности и относительно которых развертываются всеобщие и необходимые аргументы. Иного пути построения теории неизвестно. Должна быть фактуальная область, но должна быть и идеально-типическая аналоговая область, представляющая ее семантическую конструкцию. Таков закон создания теории» [15;403].

И далее. В любом случае, теория представляет собой модель реальности и соотносится с последней, примерно как карта с отображенной на ней местностью. Мыслительная конструкция - это одно, материальная данность – другое. Это неоднородные величины, и однозначное их соответствие невозможно. Так же как и сопоставление мыслимого нами – то есть, представлений – с реальностью. В этой связи интересно рассуждение В. Виндельбанда: «Сравнение – отмечает он, - есть всегда деятельность соотносящего сознания и возможна лишь между двумя содержаниями одного и того же сознания. Поэтому о сравнении вещи с представлением никогда не может быть речи, если сама «вещь» не есть представление... Ошибочное мнение, будто представление

сравнивается с вещами, вытекает лишь из того, что обыденное сознание принимает чувственные впечатления за самые вещи... Так как вещь и представление несоизмеримы, так как мы никогда не можем сравнивать ничего другого, кроме представления с представлениями, у нас нет ни малейшей возможности решить, совпадает ли представление с чем-либо иным, кроме представления» цит. по кн. [13;150].

К сожалению, приведенные рассуждения практику очевидны не всегда. Не задумывающийся над природой теоретической деятельности, он склонен отождествлять знания о действительности с самой действительностью. То, что воплощению мыслимой модели в материально осязаемые формы обычно сопутствуют существенные метаморфозы, зачастую им не прочувствовано. В результате получается, что он просто верит в теорию, и подобно верующему во Христа, который тычет пальцем в Библию, восклицая: «Ибо написано!», практик убежден в правильности своих действий, «Ибо рассчитано!». В отличие от него, теоретик обычно в меньшей степени подвержен такой иллюзии, отдавая себе отчет в том, что реальность вовсе не обязана соответствовать нашим о ней представлениям, что она много богаче их.

Как сказанное соотносится с обсуждаемым вопросом? В свете приведенных рассуждений, **вопрос о возможности достижения блага в первую очередь видится не как вопрос о наличии материальных средств, но о наличии возможности достаточно достоверного прогноза последствий наших действий.** Каковы они? На этот счет у нас есть следующие соображения.

Чтобы не утомлять читателя нагромождениями абстракций, прежде чем переходить к дальнейшим рассуждениям, обратимся к некоторым известным историческим фактам, относящимся к

человеческой способности предсказывать будущее, а следовательно – и отдаленные результаты нашей деятельности. Хорошую иллюстрацию дает сопоставление прогнозов относительно технического развития с его фактическим ходом.

Сегодня электрическое освещение наших жилищ кажется простым и естественным. Но всего чуть более ста лет назад эта идея вызывала высокомерное пренебрежение. В Европе выдающиеся специалисты, лучшие эксперты того времени заключили, что «идеи Эдисона (известного изобретателя, стоящего у истоков развития электротехники) ...приемлемы для наших трансатлантических друзей... но не заслуживают внимания людей науки или практики». А сэр Уильям Прис, главный инженер Почтового управления Великобритании, категорически заявил, что «распространение электрической энергии для освещения – это *глупейшая выдумка*» [17;24].

Авиация. «В начале двадцатого столетия ученые почти единодушно утверждали, что полет аппаратов тяжелее воздуха невозможен и всякая попытка построить самолет – попросту глупая затея. Великий американский астроном Саймой Ньюком написал знаменитую статью, которая заканчивалась словами: “Автору представляется доказанным, насколько это возможно для любого физического явления, что никакие вероятные сочетания известных веществ, известных типов машин и известных форм энергии не могут быть воплощены в аппарате, практически пригодном для длительного полета человека в воздухе”». Причем, что интересно, статья Ньюкома завоевала широкую популярность как раз в то время, когда Братья Райт в своей велосипедной мастерской, за неимением неизвестных веществ, машин или форм энергии, попросту прилаживали крылья к бензиновому двигателю. «Когда

известие об их успехе дошло до этого астронома, он опешил только на мгновение. Да, летательные аппараты можно создать где-то на крайнем пределе технических возможностей человека, согласился он, но практического значения они не имеют: вес дополнительного пассажира, кроме пилота, они не поднимут, это просто исключено!» [17;25].

Обратите внимание, что пессимистичные прогнозы в отношении развития авиации **не прекратились после ее появления**. Уже когда летали первые самолеты, специалисты все равно не могли предвидеть дальнейших перспектив. Например, другой астроном, Уильям Пикеринг, в это время так наставлял непросвещенную публику: «Воображение народа часто рисует гигантские летающие машины, стремительно пересекающие Атлантический океан и несущие множество пассажиров, наподобие современных морских кораблей... Можно без колебаний сказать, что такие идеи совершенно фантастичны; если какой-нибудь аппарат и переберется через океан с одним-двумя пассажирами, затраты на полет будут под силу лишь какому-нибудь капиталисту из тех, что могут иметь собственные яхты.

Другим распространенным заблуждением надо считать ожидание от самолетов огромных скоростей. Следует помнить, что сопротивление воздуха растет пропорционально квадрату скорости, а затрачиваемая работа – пропорционально кубу... Если при тридцати лошадиных силах мы можем ныне достичь скорости 64 километра в час, то для получения скорости 160 километров в час нам потребуется двигатель мощностью 470 лошадиных сил. Совершенно очевидно, что с теми средствами, какие сейчас имеются в нашем распоряжении, **авиация неспособна состязаться в**

скорости ни с паровозами, ни с автомобилями (выделено мной – Д.П.)» [17;25-26].

Ошибки специалистов характерны не только начальных стадий развития техносферы. Вот, например, что сказал доктор Ванневар Буш, генерал, занимавшийся в США научными проблемами войны, в своем докладе сенатской комиссии 3 декабря 1945 года: «За последнее время много говорят о ракете с большим углом наклона траектории при пуске и дальностью порядка 5000 километров. По моему мнению, создание такой ракеты еще много лет будет неосуществимым. Люди, пишущие об этом и порядком надоевшие мне, имеют в виду ракету с атомным зарядом, которая может быть запущена с одного континента на другой, причем обладает высокой точностью попадания в заданную цель, например, город. Я убежден, что ни один человек на свете не знает, как технически осуществить подобную вещь, и уверен, что она еще очень долго не будет создана... Я считаю, что мы можем отбросить всякие помысли о создании такой ракеты. Я хотел бы, чтобы американцы перестали о ней думать» [17;32]. Чуть раньше, кстати, лорд Черуэл, советник премьер-министра Уинстона Черчилля по научным вопросам, высказывал такое же мнение. Он же в свое время заявлял правительству, что Фау-2 - всего лишь пропагандистская утка (Фау-2 – ракета, активно применявшаяся фашистской Германией для обстрела Великобритании во время второй мировой войны).

Ну и последний пример, отражающий точность человеческих прогнозов на будущее. В 1929 году видный авиационный инженер Н.С. Норуэй написал работу о перспективах авиации, которая начиналась следующими словами: «”Сейчас с легкостью предсказывают, что через несколько лет скорость пассажирских

самолетов достигнет 500 километров в час – нынешнего рекорда скорости”. Это, прорицает он с важностью жреца, не более как вопиющее журналистское преувеличение, поскольку у «коммерческого самолета имеется ограниченный предел усовершенствования, дальше которого нельзя ожидать никаких успехов». К 1980 году он предсказывал достижение следующих результатов: скорость – 170-200 километров в час; дальность – 1000 километров; полезная нагрузка – 4 тонны; общий вес – 20 тонн» [17;59]. Отметим, что уже к 1960 году все эти показатели были превышены более чем в пять раз.

Необходимо подчеркнуть, что перечисленные ошибки совершались людьми, обладавшими высочайшей компетентностью в своей области. Что уж тут говорить о простых смертных! Мы привели всего несколько примеров, но их можно привести множество. В том числе и относящихся к сегодняшнему дню.

Кроме того, убедительность приведенных данных увеличивает следующий факт. Прогнозирование в естественнонаучной и технической областях более точно, чем в социальной. Тому есть ряд причин. Мир природы вообще является более определенным. Известно, что его параметры заданы фундаментальными константами (гравитационная постоянная, постоянная Планка, скорость света и др.), а в социальной реальности аналогов фундаментальных констант не существует. В свою очередь, техника, представляя собой искусственные построения, позволяет выполнять точные расчеты, приводить доказательные рассуждения. В гуманитарных исследованиях ситуация часто иная. О точности и аргументированности, возможных для технаря, там часто не может идти и речи. Иррациональные, стихийные порывы и устремления, присущие человеку, часто оказывают решающее влияние на ход

истории. «Разные признаки подчеркивают, что прожектерство, «научное управление обществом», сознательный контроль событий, подчинение жизни пути «прогресса» плодят химеры. Это утопический затратный пережиток — всесторонняя рациональная экспертиза жизни. Жизнь во многом нерациональна: время накладывает грим на лица героев, осуществляют колебания 180-градусного размаха принятые оценки, респектабельное оборачивается сомнительным, сомнительное — респектабельным, дорогое на поверку предстает дешевым, уцененным хламом, пачкой просроченных векселей. Мужество в истории не было бы мужеством, если бы базировалось на точном предвидении. Гуманисты типа Будды, Сократа, Христа, отвергая насилие, пользуются языком судей (наблюдение Б. Маркова)...

В жизни много непонятого, но не потому, что ум слаб, а потому, что это не предмет ума. В вопросах жизненно-человеческих феноменов нет места линейным рациональным классификациям, — человеческая жизнь постигается человеческой жизнью.

Жизнь — игра с неявным, непредсказуемым исходом. Преодолеть, превзойти этот сущностный структурный момент жизни тщились многие — сионские мудрецы и кремлевские мечтатели, возомнившие о себе лишнее духовные жрецы, по недомыслию оракулы и мистагоги, авантюрные устроители, укротители, лихие перестройщики мира. Имя им — легион коновалов истории, расширявших пределы трагедии от вмешательства обстоятельств и рока до вмешательства горемык по прихоти» [16;226]. Да что говорить, ведь мы сами еще совсем недавно жили в стране, которая воодушевленно строила светлое будущее согласно строго рассчитанным, обоснованным, выверенным планам.

И здесь хотелось бы подчеркнуть представляющееся существенным. Наша позиция состоит в том, что приведенные выше ошибки не являются следствием недомыслия и недостатка информации, но проистекают из **принципиальной невозможности нетривиального долгосрочного теоретического прогноза последствий наших действий, или, говоря проще, рационального расчета будущего.** Стараясь уйти от избытка абстракций, выше мы рассматривали примеры, но теперь поясним нашу мысль аргументами, основанными на научном понимании проблемы.

Сегодня человек (то есть, мы с вами) больше не живет в механистическом мире, который, к примеру, Декарт уподоблял гигантскому часовому механизму и где можно было говорить о линейном взаимодействии его обитателей с независимой внешней средой. Теперь, на заре двадцать первого века, человек вовлечен в социотехнические системы в качестве одного из факторов. Социотехнические системы обладают собственными, выступающими в качестве объективных, законами развития. С этими законами приходится считаться, их необходимо изучать, так же, как раньше изучали законы естественной природы. Кроме того, достигая определенного этапа сложности, объекты в таких системах проявляют способность к саморазвитию, то есть обособляются от своих творцов. Вследствие этого, нередко ситуация, когда тот или иной объект приобретает черты, отсутствовавшие изначально в замысле его создателя. Также социотехнические системы, являясь нелинейными и обладая синергетическими эффектами, могут содержать точки бифуркации, в которых малое, периферийное воздействие на систему способно вызывать непропорционально сильную реакцию. К тому же, сама матрица деятельности

техносферы несоразмерна человеческой деятельности по уровню сложности. Причины такой ситуации вполне фундаментальны. Остановимся кратко на некоторых аспектах.

Онтологический статус неопределённости

Убеждение в том, что всякая случайность есть результат незнания так называемых «скрытых параметров», невыявленная закономерность, придающее неопределённости субъективный статус и сводящее её к простой неосведомлённости, является плодом представлений классической науки и механистического мировоззрения. Действительно, механика Ньютона предполагает однозначное предсказание как прошлого, так и будущего при условии точного знания параметров. Летит, например, камень. И если нам известна его скорость, ускорение, масса, направление и прочее, то мы можем рассчитать как дальнейшую траекторию полета (то есть, узнать будущее), так и предшествующую (прошрое). Для носителей этого мировоззрения в мире присутствует определенность, источник обратного – лишь наше незнание. Однако с развитием науки выяснилось, что подобный подход представляет собой идеализацию, которая не работает в сколько-нибудь сложном случае.

Принято считать, что с момента появления квантовой физики наука вступила в неклассическую стадию своего развития, для которой характерно иное понимание неопределенности, чем на предшествующем этапе. Принципиальное отличие неклассики заключается в отказе от жесткого детерминизма, в том, что неопределенность наделяется онтологическим статусом – то есть, рассматривается как органически, неотъемлемо присущая бытию. С наше точки зрения, такое понимание весьма актуально для социотехнических систем.

Разумный поступок предполагает здравую оценку возможных последствий, соотношения затрат, риска и достигаемого результата. Поэтому вопрос о том, насколько оправдано то или иное действие, находится в тесной связи с вопросом о его возможных последствиях, точное определение которых невозможно.

«Выражения типа «устранение неопределённости», «преодоление неопределённости», «борьба со случаем» - не более как метафоры, весьма льстящие всемогуществу человека», - пишет Т.Г. Лешкевич. «Пытаться напрочь расквитаться с неопределённостью, устранить и исчерпать её - значит, подобно демону Лапласа, обитать в сферах выдуманного мира, где безраздельно властвует строго однозначная детерминация, всё предсказуемо, предопределено и объяснимо, ибо непротиворечивым образом выводимо из предшествующего. Неопределённость, как и случай - реальные компоненты развития, объективные характеристики всеобщего универсума и жизнедеятельности человека. И независимо от того, насколько эффективно в том или ином случае человек будет «бороться» с ними, устранять их, они вечно живут во всеобщей системе взаимодействия, воспроизводясь вновь и вновь в иных ипостасях. Убывая «здесь» и «теперь», неопределённость возрождается «там» и «тогда». Она коренится в основных устоях бытия и в этом смысле неустраима» [24;8].

Исследования нобелевского лауреата Ильи Пригожина также способствовали установлению пределов применения классических понятий и развенчанию «демона Лапласа» - вымышленного существа, способного охватить всю совокупность данных о состоянии вселенной и, как следствие, в любой момент имеющего возможность не только восстановить картины прошлого, включая мельчайшие детали, но и сколь угодно точно предсказать будущее.

Иными словами, можно констатировать, что из всех видов систем (линейные, вероятностные (или стохастические) и нелинейные) только линейные системы развиваются в строгом соответствии с принципом причинности, отождествляемым с необходимостью. Стабильные и упорядоченные по своей структуре, они допускают значительные идеализации. Высокая прогностическая сила теоретических расчетов связана здесь с точным знанием всех предшествующих состояний и изолированностью системы. В этом случае выводы оказываются результатом анализа ограничивающих условий.

По отношению к нелинейным системам это в принципе невозможно. К нелинейным системам относятся такие системы, свойства которых определяются происходящими в них процессами так, что результат каждого из воздействий при наличии другого воздействия оказывается иным, нежели в отсутствие последнего [Т.Г. Лешкевич].

Таким образом, поскольку социотехническая система является нелинейной, следует признать невозможность точного предсказания последствий каких-либо шагов или проектов. Здесь возможны бесчисленные комбинации вариантов развития, велико влияние локальных и периферийных отношений, случайных процессов, для понимания которых необходимо многомерное, «нелинейное» мышление, «поле» методов, поэтому традиционные рациональные схемы перестают быть адекватными.

Задача неразрешима простыми средствами – например, увеличением объема обрабатываемой информации. Вполне возможны ситуации, когда рост объема информации ситуацию усугубляет, потому что увеличение информационного потока вызывает трудности её систематического отбора и использования,

уменьшает однозначность и, таким образом, усложняет задачу и её решение, увеличивая неопределённость. Избыток информации, как и недостаток, препятствует принятию оптимальных решений. Некоторые исследователи говорят даже о катастрофе в области информации.

Итак, труднопредсказуемость результатов активного взаимодействия с миром имеет теоретическое обоснование на уровне метафизики. Однако кроме этого существует и ряд препятствий менее фундаментальных, хотя и не менее труднопреодолимых.

Субъективный статус неопределенности

При рассмотрении неопределенности как онтологической характеристики, свойства мироздания, представляется важным не упускать из виду также и её субъективную составляющую. Одно не отменяет другое, и утверждение, что случайность - это неразгаданная закономерность, на соответствующем уровне оправдано. Ведь ни человек, ни группа людей, ни даже всё человечество на практике не в состоянии учесть всю полноту обстоятельств и возможных последствий. Бесконечное разнообразие реальности невозможно отобразить через n параметров. Велика вероятность появления $n+1$. Поэтому значительная часть из того, что справедливо на рационально-теоретическом уровне, где так или иначе присутствуют идеализации, нередко оказывается неистинным применительно к реальному, во многом иррациональному, бытию. Действительно, сколь совершенные методы расчётов и прогнозов ни применялись бы, на каком бы количестве начальных данных они ни строились, всё равно могут возникнуть такие моменты, которые не были учтены заранее (а иногда и не могли быть учтены). Опыт

свидетельствует, что учет все большего числа параметров позволяет увеличить точность прогноза лишь до определенного предела.

При этом наша сегодняшняя ответственность куда выше, чем у наших предков. Когда-то вмешательства во внешний мир носили локальный характер, допуская возможность простого рационального расчета, и даже в случае ошибки могли вызвать проблемы только локального масштаба. Однако, если деятельность выходит на уровень социотехнических систем, комплексов, где происходит столкновение естественной и искусственной природы, возникает вопрос об адекватности нашего инструментария (включая средства познания). Проблема в следующем: при взаимодействии со сложной системой нередко отсутствуют достаточные доказательства того, что производимое вмешательство действительно приносит существенное улучшение, а не кратковременный эффект, за который потом приходится расплачиваться гораздо более серьезным ухудшением и дезорганизацией. Это важный момент, и мы о нем упоминали в начале данного параграфа, отмечая отсутствие уверенности в том, что представляющееся нам благом действительно таковым является. Иными словами, не всегда ясно, соразмерны ли цели средствам.

Преобразующая деятельность человека, по большей части, направлена на упорядочивание, структурирование дезорганизованных и хаотических процессов в соответствии с собственным пониманием блага и целесообразности. Однако то, что представляется нам хаосом, «может выступать как сверхсложная упорядоченность, а среда, предстающая перед нашим взором совершенно беспорядочным, случайным скоплением элементов, на самом деле заключает в себе всё необходимое для рождения огромного числа упорядоченных структур разного типа, сколь

угодно сложных и законченных» [10;12]. «В свете последних теоретических разработок хаос предстаёт не просто как бесформенная масса, но как сверхсложноорганизованная последовательность, логика которой и представляет наибольший интерес» [24;82]. Поэтому возникает реальная угроза того, что некий благодетель, упорядочивая систему в соответствии со своими представлениями, рискует нарушить эту логику, которая не познана нами в полной мере. И более того, отвлекаясь от контекста, скажу, что вполне достоверный психологический и эзотерический опыт указывает, что такой риск существует и применительно к одному человеку, всего лишь переустраивающему свою личную жизнь.

На чем же основывается оптимизм «улучшателей» мира? Можно предположить, на убеждении, что человек достаточно однозначно понимает законы и порядок мира, что мир соответствует нашим рациональным схемам, вполне адекватным, чтобы, опираясь на них, достраивать и изменять окружающую среду, в том числе социальную, исходя из собственных потребностей и желаний.

Но правомерно ли говорить о том, что наличествует исчерпывающая рациональная картина мира? Среди суждений множества авторов, анализирующих эту проблему, наиболее интересно мнение Ильи Пригожина: «История поисков рационального объяснения мира драматична. Временами казалось, что столь амбициозная программа близка к завершению: перед взором учёных открывался фундаментальный уровень, исходя из которого можно было вывести все остальные свойства материи. Приведём лишь два примера подобного прозрения истины. Один из них - формулировка знаменитой модели атома Бора, позволившей свести всё многообразие атомов к простым планетарным системам из электронов и протонов. Другой период напряжённого ожидания

наступил, когда у Эйнштейна появилась надежда на включение всех физических законов в рамки так называемой единой теории поля. В унификации некоторых из действующих в природе фундаментальных сил действительно был достигнут значительный прогресс. Но столь желанный фундаментальный уровень по-прежнему ускользает от исследователей. Всюду, куда ни посмотри, обнаруживается эволюция, разнообразие форм и неустойчивости. Интересно отметить, что такая картина наблюдается на всех уровнях - в области элементарных частиц, в биологии и в астрофизике с её расширяющейся вселенной и образованием чёрных дыр» [34;41].

Исходя из вышесказанного, можно с достаточно большой вероятностью предположить, что во многих случаях, упорядочивая хаос, мы разрушаем тонкий природный механизм, который не смогли в нём усмотреть. Впоследствии возможно осознание собственных ошибок. Например турбулентность, ранее принимавшаяся за хаотическое движение жидкости, которое разрушает ламинарное течение, более не считается совершенно беспорядочной и дезорганизованной. Дальнейшие исследования показали, что, напротив, на микроскопическом уровне турбулентное течение проявляет значительно более высокую степень организации, демонстрируя когерентное поведение миллионов и миллионов молекул. То есть, турбулентность может быть представлена не как процесс разрушения ламинарного потока, а как процесс его самоорганизации на более высоком уровне.

Очевидно, что в социотехнических системах существует множество ситуаций, внутренняя природа которых для нас неоднозначна, хотя при этом вполне возможно произвести некоторые изменения, которые, как кажется на первый взгляд, могут сыграть положительную роль. Помните пример о том, что после

войны, когда погибает много мужчин, процент мальчиков среди новорождённых существенно выше, нежели в обычный период? Это свидетельствует о существовании некоторого механизма саморегулирования в популяции человечества. В связи с этим интересна гипотеза, утверждающая, что заболевание полиомиелитом является одной из защитных реакций популяции, направленной на ограничение возможного влияния потенциально опасных её членов.

Некоторая предопределённость будущего, которая здесь допускается, не выходит за рамки возможного. В современной науке существует антропный принцип, суть которого в том, что появление во вселенной человека, играющего определенную, причем немаловажную роль, было запрограммировано изначально. Так почему нельзя предположить, что в некоторых людях с высокой вероятностью заложен известный тип поведения? Если эта гипотеза верна, то результатом всеобщей вакцинации населения (особенно отсталых стран), которой сегодня гордятся технократические спасатели негрятят, лет через пятнадцать-двадцать будет вспышка терроризма, экстремизма и тому подобного. Таким образом получается, что в результате избавления от страданий десятков людей, обрекаются на последующие страдания и гибель тысячи. Несмотря на то, что этот процесс растянут по времени, что несколько затрудняет анализ, имеется достаточно обширный массив статистических данных. Это только один из примеров, но их существует множество.

Таким образом, можно отметить еще один момент, призванный отрезвить «спасителей мира»: реальность может оказаться гораздо сложнее рационально-теоретического обоснования деятельности, направленной на ее изменение.

Точки бифуркации в нелинейных системах

В нелинейных системах возможно наличие точек бифуркации – таких ситуаций, когда весьма малое воздействие на систему может вызывать значительные изменения, непропорциональные по отношению к породившему их влиянию. Такой процесс может быть условно назван «эффектом бабочки», описанным Лоренцом. Смысл этого эффекта в том, что нелинейные системы чрезвычайно чувствительны к изменению начальных условий и обладают свойством быстрого разведения первоначально близких траекторий. По вычислениям Лоренца получалось, что «решение уравнений (приблизённо описывающих также потоки воздуха в атмосфере земли, т. е. задачу предсказания погоды) можно изменить взмахом крыльев бабочки» [Т.Г. Лешкевич]. О способности незначительного и локального события произвести крупномасштабные изменения говорят и исследования Ильи Пригожина, когда в точке бифуркации сколь угодно малое воздействие может вызвать кардинальное изменение дальнейшего пути развития системы. Умышленно упрощая вопрос, для придания ему большей наглядности можно привести пример с шариком, находящимся на вершине конуса. Опираясь практически на одну точку, он неподвижен, но самое незначительное воздействие способно низвергнуть шарик с его позиции в произвольном направлении.

Рассматривая эту проблему в практическом плане, следует заключить, что явление бифуркации способно вызывать существенные трудности в прогнозировании и управлении.

Побочные явления

Побочные явления представляют собой продукты или результаты деятельности, появление которых изначально не планировалось. В том или ином виде они присутствуют всегда, но для нас особенно важны случаи, когда роль побочных явлений

велика, и они могут затмить собой основные результаты деятельности.

Вообще, побочные явления - не редкость как в человеческой практике, так и в научном познании. Известно множество примеров, когда сопутствующие какой-либо деятельности процессы по своей значимости перекрывали преследуемые цели. «Сегодняшний учёный в принципе должен быть готов к анализу и фиксации результатов, возникающих помимо его сознательного целеполагания в потоке научного исследования, в том числе и к тому, что они могут быть гораздо богаче исходной цели... ..Новые явления как бы «зацепляются» исследователем случайно, вопреки существующим стереотипам рациональности» [24;106].

То же самое можно сказать и о процессах, протекающих в социотехнических системах. Только здесь следует иметь в виду скорее возможность отрицательного результата, поскольку именно такое развитие событий наиболее вероятно. Сами по себе побочные явления могут быть и нейтральными, но при этом служить катализаторами иных процессов, осуществление которых весьма нежелательно. Учитывая сложность социотехнических систем, нереально предсказать всю полноту таких возможностей. Лишь на житейском уровне иногда имеется ясность: аспирин помогает от простуды, но вызывает язву желудка – как побочное явление. Да и то, так думали более полувека, но вдруг на рубеже двадцать первого столетия ученые открыли новые свойства аспирина, выяснив, что его передозировка или неумеренное применение способны вызывать смерть. В результате в ряде стран был запрещен прием этого препарата детьми до 14 лет.

Однако даже если предположить, что наши рациональные методы в достаточной степени адекватны реальности, что нет

причин ожидать существенного влияния побочного продукта, эффектов от малых воздействий, и вообще, «технический расчет верен», то и в этом случае нельзя утверждать, что проблемы с предсказуемостью и управляемостью системы решены. Дело в том, что любые проекты реализуются людьми, поведение которых далеко не всегда можно спрогнозировать. Опыт показывает, что в двадцатом столетии так называемый человеческий фактор стал одной из главных причин техногенных катастроф.

Проблемы человеческого фактора

Исследования последних десятилетий показывают, что нередко причины тех или иных действий человека лежат за пределами его сознания. Психологи, разрабатывающие эту проблематику, используют различные термины для обозначения не принадлежащей сознанию сферы, например разделяя подсознание и бессознательное и т. д. Так как нашей целью является не глубинный анализ самой картины происходящего вне сознания, но лишь оценка её роли, масштаба влияния на сознательную деятельность и на возможность рационального регулирования последней, то, в отличие от психологов, мы не будем использовать множество терминов и ограничимся лишь одним - бессознательное. Под бессознательным мы понимаем все процессы, происходящие вне сознательного контроля человека в процессе повседневной деятельности. От бессознательного следует отличать так называемое неявное знание, которое хотя и существует неявно, находясь на невербализуемом и неререфлексируемом уровне, тем не менее принадлежит сознанию, но просто не находится в его фокусе.

Что же касается непосредственно бессознательного, то по некоторым данным, информационный поток неформализуемой активности насчитывает 10^9 бит информации, в то время как

сознанием контролируется лишь 10^2 , то есть очевидно значительное количественное преимущество неосознаваемой информации перед осознаваемой. Означает ли это, что бессознательное регулирование жизнедеятельности человека имеет столь же значительный перевес над сознательным? Во всяком случае, пренебрежение его ролью выглядит весьма опрометчивым. Исследования известных психологов говорят о том, что функции регулирования и мотивации в немалой степени определяются бессознательным, а поведение человека во многом обуславливают неосознаваемые психические реакции, побуждения и инстинкты.

Актуальность этой проблемы наиболее ярко проявляется тогда, когда ставится задача сознательного регулирования того или иного социального процесса и прогнозирования его результатов. Так как любые проекты воплощаются конкретными личностями, то бессознательное, стремясь реализовать личные стремления индивида и воплощая их помимо осознания, прорывается сквозь логически выверенные и рационально обоснованные схемы и существенно влияет на планируемый результат. Очевидны трудности отслеживания и практическая невозможность прогнозирования таких влияний. Действительно, во-первых, события, причины которых лежат вне области сознания, как правило иррациональны, а во-вторых, они находят свою материализацию и вносят изменения в первоначально предполагаемую логику развития через множество различных уникальных индивидов, участвующих в процессе (проекте), и говорить о выявлении каких-либо общих закономерностей, за исключением коллективного бессознательного, не представляется возможным.

Еще 40-50 лет назад такая проблема не поднималась. Однако современная ситуация требует более внимательного отношения.

Взгляните на мировую историю – практически вся она строится на девиациях, которые и определяют ее ход. Петр Первый убил своего сына – в результате на престол вошел не тот человек, застрелили принца в Сараево – и мировая общественность всколыхнулась, началась война, и так далее. А девиации очень часто представляют собой проявление бессознательных процессов. Очевидно, что рационально-теоретическое предсказание таких ситуаций затруднительно. В качестве решения проблемы иногда предлагаются технические средства подстраховки («защита от дурака»), но не вызывает сомнения, что это не является решением проблемы как таковой.

То есть, следует согласиться, что проблема человеческого фактора весьма нетривиальна. Мы не можем «влезть в душу» другого человека, и происходящие там процессы чаще всего остаются «тайной за семью печатями».

В конечном итоге, можно сказать, что невозможность достоверного теоретического прогноза последствий наших действий имеет под собой следующие основания:

- онтологический статус неопределенности – ее проявление в качестве фундаментального свойства мира;
- невозможность учета всех последствий из-за субъективной составляющей неопределенности – ограниченности знаний и возможностей человека;
- отсутствие исчерпывающей рациональной картины мира;
- возможность бифуркаций в социотехнической системе;
- влияние человеческого фактора, не поддающегося окончательной рационализации.

Чем нам полезны приведенные выше рассуждения при исследовании позитивного маргинализма? Они позволяют сделать вывод, важный для определения условий позитивности: **нельзя ставить своей целью тотальное приумножение блага, поскольку мы не можем достаточно достоверно прогнозировать последствия своих действий.**

Отсюда же вытекает сложность в оценке маргинализма как позитивного или негативного, исходя из его вклада в приумножение добра на текущий момент. В тривиальных случаях, конечно, это возможно. Но и то лишь иногда. Жизнь сложна, поэтому одно деструктивное влияние может оказаться весьма полезным, так как предотвращает другое, еще более деструктивное, или же создает условия для развития ситуации в желательном направлении.

Например, вы потеряли билеты в театр, поэтому вас не ограбили, проломив голову, на обратном пути. Или реальный случай из жизни. Одна бизнес-леди, ныне занимающаяся продажей «Мерседесов» в Москве, рассказала мне, что она вряд ли сумела бы сделать карьеру, если бы не крайне неприятная ситуация, приведшая к ее увольнению с предыдущей работы. Сама бы она ни за что оттуда не уволилась, поскольку не верила в возможность перспектив, ставших сегодня для нее реальностью.

Что касается общества и социотехнических систем, то и здесь, конечно, возможны подобные трансформации. Приведу последний в этом разделе пример, имеющий отношение к обсуждаемой проблеме. В сообществе муравьев есть свои маргиналы. Это муравьи, которые отделяются от своих собратьев, живут не по общим законам. Благопристойная масса вершит кропотливые труды, собирая запасы пропитания и строительных материалов, ремонтируя муравейник. При этом они ходят своими муравьиными тропами, как

положено. В то же время, муравьи, отличающиеся от большинства, не собирают запасов, не участвуют в строительстве и не передвигаются вместе со всеми по проложенным путям, вместо этого совершая хаотические перемещения в пространстве. Наверное, муравьиный обыватель крайне возмущен таким поведением («Безобразия! Вы посмотрите на них!!!»). Однако, бегая где и как попало, эти муравьи открывают новые источники пищи и полезных материалов. И, что интересно, когда ситуация становится менее благоприятной и запасы муравейника иссякают, количество этих маргинальных муравьев растет. Так происходит самоорганизация сообщества.

Сказанное проясняет, что нечто, кажущееся отрицательным с местной, локальной точки зрения, может оказаться совершенно необходимым и полезным с глобальной. Поэтому бездумный улучшатель опасен. Действуя в соответствии со своим представлением о благе, он может вмешаться в систему, нарушив ее сложные закономерности, в результате чего итог будет удручающим. В этой связи представляются совершенно справедливыми слова выдающегося ученого, современного философа, Виктора Васильевича Ильина, который писал: «Систематическим невыверенным кавалерийским набегам на жизнь должен быть положен конец. Технократические, сциентические хилиазмы, социотехнические манипулирования в их неспецифической жизнеустроительной функции суть элемент архаичного идеистического сознания. От имени ratio в жизни до сих пор плодили варварство. От лица прогрессистского всеведения упрочали разрушительные предрассудки» [16;226].

Подведем итог. В силу естественных ограничений человеку не дано доскональное знание того, насколько представляющееся ему

позитивным действительно позитивно, а негативное, соответственно, негативно. Кроме того, весьма важный момент состоит в том, что сама оценка чего-либо как позитивного/негативного существенно зависит от позиции наблюдателя, исходной точки оценки. Выгодное для отдельного человека может быть невыгодно для его нации, выгодное для нации может вредить государству в целом, полезное для государства может оказаться разрушительным для природы, а хорошее для природы способно противоречить общепланетарному развитию. Например, какому-то конкретному человеку выгодно вывезти за рубеж и продать там предметы искусства – достояние нации, что разрушает национальную культуру. Конкретной нации выгодно подавлять трудовую активность других наций, чтобы освободить для своих представителей рабочие места, но это невыгодно для многонационального государства. Государству выгоден технический прогресс, но он разрушает биосферу. Наконец, некоему представителю биосферы выгодно ее сохранение в неизменном виде, чтобы гарантировать свое существование и в будущем, но логике общепланетарного развития это может и не соответствовать, вымирание определенных видов там может предполагаться, как это было с динозаврами. И так во всем.

Например, существует весьма достойная цель саморазвития. Но в зависимости от того, что является субъектом этого саморазвития – а ведь это не обязательно конкретный человек, им может быть и фирма, и государство – мы получаем целый веер противоречивых целей и понятий о благе. Развитие человека может противоречить целям структуры, в которую он включен, развитие фирмы – целям страны или общества, в котором она функционирует.

Какой-либо абсолютной точки отсчета не существует. Даже если мы в качестве таковой примем максимально абстрактные принципы (что в некоторых случаях помогает), мы немедленно столкнемся с множеством философских доктрин, каждая из которых предлагает собственное видение этих принципов, при том, что никак невозможно (по крайней мере, за весь период существования мыслящего человечества никому этого не удалось) найти чистый и независимый, совершенно объективный критерий истины. Имеющему представление об истории философии это очевидно.

Так что ставить своей основной целью служение благу, с нашей точки зрения, опрометчиво. Но и простая констатация такого вывода недостаточна. В принципе, приведенные рассуждения делают возможными два противоположных ответа. Один ответ – пассивная позиция, когда человек решает ничего не делать, поскольку все равно невозможно угадать, во что это выльется в конечном счете. Другой – делать все, что угодно, так как в любом случае невозможно точно оценить, сделано ли хорошее или плохое. Но есть и срединный путь. Человек, осознанно вершащий свое бытие и озабоченный поиском сути и смысла своей деятельности, постепенно продвигается вперед и рано или поздно обретает свою собственную, выношенную им, выстраданную позицию. И тогда перед ним не стоит описанная выше дилемма. Он знает ответ. Он готов принять решение и понимает свою ответственность. Причем часто он сам выбирает для себя меру собственной ответственности. Но этот третий ответ невозможно получить в виде готовой формулировки – его можно лишь найти самостоятельно, как результат познания и опыта.

3.3. Роли внутреннего и внешнего миров в человеческой жизни

Другой аспект в понимании позитивности маргинализма связан с вопросом о соотношении внутреннего и внешнего в его проявлениях. На протяжении нашего повествования мы уже не раз обращались к данной дихотомии, и это неспроста. Ведь нередко бывает, что люди, проявляя позитивный маргинализм в одних сферах, ведут себя как обыватели в других. Например, в профессиональной деятельности порой достигают исключительных высот, но при этом не умеют обустроить личную жизнь. Работая, скажем, в науке, кто-то может смело порывать с традицией, принимать новые, неожиданные решения, добиваясь тем самым ни с чем не сравнимых результатов. И в то же время в частном бытии быть зашоренным и закомплексованным, находиться в плену стереотипов и традиционных рамок, не уметь внести созидательный вклад, проявить гибкость и неординарность – то есть, демонстрировать логику действий обратную той, что на работе. Соответственно, с противоположным итогом на выходе. Иными словами, с одной стороны, в работе человек проявляет маргинализм, с другой – в личной жизни таких качеств не обнаруживается. Почему так происходит? Ведь если исходить из нашей идеи о том, что выдающимся людям маргинальность присуща органически (помните аналогию с криминальностью?), то получается, она должна проявляться везде. Но не все так просто.

Прежде всего, не стоит забывать, что мы говорим именно о позитивной маргинальности, когда нестандартные действия, идущие в разрез с традицией, приносят положительный результат. А для его достижения одной только готовности к необычным шагам мало. Необходим конструктивный, созидательный вклад, невозможный без

специальных знаний и опыта. Последних порой недостает. И виной тому «увлечение» внешним искусственным миром. Ведь большинство людей задействованы именно в технико-экономической сфере, в крайнем случае, в естественнонаучной. Люди изучают компьютеры, двигатели, строительство, бухучет, финансы, юриспруденцию и прочее. И даже если взять уровнем выше, отметив математику, физику, астрономию, медицину, – то все равно придется признать, что перечисленное объединяет одно – **эти знания не о человеке. Это знания о внешнем мире.** А для решения личных проблем надо разбираться в мире внутреннем, суметь проникнуть в царство души и духа.

Чтобы разбираться, необходимо, как минимум, три вещи. Это интерес, способности и знания. Что из них мы имеем? Выше мы отметили, что знаний часто не хватает. Профессиональная сфера большинства людей не может обеспечить их необходимой информацией и, шире, методологией, создать канву понимания. По роду своей деятельности я достаточно хорошо знаю Бауманский институт, имеющий заслуженную мировую славу как выдающаяся техническая школа. Но чем эта школа вооружает людей для грамотного обустройства личного мира? Практически ничем. Преподавая философию студентам этого вуза, я сталкивался с серьезными трудностями в объяснении гуманитарных аспектов неподготовленным людям. И это несмотря на то, что когда-то сам заканчивал тот же институт, и мое первое образование именно техническое, то есть, пройдя сходный путь, этих студентов я понимаю. Но они не знают порой элементарных вещей в гуманитарной области. В большинстве групп не читали ни одного современного психолога, и даже не слышали о них! Не известна им и другая литература, а вместе с ней – и современные подходы,

толкования, концепции. Как крайний случай вспоминается студент, не знавший, кто такой Иисус Христос. Соответственно, будущие технические специалисты обладают довольно убогим мировоззрением. И подчеркну, дело не ограничивается отсутствием знаний. Знания, хотя и не без труда, но можно накопить. Но кроме знаний необходимо и общее понимание, так называемый background, то есть некий уровень, позволяющий осознавать, фильтровать и систематизировать полученные знания. Без него новая информация может либо оказаться непонятой, либо сыграть деструктивную роль. Не случайно количество религиозных сект в технических вузах существенно выше, чем в гуманитарных – в отсутствие надлежащего базиса затруднительно выработать собственное суждение, а следовательно, высока восприимчивость к чужим истинам. Не обладая определенным уровнем развития, люди не способны сделать правильный выбор, вынести свою оценку. А следовательно, готовы уверовать в чужую истину.

Эти проблемы сполна проявляются и в семье. Хорошее знание ядерного реактора или подъемного крана никак не помогает понять жену, расположить тещу, уладить взаимоотношения, выявить и преодолеть стереотипное поведение.

Однако в практической психологии знания и понимание – это не все. Необходимы способности к практическому воплощению. Их тоже порой недостает. Здесь имеются в виду навыки уже не узкопрофессиональные, а более общего характера – способности к общению, выстраиванию отношений, анализу ситуации, постановке и достижению целей, а также другой инструментарий для утверждения себя в жизни. Сложно, например, переоценить умение общаться. Оно многократно повышает эффективность ведения дел, помогает карьерному росту. Но человек, умеющий наладить деловое

взаимодействие, совершенно необязательно обретет успех в семейных отношениях. Как свидетельствуют практикующие психологи, профессиональные навыки очень часто не транслируются за пределы профессиональной сферы. «Если человек научился плавать, он будет плавать и в реке, и в бассейне, и в море, потому что умение плавать имеет широкий диапазон применения. К сожалению, в отношении навыка грамотного построения эффективной деятельности это не так, и, если человек научился осознанно прорабатывать цепочку «проблема – анализ – решение» в одной области, это еще не значит, что он сможет так же целесообразно действовать в области соседней. Навык целесообразного действия – навык узкого диапазона, и человек, грамотно ставящий перед собой и последовательно достигающий свои цели в бизнесе, может оказаться в достаточной мере безграмотным и беспомощным во взаимоотношениях с близкими людьми» [19;99]. А следовательно, необходима работа по разноплановому самосовершенствованию, сознательному развитию, построению себя. Такие действия никогда не были легкими и требуют от человека известной самодисциплины и ощутимого желания. Последнее тесно связано с наличием интереса, в значительной степени определяющего расстановку приоритетов. Интерес же по данному вектору часто скуден.

Проблема в том, что наше прагматическое общество, в целом, подвержено влиянию технократической парадигмы, нацеленной на преобразование внешней реальности, быструю практическую отдачу от всего применяемого и пренебрежение к тому, что такой отдачи принести не может. Отсюда неуважение к наукам гуманитарного цикла – философии, психологии, культурологии и другим, отношение к ним как к бесполезным и ненужным. Присутствуя

подспудно, такое отношение способствует утрате интереса к указанной сфере, развитие которого и без того затруднено описанными выше трудностями понимания и нехватки знаний.

В принципе, описанное положение дел сложно критиковать с неких, условно скажем «метафизических» позиций, указывая кому-то на расхождение его пути с истинной дорогой. Здесь все зависит от личной позиции. Каждый делает свой субъективный выбор. И может быть, для кого-то действительно лучше быть совершенным в профессиональном плане, оставаясь полным профаном в личном. Однако и у нас есть своя точка зрения. Образно ее можно передать патетической фразой, с которой при мне обратился к инженеру один авторитетный философ. Он сказал: «К чему все твои технические познания, если ты со своей женой на кухне договориться не можешь?» И действительно, к чему?

Конечно, если грамотно ставить вопрос, нужно рассматривать значимость профессиональной деятельности как для общечеловеческого блага, так и для личного. И наверное, есть немало причин для того, чтобы пытаться как можно больше приумножить первое. Но этот путь чреват постановкой себя на службу чему-то внешнему, что может оказаться и чуждым, последствия чего были описаны в разделе про трудности обывательской жизни.

Отметим, что мы отрицаем не идею служения как таковую, а только ее социальное проявление в нашем обществе, приводящее к зависимости и порабощению. В одной из рок-песен была хорошая фраза: «Но дьяволу тоже нужно служить, значит я не служу никому!». Достойный девиз. И более того - разве полноценная, всесторонняя самореализация не является одной из задач, данных нам Создателем? Так что, без всяких дьяволов, но – с Богом.

Для получения корректного вывода о роли профессиональных знаний необходимо акцентировать внимание на том вкладе, который вносит профессиональная деятельность в жизнь личную. А в этом ракурсе она, безусловно, представляет собой только некоторую часть и на большее претендовать не может. Возможны, однако, исключения двух видов. Во-первых, если у человека нет сколько-нибудь заметной личной жизни. Но такая ситуация представляется неприемлемой. Во-вторых, если его личная жизнь совпадает с профессиональной. Случай возможный, но редкий, требующий отдельного анализа. Поэтому остановимся на роли профессиональной деятельности как части.

Какую она приносит отдачу? Для большинства людей отдача измеряется материальным обеспечением и возможностями карьерного роста. Несмотря на чрезвычайную важность двух названных моментов, их вклад в счастливую жизнь весьма мал. Действительно, деньги оказывают решающее влияние, когда их количество настолько мало, что под вопрос ставится возможность выживания. Но если нормальный прожиточный уровень обеспечен, то дальнейшее увеличение благосостояния обычно не приносит счастья в дом. Я видел семьи различного достатка и не могу сказать, что более состоятельные более счастливы. Отношения в семье, достижимость личных целей, здоровье и многие другие факторы часто оказываются важнее, чем размер счета в банке. К тому же, большинство людей не удовлетворяются текущим положением дел, им хочется большего. Поэтому внутреннее состояние, что чего-то не хватает, присутствует независимо от покупательской способности – одному не хватает на старые «Жигули», что весьма его огорчает, другой вот уже два года не может позволить себе купить новый немецкий джип.

Примерно то же самое можно сказать и о карьере. Карьерный рост – довольно важное дело, особенно для мужчины, но решающая роль в счастливой жизни принадлежит не ему. К тому же, в отличие от денег, он еще и иллюзорен. В российских условиях любое положение оказывается зыбким и рано или поздно теряется. А вместе с ним теряются и все привилегии. Мне приходилось наблюдать со стороны, как люди, уволенные с действительно высоких постов, моментально теряли свой вес и влияние, становились практически «ником».

Сказанное выше в отношении денег и карьеры не следует понимать как призыв двигаться в противоположном направлении. Ни в коем случае. И то, и другое важно, причем в условиях нашей страны они позволяют получать больше благ, чем в цивилизованных странах. Сопричастность к власти и деньгам позволяет существенно расширить свои возможности и повысить безопасность, обеспечить достойный выход из многих неприятных ситуаций – будь то тяжелое заболевание или уголовное преследование. Поэтому стремление к власти и деньгам естественно как упрочающее социальное положение, и против него мы не возражаем. Мы лишь хотим подчеркнуть, что счастье в жизни приносят не они, и прилагая силы для их приумножения, следует отдавать себе отчет, насколько вы тем самым приближаете себя к счастливому состоянию, не создаете ли в своей судьбе невосполнимого перекоса.

В этой связи интересен пример выдающегося российского конструктора, создателя ракетной техники, Михаила Кузьмича Янгеля. Действительно, его карьера удалась. Лауреат Ленинской и Государственной премии, дважды Герой социалистического труда, генеральный конструктор КБ "Южное", академик. В конкурентной борьбе он сумел выиграть у такого известного и уважаемого

специалиста, как Сергей Павлович Королев, стоявшего у истоков советской космонавтики, и успешно конкурировать с не менее талантливым человеком, академиком Владимиром Николаевичем Челомеем. Ракеты, созданные М.К. Янгелем, долгое время находились на вооружении СССР, формируя ядерный щит нашей родины, гарантируя ее безопасность. Его уважали Н.С. Хрущев, Л.И. Брежнев. Он был человеком, имевшим стратегическое значение для державы. Сегодня его именем названа одна из улиц на юге Москвы и станция метро, расположенная там же.

Казалось бы, все хорошо, человек прожил успешную жизнь, сумел достойно реализовать себя. Однако близко знавшие его люди говорили, что он был несчастным человеком. Его личная жизнь сложилась неоптимальным образом. По своей работе Михаил Кузьмич был вынужден покинуть Москву, супруга же его отказалась последовать за мужем. Она осталась в столице заниматься наукой и участвовать в светской жизни. В результате М.К. Янгель жил один, вдалеке от детей, не имея семейного уюта и поддержки близких людей. Это обстоятельство, вкупе с тяжелой, стрессовой работой и постоянным злоупотреблением алкоголем существенно сократило срок его жизни. Вот пример впечатляющего внешнего успеха при отсутствии минимального комфорта во внутреннем мире.

Приведенные выше рассуждения - лишь прелюдия к большому и серьезному вопросу о соотношении внешнего и внутреннего с точки зрения позитивного маргинализма. В отличие от обывателя, позитивный маргинал должен уметь управлять собственной жизнью (в заданных Создателем пределах, естественно). Как было показано ранее, степень свободы достаточно велика. Но имеются ли основания считать, что управление собственной жизнью в основном происходит путем влияния на внешний мир? Не наоборот ли? Не

доминирует ли в данном случае мир внутренний? Способна ли вообще внешняя, техническая среда оказывать существенное влияние на судьбоносные моменты? Разберемся в этом подробнее.

Внимание большинства обывателей нацелено на внешнюю, материальную среду. В общественном (читай – обывательском) сознании весьма распространено убеждение, что прогресс, позволяющий больше и изощреннее потреблять и иметь больше власти над окружающей средой, представляет собой наиболее значительное благо для человечества. При этом явно или неявно подразумевается, что материальная составляющая доминирует в человеческой жизни, являясь главным фактором, формирующим судьбу. С нашей точки зрения, такая позиция ущербна, поскольку не учитывает в должной степени личную сферу, стандартизируя индивида и абстрагируясь от его экзистенциальных (сознательных и бессознательных) проявлений. В результате появляются ошибочные выводы, что для обеспечения полноценной и счастливой жизни достаточно лишь соответствующего развития внешнего окружения.

Строго говоря, претензии на полное разрешение личных проблем человека таким путем выглядят неубедительно. Дело не столько в том, что ориентация на внешний мир каким-то образом препятствует их решению (хотя и в этом тоже - когда имеют место духовное закабаление, односторонность сознания и миропонимания, утрата самостоятельного мышления и моральная деградация), сколько в том, что корни личных проблем часто лежат гораздо глубже мира материальной данности и недоступны его средствам, которые выступают только в качестве различных декораций.

В связи с этим целесообразно обратить внимание на концепции некоторых психологов, изучавших подобные проблемы. Обратим также внимание, что концепции эти появились не на

пустом месте, а были реакцией мыслителей и специалистов на проблемные ситуации, связанные с личностью, изобилующие в западном мире. Исследователи задавались вопросом, почему в развитых западных странах, при высоком уровне благосостояния, столь много несчастных людей. Так, например, Эрик Берн в книге «Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры» выдвинул гипотезу сценарного регулирования. Не вдаваясь в подробности, можно сказать, что, по Э. Берну, сценарий представляет собой определённую программу основных направлений, структурирующих жизнь человека.

Эти направления не являются в полном смысле слова предопределением и не предполагают однозначной детерминированности событий, но, тем не менее, позволяют систематизировать жизненные сценарии в соответствии с их доминирующими качествами, как то сценарий неудачника, победителя и так далее, в том числе и более конкретные сценарии. Общая направленность сценария материализуется через индивидуальные события, но реализация одного типа сценария возможна с помощью множества различных серий событий. Э. Берн считает, что результат сценария соответствует главному решению в жизни человека, от которого зависят все последующие. «Решения на каждом уровне чаще всего определяются решениями, принятыми на более высоких уровнях. Проблемы каждого уровня относительно тривиальны по сравнению с проблемами более высоких уровней. Но все уровни прямо работают на окончательный итог», - пишет Э. Берн в одной из своих работ. «Поэтому пока главное решение не принято, все прочие решения не рациональны, а рационализированы по второстепенным основаниям» [6;354].

Так, «в поисках того, что произошло на самом деле, отталкиваясь, например, от автомобильной катастрофы или белой горячки, от судебного приговора или развода, игнорируя при этом «диагноз», психотерапевт обнаруживает, что результат почти всегда был запланирован в возрасте до шести лет» [6;222]. То есть, для самого Э. Берна сценарий - это «способ структурирования времени своей жизни между первым приветственным звуком у материнской груди и последним «прощай» на краю могилы» [6;287]. Однако при этом «сценарная теория вовсе не считает, что всё человеческое поведение управляется сценарием. Она оставляет место для автономии. Она лишь утверждает, что относительно мало людей достигают полной автономии, причём только в особенных обстоятельствах» [6;353]. (Нельзя ли этих немногочисленных людей назвать позитивными маргиналами?).

Не придавая неоправданно большого значения сценарной теории, не ставя своей целью выяснить, когда же «был запланирован результат», в возрасте до шести лет или, может быть, не до шести, а также получив достаточное представление об имеющейся критике в её адрес, тем не менее полагаем разумным использовать ее результаты. Вывод же, который можно сделать исходя из базисных утверждений этой теории, гласит, что получаемое человеком от жизни не слишком сильно зависит от окружающей ситуации. Действительно, работа с внешним миром (миром материального окружения человека) не может произвести принципиальные изменения в сценарии, а следовательно, и в жизни человека, так как для этого надо работать с самим собой. То есть, из сценарной теории следует, что человек со сценарием неудачника, живущий в средние века, мог легко реализовать его и навлечь на себя различные неприятности, точно так же (только ещё проще) это получилось бы у

него в эпоху научно-технического прогресса. И никакие блага техногенной цивилизации его от этого не смогли бы спасти. И наоборот. Успех в любом случае будет составной частью жизни человека-победителя.

Интересно, что к сходным выводам приходят и другие современные западные ученые. Так, профессор клинической психологии Стив Новики (США) в результате тридцатилетних исследований обнаружил, что везение или невезение зависит от самого человека. Согласно его выводам, удача - это торжество усилий воли над природой, а личные качества определяют, какое именно везение ожидает этого человека.

Ученый предлагает разделить людей, которым приходится сталкиваться с проблемами, на две категории. Первые пассивны и подчиняются ходу событий, они уверены в том, что не могут контролировать свою судьбу. Если их постигает неудача, они возлагают вину за это на какие-то внешние причины вместо того, чтобы проанализировать случившееся и постараться избежать таких же неприятностей в будущем. Во вторую категорию входят люди, которые, напротив, анализируют, действуют и извлекают уроки из событий своей жизни, полагая, что между происходящим и ими самими существует определенная связь. То, в какую группу попадает человек, зависит в наибольшей степени от влияния окружения. Можно предположить, что у детей из богатых семей больше шансов попасть в первую категорию, чем у бедных детей, которым с самого начала приходится преодолевать больше препятствий, чтобы добиться успеха. Правда, с другой стороны, итальянские ученые обнаружили, что карьерный успех в большей степени сопутствует людям, выросшим из избалованных детей,

поскольку они обладают рядом необходимым черт характера, в том числе и убежденностью, что все по праву принадлежит им.

В начале 2003 года появились сообщения, что и в Великобритании открыт секрет удачливости, согласно которому соблюдение неких, достаточно простых принципов поведения позволит человеку управлять своей судьбой. Суть открытия изложена в изданной в Британии книге "Фактор удачи". Ее автор, психолог Ричард Уайзмен подвел итог 10-летних наблюдений за поведением людей, которых с детства относили либо к "счастливицам", либо к "неудачникам". Доктор Уайзмен опроверг мнение, будто фактор везения закладывается от природы. На самом деле каждый человек способен быть кузнецом своего счастья, просто одни нацелены на успех, а другие - нет, утверждает ученый. Упомянув о "магических секретах", автор приводит серию наблюдений.

Во-первых, счастливицы целенаправленно расширяют кругозор и совершенствуют качества, необходимые для продвижения вперед; они никогда не отказываются от возможности обогатить свой опыт. Во-вторых, большую пользу приносит интуиция: успешные люди, как правило, доверяют шестому чувству. В-третьих, нужно ориентироваться на удачу и при любых обстоятельствах делать ставку на позитивный исход. В-четвертых, важна привычка видеть в любом провале что-то положительное. Таким образом, человек "программирует себя на успех", и, как ни странно, его предсказания имеют тенденцию сбываться, отмечает ученый. [Известия.Ru, 04.01.2003].

Необходимо упомянуть, что вопрос о роли бессознательного в жизни человека достаточно разработан, и этой теме посвящено немало трудов (начиная от З.Фрейда, К.Юнга и заканчивая

множеством современных исследователей). Заметим также, что некоторые учёные, занимающиеся теоретическими разработками в области психологии, придают неосознаваемому первостепенное, исключительное значение (Э.Цветков). Теория Э. Берна – не самая радикальная среди концепций, отстаивающих положение, что корни жизненных проблем лежат за пределами мира материальной данности.

Но даже безотносительно к сценарной или какой-либо иной психологической теории, представляется справедливой мысль о том, что качество личной жизни человека, открывающейся ему как индивидуальности, характеризуется тем нематериальным набором ощущений, который производится в процессе его бытия. То, какие ощущения будут составлять основную гамму этого набора, зависит от многого, и далеко не только от материального мира. Действительно, при более глубоком рассмотрении видно, что человеку «плохо» не оттого, что у него мало денег, а чаще оттого, что он одержим убеждением, что их у него должно быть много, и когда их много, то это «хорошо», и т.п. Иными словами, совершение тех или иных действий в области материального провоцируется соответствующей потребностью, и поскольку в развитых странах речь, как правило, идет не о проблеме выживания, то можно сказать духовной потребностью. Критическая ситуация возникает тогда, когда имеет место несоответствие наличного результата желаемому. Но каким образом из этого следует, что главный способ разрешения проблем – это работа в материальной сфере, а не в духовной? Тем более если учесть, что в современных техногенных обществах, где все главные потребности давно удовлетворены, теперь уже происходит удовлетворение желаний, порой совершенно абсурдных.

В этой связи можно отметить два момента. Во-первых, развитие внешней среды никогда не сможет удовлетворить все эти желания, поскольку их поток непрерывно возрастает, создавая замкнутый круг, а идеология общества потребления и новая техника способствуют возникновению неизвестных ранее желаний. Во-вторых, даже их удовлетворение нередко не приносит человеку душевного покоя. Такие примеры у всех перед глазами. Часто за внешним шиком семьи «новых русских» прячутся точно такие же проблемы и переживания, что и у «старых советских» соседей.

Здесь также стоит обратить внимание на то, что средства жизни и средства деятельности – это не одно и то же, и между ними вполне возможно противоречие. Т.Г. Лешкевич писала, что это противоречие «часто ускользает из поля зрения. Возьмём, однако, хотя бы экономический аспект, и сразу становится очевидно, что не всякая деятельность обеспечивает средства к жизни. Или же медицинский аспект, показывающий, что измученный, переутомлённый, глубоко депрессирующий человек не может действовать активно и предметно, однако живёт и влачит свои дни. Как правило, жизнь человека противопоставлена его деятельности, а деятельность - погоня за ускользающим или рутинное повторение одного и того же - жизни. Разве не жил индийский йогин, обретая спокойную радость души, отрешённость и мудрость мира? И разве живёт функционер, активно и деятельно манипулируя набором средств для достижения цели? Исповедь его полна сетований, тайных надежд и мечтаний об «истинной» человеческой жизни» [24;103].

Итак, направляя большую часть ресурсов во внешнюю сферу, мы не решаем своих личных проблем, потому что средств внешнего мира для этого недостаточно. Кроме того, есть и деструктивные

следствия. Превращая жизнь человека в вечную погоню за ускользающими внешними благами, обыватель уподобляет ее игре, о правилах которой ему задумываться некогда. Известно, что в обществе западного типа гораздо больше проблем, связанных с личной жизнью, чем в обществах с иным укладом. В первую очередь, это преступность, алкоголизм, наркомания, стрессы и психологические срывы, суицид и тому подобное. Достаточно оснований полагать, что эти проблемы отнюдь не временные «трудности роста», но неотъемлемая часть социотехнической цивилизации.

Столь безрадостному положению вещей есть много причин, и одна из них – отчуждение, в том числе отчуждение от труда. С нашей точки зрения, оно проистекает из широкой технологизации и рационализации всех социальных процессов в результате научно-технического прогресса. Как уже было отмечено, в большинстве случаев труд является для современного человека лишь средством к жизни, но не самой жизнью. Более того, современный человек, как правило, представляет собой лишь одну из составляющих частей технологии, играет роль, в лучшем случае, интеллектуального механизма. Работа для него есть средство удовлетворения потребностей, только в этом заключается её необходимость. К. Маркс писал, что в такой ситуации «деятельность человека оказывается мукой, его собственное творение - чуждой ему силой, его богатство - его бедностью, его сущностная связь, соединяющая его с другим человеком, - несущественной связью, и напротив, его оторванность от другого человека оказывается его истинным бытиём, его жизнь оказывается принесением в жертву его жизни, его власть над предметом оказывается властью предмета, а сам он,

властитель своего творения, оказывается рабом своего творения» [26;24].

Понятно, что в условиях отчуждения трудно говорить об обеспечении душевного комфорта. Технологии не предполагают рассмотрения человека как индивидуальности, личности, но лишь как объекта с некоторыми функциями, и задают не свойственный ему темп жизни. Тем самым они отчуждают человека не только от труда и от других людей, но и от самого себя. Современному человеку, чтобы почувствовать некоторую свободу и расслабление, становится уже просто необходимо обращаться к обширной индустрии развлечений, которая стремительно развивается в ответ на растущее отчуждение, отчуждение человека от труда, человека от человека и человека от общества.

Хотя на первый взгляд кажется, что возможности современного, технического мира позволяют справиться с большинством трудностей повседневности, на поверку оказывается, что эти трудности малосущественны по сравнению с действительно человеческими, глубоко личностными, экзистенциальными проблемами и никак не меняют общую картину. В то же время, техногенная среда приносит своим адептам множество новых проблем, порождает духовные кризисы, приводящие к постепенной деградации. Жак Моно отмечал, что современный человек оказывается в полном одиночестве, абсолютной изоляции, так как живёт в чуждом ему мире, глухом к его музыке, безразличным к его чаяниям, равно как и его страданиям или преступлениям.

Но проблемы в части личной жизни не ограничиваются тем, что внешняя среда неспособна предложить пути их решения. Активность, направленная вовне, не способствует осмыслению и переоценке собственной жизни. **Внешний успех способен принести**

освобождение лишь со стороны средств, но не целей. Это очень важный момент для позитивного маргинализма. Ориентация человека в мире остаётся прежней, сам он не претерпевает каких-либо серьёзных личностных изменений. Иными словами, экономические, карьерные, технические успехи не могут освободить человека «от самого себя».

Я имею в виду следующее. В процессе воспитания человек приобретает тот или иной уровень культуры, базисные понятия, ценностную ориентацию, усваивает определённые типы поведения в соответствующих ситуациях, реакции на те или иные события, которые впоследствии во многом детерминируют его жизнь. Сформировавшаяся таким образом личность будет стремиться к достижению характерных для её мировоззрения целей, используя доступные ей инструменты. Степень достижения целей будет различна. Но при этом критический анализ целей данными инструментами инициирован быть не может. Результатом является ситуация, когда несмотря на ощущение свободы, возникающее вследствие того, что на пути к желаемому достигнут существенный прогресс, фактически человек уподобляется марионетке, ибо жёстко зависим от приобретённых им представлений, заданной аксиоматики сознания. Как видите, перечисленное совпадает с признаками обывателя, рассмотренными нами в начале изложения.

Направление развития, при котором главное внимание уделяется совершенствованию внешнего мира, а не самого себя, является тупиковым. «Если идти от человека во вне, то никогда нельзя дойти до смысла вещей, ибо разгадка скрыта в самом человеке» [4;293]. Соответственно, и принести человеку освобождение (хотя бы до некоторой степени), по всей видимости, может лишь так называемое внутреннее творчество - творчество,

которое создаёт не мир машин и теорий, а мир человеческой души, её новые или переосмысленные ценности, отношения и т.п. «Свобода, с нашей точки зрения, есть прежде всего свободное творчество субъектом новых смыслов своей деятельностью. И если оно /творчество/ начинает подчиняться экспансии той или иной технологии ... с конечной ориентацией на эффективность, то вместо рождения смыслов происходит рождение квазисмыслов». [42;7].

Действительно, зависимость человека от материального мира неизбежна, и это обуславливает появление известных механизмов адаптации, а также необходимость ежедневного приложения сил для обеспечения собственного существования. Но если направлять основную часть своей энергии вовне, растрчивать её на попытки преодоления этой зависимости, на создание всё более усложняющейся внешней среды, то результатом будет замкнутый круг, приносящий новые проблемы и новые зависимости взамен уже разрешённых. И сам этот процесс уже не оставляет ни сил, ни времени на то, чтобы воспользоваться внутренней свободой человека. Пользуясь словами Н.А. Бердяева, можно сказать, что «Дух человеческий - в плену» [4;254]. И этот плен мировой данности не преодолим техническими средствами.

Свободу может принести лишь духовное восхождение, «движение вверх или вглубь по линии внемирной, движение в духе, а не в мире. Свобода от реакций на «мир» и от оппортунистических реакций на приспособление к миру есть великое завоевание духа» [4;254]. Внутреннее, духовное творчество создаёт индивидуальное бытие, мир для человека, в котором он свободен, который творится и изменяется в соответствии с его волею. Внешние ограничения для него не обязательны, он свободен от наличной данности. Часто

этот мир оказывается много важнее внешнего, ведь именно с ним человек согласует большинство своих поступков.

Подводя итог обсуждению соотношения внешнего и внутреннего, можно сказать, что рассуждения, обосновывающие возможность качественного улучшения личной жизни путем изменения внешней среды, опираются на мировоззренческую идею, существенно преувеличивающую роль внешнего мира по сравнению с внутренним. Несмотря на несколько иной контекст, на наш взгляд, как нельзя лучше эту идею охарактеризовал С. Франк: «Таким образом, социальный оптимизм опирается на *механико-рационалистическую теорию счастья*. Проблема человеческого счастья есть с этой точки зрения проблема внешнего устройства общества; а так как счастье обеспечивается материальными благами, то это есть проблема *распределения*... Согласно этой теории, как мы только что заметили, внутренние условия для человеческого счастья всегда налицо, а причины, препятствующие устройению земного рая, лежат не внутри, а вне человека – в его социальной обстановке, в несовершенствах общественного механизма. И так как причины эти внешние, то они и могут быть устранены внешним, механическим приемом» С. Франк цит. по кн. [28;168].

По нашему мнению, «механико-рационалистическая теория счастья» является несостоятельной, поскольку имеет место неоднопорядковость внешнего и внутреннего миров. Достаточно очевидно, что как бы ни менялась внешняя среда и социально-политическая обстановка (разумеется, если исключить предельные ситуации), какой бы ни был уровень технического развития, жизнь конкретного человека полна все тех же вечных проблем, связанных с самоутверждением, честолюбивыми планами, любовью, семьей, детьми и т.п. Именно от их разрешения зависит в конечном счете,

будет ли человек ощущать себя счастливым. По отношению к этим проблемам этапы технического (коммерческого) развития выступают только лишь в качестве декораций. Поэтому можно сказать, что наука, техника, бизнес, по большому счету, смогли решить только простые проблемы, но оказались малоэффективными в разрешении действительно сложных и глубоких. Да, с их помощью были созданы разные полезные вещи, существенно облегчающие повседневный быт, например стиральные машины, автомобили, компьютеры и т.д. Но от всего этого мир не стал счастливее, в нём не убавилось «зла», люди не стали свободнее.

Глава 4. КАЧЕСТВА, ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ПОЗИТИВНОГО МАРГИНАЛА

Итак, рассмотрев выше основные подходы, теперь мы можем сформулировать главные черты позитивного маргинала. В первую очередь необходимо понимать, ЧТО мы хотим, и лишь затем следует задаваться вопросом, КАК этого достичь. Этой логики, несмотря на ее очевидность, придерживаются не все, что наглядно демонстрируют прилавки наших книжных магазинов, где в различных работах читателю предлагается множество методик, обещающих быстрые и эффективные изменения, но не проясняющих преследуемые при этом глобальные цели.

Мы же, двигаясь последовательно, зададимся вопросом, какие выводы могут быть сделаны на основе изложенных выше рассуждений. Во вступлении к предыдущему разделу было заявлено, что мы собираемся изложить «укрупненные жизненные принципы, следование которым, с нашей точки зрения, конструктивно и плодотворно». Но взятые в общем, они могут и противоречить друг другу. Следовательно, для устранения противоречивости и формирования целостной и гармоничной позиции необходимо уточнить их, определив области применения (или точки приложения). В этом случае они будут уже не противоречить одно другому, но дополнять друг друга, конкретизируя концепцию позитивного маргинализма.

Какие же из описанных моментов требуют согласования? В первую очередь, необходимо найти баланс внешнего и внутреннего. С одной стороны, выше мы в достаточном количестве приводили аргументы, говорящие в пользу важности эффективной деятельности в обществе, которая позволяет добиваться

самореализации и обеспечивать собственную безопасность. С другой стороны, было найдено немало оснований, в силу которых серьезные вложения во внешний мир бесперспективны. Чтобы разрешить это противоречие, необходимо найти верное соотношение усилий, направляемых вовне и вовнутрь, обеспечить грамотную расстановку приоритетов. Здесь, на наш взгляд, существенным является следующее.

Для того, чтобы быть свободным от чуждых целей, навязанных извне, необходимо не отождествлять себя с окружением, понимать условность ценностей современного общества, исповедуемых в нем принципов и правил. Это очень важный момент.

Критики данной позиции часто говорят о ее опасности на том основании, что человек, «неотождествляющийся» подобным образом, будет вредоносен для общества, пойдет против него. Мы считаем, что такое мнение есть плод поверхностных, популистских изысканий и в целом неверно. Во-первых, потому что индивид, бесстыдно выступающий против общества, в котором он существует, в первую очередь ставит под угрозу не общество, а самого себя. Это очевидно. Во-вторых, потому что из «неотождествления» никак не следует необходимость выступать против общества и его правил. **Напротив, для эффективной и безопасной самореализации в обществе следует относиться к общественным правилам очень серьезно, все время имея их в виду.**

Поясним сказанное примером. Для большей ясности оттолкнемся от достаточно прозрачных, явно сформулированных правил – правил дорожного движения (ПДД). Ведь они тоже являются одной из систем регламентации общественной жизни.

ПДД лучше соблюдать. Это позволит вам не только снизить вероятность дорожно-транспортного происшествия (ДТП), но и избежать преследования (возможно, уголовного) в случае, если ДТП все же произошло. Однако из пожелания соблюдения ПДД никак не следует, что их нужно превозносить, абсолютизировать. Куда лучше стремиться к внутренней гибкости для того, чтобы в случае возможного изменения правил быстро адаптироваться к новым условиям.

Вспомним, что правила в различных странах отличаются. Так, во всех крупных островных государствах – Англии, Японии, Австралии – принято левостороннее движение. В государствах, располагающихся на материках, - напротив, правостороннее. Иными словами, налицо кардинальная разница в организации движения. В этом свете человек, отождествляющийся с социальными нормами, в данном случае – с ПДД, воспримет данное отличие как вопиющий, аморальный факт, возмущающий его до глубины души. «Не поступлюсь принципами!!!». Хотя это просто условность, требующая некоторых усилий для приспособления к ней.

Абсурдно звучит, да? Но по сути, по своей внутренней логике, ситуация ничем не отличается от тех, где задействованы иные принципы организации общества. Бить себя в грудь, защищая истинность правостороннего движения, нам кажется странным, а убежденно отстаивать другие социальные условности – нет, хотя это то же самое. Ведь взгляды на семью, распределение ролей между мужчиной и женщиной, секс, мораль, нравственность в целом, религиозность, те или иные обычаи, ради которых обыватель порой готов чуть ли не умереть, также отличаются от страны к стране и от поколения к поколению. И тот, кто не способен к их пересмотру,

управляется столь же призрачными внешними условностями, как и кровный враг левостороннего движения.

Но если свободный человек в значительной степени независим от внешней системы, самоопределяется, то что же служит ему опорой, что является источником его активности? **Мир внутренний!** Значение этой мысли принципиально. **Именно из внутреннего мира проистекает позитивный маргинализм.**

Напомним, под внутренним миром нами понимается то духовное (интеллектуальное, душевное) содержание, которое формирует определенные качества личности, делает (в позитивном случае) ее самоценной, наделяет способностями, возможностями, стремлениями. Все остальное относится к внешнему, а успех/неудача вовне в немалой степени является результатом взаимодействия личностных качеств человека с его окружением. Рассмотренное с такой точки зрения, соотношение между внешним и внутренним, естественно, уже не является эквивалентным, поскольку внутреннее оказывается гораздо важнее, становится определяющим.

Действительно, ведь как явствует из предшествующего изложения, позитивный маргинализм и присущие ему самобытность и самодостаточность невозможны без достижения независимости в интеллектуально-духовном плане. Способность к самостоятельному суждению, размышлению, позиционированию себя по отношению к окружающим, наличие собственного, нетривиального видения ситуации – важнейшие столпы свободной личности, ее неотъемлемые характеристики. А в их основе лежит внутреннее своеобразие и некоторые другие качества – например образованность, поскольку одного лишь своеобразия для конструктивной самореализации недостаточно. На

противоположном полюсе находится конформистская позиция, некритическое заимствование чужих взглядов, мнений, принципов и ценностей. Последняя в полной мере характерна для так называемого «человека толпы». Она была достаточно подробно описана нами ранее.

Из сказанного вытекает, что проявления маргинальности во внешней, материальной сфере не могут быть признаны позитивными, если они не являются следствием охарактеризованного выше внутреннего состояния. Они вторичны и сами по себе не приводят к возвышению человека, не наделяют его свободой. История знает не одну сентенцию мудрецов, которые в разных формах доносят до нас глубокую мысль: мало стоят победы над тысячами врагов, если ты не победил самого себя. Сходная идея определяет всю логику нашей дальнейшей работы, с тем лишь уточнением, что нам представляется расточительным пренебрегать в своей жизни внешней эффективностью.

Хотя основной акцент остается на совершенствовании себя, а успех во внешнем окружении – цель подчиненная, она необходима для обеспечения существования позитивного маргинала и укрепления его позиций. Рассматриваемый в таком ключе, внешний мир выступает средством обеспечения материальных потребностей, социальной безопасности, общественного влияния, представляет собой поставщика воздействий, иницирующих самосовершенствование, но не более того. Как цель он, естественно, выступать не может.

Несколько особняком здесь стоит личная жизнь. С одной стороны, это нечто, весьма близкое внутреннему миру, влияющее на него, но с другой стороны, личная жизнь все же относится к внешнему. С учетом того, что успех в личной жизни часто

оказывается важнее любого другого внешнего успеха, она, без сомнения, требует к себе особого внимания. И позитивный маргинал здесь также должен быть лидером – ведь высота собственного развития должна приносить «дивиденды». Опираясь на свободу мысли и суждений, не будучи скованным стереотипами, позитивный маргинал обладает куда более широкими возможностями для организации семейного бытия и, в конечном итоге, устроения счастливой жизни.

Кроме того, говоря о внешнем, нужно сделать еще одно уточнение. Выдерживая строгий логический подход, придется признать, что необходимость успешного утверждения в мире внешнем не вытекает из неких фундаментальных, «метафизических» посылок. По большому счету, это личное дело каждого. Отсутствие внешнего успеха нисколько не умаляет величия человека, если таковое имеет место. Внешний успех – лишь один из критериев, но никак не универсальное мерило. Существует достаточно людей, ведущих тихое, незаметное существование, не имеющих славы и общественного признания, но в то же время являющихся поистине великими. Ими по праву могут гордиться современники. Порой удивляешься, когда при знакомстве с казалось бы самым обычным человеком тебе вдруг открывается, сколь он удивительно глубок и уникален. Это не значит, что такие люди не раскрыли свои таланты – они их раскрыли для себя, наполнили собственное существование, но не «продали на внешнем рынке». И такой образ жизни имеет свои преимущества. Как и недостатки, которых тоже немало.

Оставляя решение данной проблемы на выбор страждущего, повторим, что наша позиция предполагает обретение и внешнего жизненного успеха. Основания для этого были разобраны в соответствующем разделе. Здесь же упомянем лишь, что стремление

сделать великое, обретя при этом признание, не просто мобилизует человека на какие-то свершения, но часто побуждает его внести свой позитивный вклад в общечеловеческое, оставить наследие. Наследием могут выступать как продукты науки и искусства: книги, полотна, идеи, проекты и прочее, так и другое. Например, кто-то формирует своим творчеством целое направление в той или иной активности, кто-то оставляет после себя кафедру или институт, продолжающие традиции своего основателя и являющиеся своего рода материализацией, длящимся земным воплощением его деятельности. Оговоримся правда, что внесение своего вклада можно в принципе обсуждать и без апелляции к общепризнанности, но в этом случае мы должны привлечь эзотерическую аргументацию. Надо отметить, мы ей не чужды, однако такое рассмотрение вопроса выходит за рамки настоящей работы, и этой темы мы здесь касаться не будем.

Итак, если говорить максимально обобщенно, **основу позитивного маргинализма составляет искусство самоопределения, выражающееся в способности к использованию личной свободы, возможности независимого утверждения себя и своей позиции.** Это творческое состояние, поскольку в этом случае человек привносит в жизнь нечто свое, оригинальное, производное от обыденной данности. **Позитивный маргинал – это тот, кто освобождается от навязанной ему детерминации, тот, кто определяет себя сам.** Он гибкий человек.

Мы выяснили, что описанные свойства определяются внутренним миром. Но какие конкретно черты необходимо иметь, чтобы обладать перечисленными выше качествами, какого рода активность способствует их развитию? Нам видится следующее. Вне

зависимости от того, насколько врожденные качества способствуют приближению к состоянию позитивного маргинализма, необходимо постоянное самосовершенствование – и как цель, и как путь. Это естественно – ведь позитивный маргинал создает себя сам, в то время как обывателя формируют другие. А важнейшей и неотъемлемой составляющей самосовершенствования является познание. В плане же устройства взаимодействий с внешним миром представляется правильным исповедовать принципы, в доктрине Карлоса Кастанеды называемые сталкингом. Суть в том, что человек, практикующий сталкинг, видит своей задачей установление максимально эффективных взаимоотношений с внешним миром, но при этом он сохраняет и развивает свою внутреннюю сущность независимо от этого мира.

Прежде, чем говорить о том, что нужно делать для обретения состояния позитивного маргинализма, необходимо остановиться на тех помехах, которые объективно существуют на пути к этому состоянию. Ведь в зависимости от того, что нам мешает быть свободными, мы будем и действовать тем или иным образом.

Глава 5. СВОБОДА ВЫБОРА: ВОЗМОЖНОСТИ И ГРАНИЦЫ

5.1 Ограничения нашей свободы

Задумываясь над процессом самосовершенствования, необходимо осознать, что нас ограничивает на этом пути, какие возможны препятствия. Выше мы уже касались этого вопроса, когда обосновывали важность самоутверждения в современном обществе, упоминая, сколь негативно относится обыватель к тем, кто на него не похож, а тем более – в чем-то лучше. Такое отношение неизбежно затрудняет жизнь позитивного маргинала. В качестве «противоядия» было обозначено своего рода мастерство выживания в социуме – когда человек не отождествляется с окружающей его системой, но в то же время имеет в виду ее требования там, где это нужно и выгодно, умеет, сохраняя собственные уникальность и своеобразие, гармонично вписываться в социальную среду своего обитания. То есть предполагается, что позитивный маргинал должен использовать свои неординарные качества для управления собственной жизнью и, в немалой степени, судьбой.

Являясь внутренне свободным, он способен практиковать самоопределение в различных жизненных контекстах, организовывать ситуацию вокруг себя наиболее оптимальным образом, преодолевая таким образом многие внешние ограничения. Однако ограничения бывают не только внешними, но и внутренними. Причем, логика предшествующих рассуждений наводит на мысль, что роль внутренних существенно выше. Для обретения ясной картины ниже мы рассмотрим природу ограничений и соотношение между ними. До какой степени возможна внутренняя свобода, чем регламентируются ее рамки?

Откуда они проистекают? С нашей точки зрения, вопросы подобного рода являются принципиальными.

Достижение заявленных ранее целей самоопределения в собственной жизни; становления зрелой личности, способной самостоятельно ответственность перед Господом за собственные деяния; самоидентификации (признания себя как соответствующего какому-то классу, образцу – позитивного маргинала, например) невозможно без свободы, не говоря уже об ответственности, идея которой совершенно девальвируется в ее отсутствие. Поэтому в данном контексте наша **цель - определить, насколько же мы свободны и насколько ограничены**, как далеко следует распространять наши притязания. Ранее мы использовали такое понятие, как радиус свободы, который задается дважды: внешней средой и внутренним миром человека. Поговорим об этих пределах, имея в виду их взаимосвязь.

Но для начала поясним, какой смысл вкладывается в понятие свободы. Отчасти данный момент уже проработан. Во всех наших предыдущих рассуждениях, начиная от обсуждения недостатков обывательской жизни и далее, неявно присутствует тема выбора. Ведь все понятия типа самоопределения, независимости и тому подобных в основе своей имеют выбор, осуществляемый человеком. Значит, основной вопрос в том, насколько этот выбор свободен, а сама свобода может рассматриваться как способность к его осуществлению. Иногда в таком случае используют понятие свободы воли, но нам представляется более правильным говорить именно о свободе выбора, потому что само понятие воли неоднозначно, зависит от исходных предпосылок, имеет богатую историю, разные мыслители по-разному трактуют ее природу.

Так, «Сократ сравнивал волю с направлением (в смысле действия) полета стрелы, понимая под этим неоспоримый факт, что стреле все равно суждено сорваться с тетивы, но воля позволяет ей это сделать лишь тогда, когда верно выбрана цель. Философы школы Платона определяли волю как «целеустремленность, соединенную с правильным рассуждением; благоразумное стремление; разумное естественное стремление». Зенон противопоставлял волю желанию. Греческие философы приписывали воле в основном сдерживающую роль. В их понимании воля выполняла скорее роль внутренней цензуры, чем являлась творческим агентом». Сегодня «в рамках физиологии и психиатрии воля рассматривается как психический процесс, заключающийся в способности к активной планомерной деятельности, направленной на удовлетворение потребностей человека» [33]. Возможны и другие, отличающиеся от приведенных, понимания и определения воли.

Говоря же о свободе выбора, мы имеем дело с более прозрачным, менее зависящим от исходных предпосылок предметом, отчего наше рассуждение становится более точным при сохранении общего вектора проблемы.

При кажущейся прозрачности, вопрос о свободе выбора исключительно сложен. Сразу оговоримся, что хотелось бы избежать поверхностного подхода к проблеме, ибо как раз он и характерен для обывателей – когда человек просто не задумывается и, как следствие, не видит проблему во всей ее глубине. Если у них и имеется какое-то мнение, то чаще всего оно представлено как квинтэссенция практического опыта, лишено сколько-нибудь серьезного, рационального обоснования. Чему нередко сопутствует достаточно высокомерное и агрессивное отношение к любому, кто

силой своего разума способен поставить под сомнение их убеждение. Вот примеры. Олвин Плантинга: «Для меня это /свобода выбора – Д.П./ одно из естественных человеческих убеждений, наряду с естественными убеждениями в существовании других людей, в существовании внешнего мира и так далее». «Утверждение, будто мои поступки являются либо детерминированными, либо случайными *совершенно нелепо* /курсив мой – Д.П./» [7;125,127]. Ральф Макинерни: «Комично, когда кто-то вытягивает шею и вопит: «Я считаю, что свобода воли – это иллюзия!». Это одинокий голос в толпе людей, которые прекрасно знают что к чему. Не могу понять, почему мы должны обращать внимание на подобные выкрики, будто они имеют какое-то значение...» [7,133].

Как вы заметили, в приведенных цитатах практически не содержится аргументации. Только истеричная экспрессия по алгоритму «Я прав, я прав, я знаю, что я прав!!!», наводящая на мысли, что в качестве следующего этапа «обоснования» могут и в глаз заехать. Ну есть у г-на Платинги какое-то убеждение, ради Бога, но нам-то оно к чему? Любое убеждение блокирует разум, так что правильно от убеждений как раз освободиться, заменяя их осознанными положениями. Другое дело, если бы нам предлагались взвешенные тезисы, основанные на фактах и подкрепленные здоровым рациональным рассуждением, помогающим нам сформировать свою позицию. Именно таким путем мы и постараемся следовать, подходя к вопросу непредвзято и отыскивая осмысленные аргументы. Да и читателю, вероятно, неинтересно выслушивать безапелляционные утверждения – ведь достойный стремится осознать и понять предмет самостоятельно, а не впитывать чужие догмы. Здесь остается лишь добавить, что Ральф Макинерни – профессор истории средневековья, а Олвин Плантинга

– профессор философии Нотр-Дамского университета. Странно слышать от них ответы столь низкой философской культуры.

5.2 Абсолютная свобода: лозунги и реалии

Какие существуют подходы к пониманию проблемы свободы? Как всегда, их множество. Крайние позиции представлены диаметрально противоположными точками зрения. Согласно одной из них, свободы для человека не существует вообще, его судьба полностью запрограммирована. Человеку только кажется, что он принимает решение, в действительности же он не может выбирать, а следовательно (строго говоря), и отвечать за содеянное. Согласно другой, человек абсолютно свободен, его не сковывает ничто, кроме собственного нежелания воспользоваться своими возможностями. Между этих крайних точек располагаются все остальные доктрины, посвященные вопросам свободы. В этой связи вспоминается известная фраза, что истина лежит где-то посередине. Во всяком случае, наша точка зрения тяготеет именно к срединной позиции. А добраться до нее можно двумя способами – либо, оттолкнувшись от тезиса о полной несвободе человека, начать доказывать, что у него все же есть возможность непредустановленного волеизъявления, либо наоборот, исходя из идеи абсолютной свободы человека, выявить те ее ограничения, которые являются принципиальными. Нам ближе второй путь, поскольку позитивный маргинал все-таки свободен, хотя всех ограничений не избежать, а поэтому лучше понимать, где на них можно натолкнуться.

Как же представлена вторая позиция? В последнее время в кругах, далеких от академических, популярно следующее толкование свободы: человек все в своей жизни выбирает сам - как поступать, как и на что реагировать и т.п. Любая жизненная коллизия является результатом его свободного выбора, откуда

закономерно вытекает вся полнота ответственности. Такая позиция, в какой-то степени сходная с философией экзистенциализма, близка и современным подходам к вопросам личностного роста.

Для ясности приведем в качестве примера мысли одного из популярных в России авторов – Ричарда Баха. Вот несколько цитат из его повести «Иллюзии», в которых идеи излагаются устами Дональда Шимоды – современного мессии, Иисуса двадцатого столетия.

«Мы все свободны делать все, что нам хочется... ..Разве это не просто, и не ясно, и не очевидно? Не великий ли это путь к управлению Вселенной?

...МЫ САМИ ВЫБИРАЕМ, ПРИЧИНЯТЬ НАМ ВРЕД ИЛИ НЕТ. Мы – вот кто решает. Никто другой. Мой вампир сказал тебе, что ему будет причинен вред, если ты не позволишь /выпить своей крови – Д.П./. Это его решение, чтобы ему причинили вред, его выбор. То, что ты с этим делаешь, - это твое решение, твой выбор: дать ему крови или отвергнуть его; связаться с ним или всадить ему осиновый кол в сердце. Если ему не хочется получить осиновый кол в сердце, он свободен противостоять тебе любым образом, каким ему захочется. И так далее, и так далее, выбор, выбор.

- Если смотреть на вещи таким образом...
- Послушай, - сказал он, - это очень важно. МЫ. ВСЕ. СВОБОДНЫ. ДЕЛАТЬ. ВСЕ. ЧТО. МЫ. ХОТИМ. ДЕЛАТЬ» [3;111-115].

Или достаточно известный психолог Николай Козлов: «Нет обстоятельств, которые делали бы человека Жертвой обстоятельств – если только сам человек не признает их. ЧЕЛОВЕК ВСЕГДА СВОБОДЕН И ВСЕГДА ВОЛЕН ДЕЛАТЬ ВЫБОР. Его

единственная обреченность – это быть свободным и выбирать» [18;123].

Нечто подобное по своему духу говорят и другие. Однако какова область применения таких высказываний? Каков их реальный вес? Относятся ли они к сущему или же принадлежат области долженствования? Имеется в виду следующее: если мы говорим о *сущем*, т.е. о том, что *действительно есть*, то наше высказывание является в той или иной степени **описанием реальности**, а следовательно, подпадает под критерии истинности/ложности. Если же высказывание относится к сфере *должного*, то оно находится в епархии этических стандартов - известно, что **этика** как раз и **занимается изучением не сущего, а должного, и отвечает на вопрос не как и что есть, а как и что должно быть**. В этом случае, оценка высказывания на предмет истинности невозможна, так как оно не является описанием. Например, «высказывание «Вода кипит» истинно, если вода действительно кипит; команда же «Вскипятите воду!» может быть целесообразной, но не имеет отношения к истине» [12;184]. Аналогично и в нашем случае: призыв к свободе «от всего» имеет право на жизнь, как и любой другой («Вперед к победе коммунизма!»). Иное, когда мы имеем дело не с призывом, а с утверждением, претендующим на ЗНАНИЕ, открываемое нам мудрыми авторами с пожелтевших страниц.

Справедливости ради нужно отметить, что вдохновляющая, «духоподъемная» сила высказываний, аналогичных цитируемым, весьма высока. Бывало, что ознакомившийся с ними человек решался на свершения, заканчивавшиеся его бенефисом. Не получи он в свое время такой толчок, вряд ли бы произошли последующие

события, что доказывает способность таких тезисов играть позитивную роль. Но истина тут не причем.

Собственно, если бы дело ограничивалось только формулировкой лозунга или сподвижением к поступкам, не было бы и предпосылок к формированию проблемы. Проблема возникает тогда, когда окрыленный успехом неофит возносит утилитарно полезную вещь на мировоззренческий уровень, конкретнее, когда на приведенных выше тезисах об абсолютно свободном выборе он начинает выстраивать собственную онтологию (теорию бытия), оправдывать и объяснять мир, отождествляя получаемые в процессе размышлений идеи о мире с действительным знанием о нем. Здесь возможен сбой, если то, что представляется полезным на практике, одновременно не является истинным.

Поясним сказанное. Не нужно ходить далеко за примерами, когда ложные утверждения эффективны – начиная от больного, которому дают аскорбиновую кислоту, называя ее лекарством (плацебо), и он выздоравливает, и заканчивая ребенком, который боится газовой плиты, потому что там живет чертик, и хорошо засыпает вечером, поскольку Хрюша и Степашка тоже пошли спать. Если говорить серьезнее, то можно обратиться к идее так называемого «решающего эксперимента», некогда бытовавшей в науке. Суть ее, вкратце, такова: чтобы выбрать из нескольких научных теорий истинную, нужно провести эксперимент, который и покажет, какая же из теорий подтверждается. Впоследствии обнаружилась наивность этого тезиса: оказалось, что эксперимент с успехом может подтверждать различные теории, причем иногда совершенно противоречащие друг другу. (подробнее см. «Теория

познания. Эпистемология» В.В. Ильина, или другую специальную литературу).

Что же касается нашей ситуации, то представляется верным следующее. Совершенно недопустимо в основу собственного понимания мира закладывать идеи, прельстившие нас только лишь эффективностью своего практического применения и не прошедшие должной интеллектуально-теоретической проверки. В противном случае мировоззрение человека будет представлять собой нагромождение лживых химер, хитросплетения которых не оставляют простора для ясного сознания, и, что хуже, все это сооружение в критической ситуации легко обрушится, придавив собой автора. Такой финал возможен вследствие противоречивости системы и отчасти является ее (противоречивости) доказательством.

В самом деле, возвращаясь к примеру с ребенком, нельзя же право строить картину мира исходя из кухонных дьяволов и рассуждений поросят в вечерних сказках! Это очевидно, а вот то, что порой некритическое и неосмысленное принятие чужих утверждений по своему действию аналогично образу Сатаны или Хрюши, очевидно уже не всем.

Таким образом, в качестве исходных данных имеем следующее:

1. Одну из самых распространенных позиций в отношении свободы составляют произносимые с пафосом утверждения о возможности осуществления человеком абсолютно свободного выбора, по сути, означающие предзаданность свободы, что снимает проблему вообще – чего тут рассуждать, если мы абсолютно свободны по определению.

2. Эти утверждения могут выступать в трех ипостасях:

а) лозунгов, призывающих к определенному образу жизни, – в этом случае нельзя ставить вопрос об их истинности или ложности;

б) источника вдохновляющей силы человека, сообщающего ему духовный импульс, сила которого совершенно не зависит от того, верны ли утверждения, и, видимо, в этом случае следует признать их полезными;

в) тезисов, претендующих на статус истинного знания о реальности.

Мы исходим из позиции, что совершенно недопустимо вписывать в личное мировоззрение какую-либо идею, не осознав ее в полной мере и не подвергнув критическому анализу, будь она хоть трижды эффективна. Дальнейший наш анализ, как уже ясно из контекста, будет сконцентрирован на последнем подпункте, поскольку именно его рассмотрение позволит составить адекватное представление. Критикуя утверждения об абсолютной свободе личности, и в то же время, сохраняя стремление быть свободными личностями, мы выявим возможные ограничения и придем к обоснованному заключению в отношении степеней нашей свободы.

5.3 Исследование свободы

В плане обещанной критики укажем на ограничения нашей свободы, несовместимые с ее абсолютным статусом. Для начала, зададимся вопросом, каковы составляющие свободы? Здесь необходимо отдать должное основателю баденской школы неокантианства Вильгельму Виндельбанду, который, отвечая на этот вопрос, полагал, что он распадается на три особых вопроса: «о свободе хотения, выбора и действия». [9;19]. Несколько перефразируя достойного философа, согласимся, что и говоря в наших терминах, свобода выбора предполагает выбор действия, которое хотят совершить, саму возможность осуществления выбора, и, самое сложное, выбор того, чего мы хотим пожелать. Поясним последовательно каждый из отмеченных аспектов.

5.3.1 Действие и выбор варианта

Свобода действия - наиболее простой и понятный момент. Даже человеку, никогда не блиставшему интеллектуальной мощью, ясно: в своей жизни мы постоянно выбираем, какое действие в данный момент совершить, и при этом, столь же постоянно, сталкиваемся с неизбежными ограничениями окружающей среды. Под последней здесь подразумевается чисто физическая реальность, о влиянии социального пространства мы поговорим далее. На уровне принципиального очевидно: ни о какой абсолютной свободе в плане совершения действий не может быть и речи. Хотя возможности каждого различны (может быть кто-то, занесенный в книгу рекордов Гиннеса, каким-то образом перекусывает зубами металлический кабель в палец толщиной, но большинство из нас сделать этого не сможет даже поднатужившись), все мы находимся под гнетом материальной данности, сбросить который не в силах. Наше действие всегда детерминировано текущей ситуацией, и даже

вооруженный самой современной техникой человек безмерно слаб по сравнению с миром.

Выбор варианта: имеется ввиду, насколько осуществляемый нами выбор является свободным? Какие здесь нюансы? Отметим две стоящие мысли В.Виндельбанда. Во-первых, полагал он, свобода выбора вовсе не зависит от свободы действия. Действительно, парализованный человек, будучи не в силах совершить и элементарного движения, в то же время, вполне в состоянии выбирать, что бы он хотел сделать – наполнить стакан коньяком, например, или пощелкать семечек. Сделать выбор он в состоянии, но не может исполнить задуманное. Поэтому лежит трезвый и семечки не щелкает. Так же и мы вольны совершить выбор в пользу перекусывания толстого металлического кабеля (см. выше), и сама возможность выбора не будет зависеть от материальной возможности/невозможности удачного воплощения наших чаяний. Во-вторых, **именно ограниченность нашего потенциала по изменению реальности и является первопричиной самой процедуры выбора**, создает те начальные условия, которые позволяют ставить такую проблему. Поясним.

Проблема выбора как таковая возникает лишь тогда, когда человек желает нескольких различных вещей (действий), получить (осуществить) которые он никак не может одновременно. Иными словами, свободу выбора порождает ограниченность свободы действия. Когда все, что мы сейчас хотим, мы сейчас же можем и сделать, наши желания вполне совместимы друг с другом, вопроса о выборе одного или нескольких из них не возникает. Например, если некто хочет курить и одновременно пить кофе, и у него есть такая возможность, то без сомнения, он получит и то и другое минуя ситуацию выбора. Иначе, если кто-то желает поехать в отпуск на

машине и в то же время, не прочь воспользоваться самолетом. Или, ситуация проще, обедая в столовой, человеку хочется взять порцию баранины и рыбное блюдо. Однако, съесть их оба ему не под силу даже потея. Здесь актуализируется выбор, поскольку приходится останавливаться на чем то одном.

Теперь, когда с выбором мы в общих чертах определились, проанализируем, насколько он свободен и что его ограничивает. При этом, отдавая должное миру частных случаев, сосредоточимся, тем не менее, на возможно более объективных, фундаментальных аспектах, акцентируем внимание на главном.

Сколько бы ни кричали мыслители экзистенциального толка о свободе нашего выбора, о том, что он определяется исключительно нами, констатируем неопровержимое: в первую очередь выбор определяется нашей ситуацией. Именно она предоставляет возможные варианты, устанавливает казуистику, обуславливает узость или широту выбора. Например, тому плененному герцогу, «которому было предоставлено на выбор, желает ли он, чтоб его утопили в мальвазии или же в хересе» [9;74], по всей видимости, не приглянулись бы их пафосные рассуждения. Или, в одной юмористической книжке, на первой странице было написано: «Что вы смотрите?! Либо берите, либо положите на место, либо одно из восемнадцати!» Или в карточной игре, корифей, объясняя правила новичку, так ответил на вопрос, сколько карт тот может заменить по достижении своего хода: «Сколько душе угодно – можешь одну, можешь две!»

То же в жизни. Выбирать «из восемнадцати» мы может лишь тогда, когда судьба подбросила нам эти восемнадцать вариантов. В противном случае мы свободно выбираем «одну или две». Однако, при кажущейся ясности, последний момент нередко вызывает

возражения со стороны энтузиастов творческого подхода к жизни. Суть возражений сводится к тому, что, рассуждая о всего нескольких возможностях поступка, мы «пудрим людям мозги», поскольку в реальности вариантов гораздо больше. По их словам, приведенные примеры отнюдь не исчерпывающе описывают наличествующие варианты развертывания событий. Якобы возможны и иные поступки. Отсюда иногда делается поверхностный вывод, что на самом деле ситуация не определяет потенциальные шаги. Учитывая популярность этого возражения, уделим время для ответа на него, оттолкнувшись от примера с юмористической книгой.

Действительно, при формальном рассмотрении критики правы, вариантов не два, а более. Можно книгу украсть, можно бросить, ударить кого-либо ей по голове (или не по голове), можно порвать, уронить, с возмущенным клокотанием в горле втоптать в грязь и т.п. Не будем считать до 18. Отметим существенные моменты. Их два. Первое: несомненно, что при любых обстоятельствах есть такие варианты действий, которые неосуществимы. В данном случае, например, не удастся съесть книгу – разом проглотить нельзя из-за больших размеров, глотать частями, разжевывая, не позволит продавец, который, без сомнения, попытается этому воспрепятствовать. Второе: неясно, реально ли пересчитать все возможные в принципе альтернативы действия с книгой. Начатый нами список мы способны продолжать долго – можно подбросить книгу вверх, запустить, как «летающую тарелку», засунуть за пазуху и т.д.

Фиксация предела предполагает выдвижение критерия устанавливающего необходимую и достаточную степень детализации, и тем самым позволяющего отделять одно событие от

другого, наделять действие статусом существования. В зависимости от того, каков он, изменяется и количество событий, актуализация которых признается возможным.

Поясню. Возьмем как вариант возможного действия удар книгой. Если детализация равна нулю, возможно только одно событие – непосредственно удар. Введем первый уровень детализации – вопрос, на кого обрушится наша свирепость. Теперь число возможных событий расширилось – ведь мы можем треснуть книгой по голове продавца (1), себя самого (2), случайного прохожего (3), другого покупателя (4) и т.д. Каждый из них (кроме п. 2, где это фиксировано) может быть либо мужчиной, либо женщиной. Соответственно, уже может реализоваться не один вариант, а несколько. Усиливая детализацию, приумножим события. Придадим значение не только тому, кого ударили, но и как ударили. Ведь книгой можно двинуть по башке (сверху) (1), дать в ухо сбоку (2), швырнуть в лицо (3), ударить снизу по челюсти (4), торцом рубануть по носу (5) и т.п. Количество потенциальных событий лавинообразно нарастает. Ведь даже после двух этапов детализации мы имеем $4 \times 5 \times 2 = 40$ вариантов возможных событий. Они складываются из 4-х вариаций первой детализации, 4-х – второй, и коэффициент 2 отражает деление полов (поскольку обе детализации применимы как к мужчине, так и к женщине. Детей трогать не будем).

Для того, чтобы обрести независимость от конкретики, уловив общую закономерность, проделаем нехитрые математические вычисления. Для этого введем условные обозначения. Количество детализаций обозначим буквой n , количество вариаций в детализации – буквой x . Общее число возможных вариантов примем равным Q . Соответственно, изменения числа детализаций, вариаций

и возможных вариантов – dn , dx и dQ . Тогда число возможных вариантов действий вычисляется по формуле:

$$2^{x_1} \cdot 2^{x_2} \cdot \dots \cdot 2^{x_n} = Q \quad (\spadesuit)$$

Подставляя в нее значения, получаем результат (см. как пример вышеприведенный расчет).

Для анализа влияния изменений числа детализаций и количества вариаций в детализации на число возможных поступков, из которых мы будем выбирать, инкорпорируем эти параметры в полученное выражение. Тогда формула (\spadesuit) приобретает вид:

$$2^{(x_1 + dx_1)} \cdot 2^{(x_2 + dx_2)} \cdot \dots \cdot 2^{(x_n + dx_n)} \cdot \dots \cdot 2^{(x_{n+dn} + dx_{n+dn})} = Q + dQ$$

$$(\spadesuit \spadesuit)$$

С целью упрощения выражения $(\spadesuit \spadesuit)$, сделаем допущение, что число вариаций, содержащихся в детализации, однопорядково, признав тем самым детализации количественно эквивалентными. С учетом этого формула $(\spadesuit \spadesuit)$ приобретает вид:

$$2^{(x + dx)^{(n + dn)}} = Q + dQ \quad (\spadesuit \spadesuit \spadesuit)$$

ИЛИ

$$dQ = (2^{(x + dx)^{(n + dn)}} - Q) \quad (\spadesuit \spadesuit \spadesuit \spadesuit)$$

Теперь, используя формулы $(\spadesuit \spadesuit \spadesuit)$ и $(\spadesuit \spadesuit \spadesuit \spadesuit)$, покажем, каким может быть число возможных событий в случае, когда вы берете с лотка уличного торговца юмористическую книгу, на которой написано: «Что вы смотрите? Либо берите, либо положите на место,

либо одно из восемнадцати!» Для иллюстрации выберем следующие исходные данные:

Вариант 1: количество детализаций составляет 5 (например: что сделать /ударить/, как это сделать /как ударить/, в отношении кого это сделать /кого именно ударить/, с какой эффективностью это сделать /как сильно ударить/, куда будет направлено действие /в какую часть тела ударить/); количество вариаций в каждой детализации – 15.

Вариант 2: наоборот – количество детализаций составляет 15, вариаций в детализациях по 5.

Результаты вычислений приведены в таблице:

	Начальные условия (dx = 0; dn = 0)	Добавим одну вариацию в каждую детализацию (dx = 1; dn = 0)	Добавим одну детализацию, сохранив исходное число вариаций (dx = 0; dn = 1)	Добавим одну детализацию и одну вариацию (dx = 1; dn = 1)
Вариант 1.				
Q	1 518 750	2 097 152	22 781 250	33 554 432
dQ	0	578 402	21 262 500	32 035 682
Q + dQ	1 518 750	2 675 555	44 043 751	65 590 116
Вариант 2.				
Q	61 035 156 250	940 369 969 152	305 175 781 250	5 642 219 814 912
dQ	0	879 334 812 902	244 140 625 000	5 581 184 658 662
Q + dQ	61 035 156 250	1 819 704 782 056	549 316 406 252	11 223 404 473 576

Признаться, не слабо! Начиная с одного миллиона пятисот восемнадцати тысяч семисот пятидесяти (1 518 750) в исходном случае первого варианта и заканчивая одиннадцатью триллионами двухстами двадцатью тремя миллиардами четырехстами четырьмя миллионами четырехстами семьюдесятью тремя тысячами пятистами семьюдесятью шестью (11 223 404 473 576) в последнем случае последнего варианта. Вот вам и одно из восемнадцати!

Приведенные рассуждения позволяют заключить, что теоретически, по-видимому, количество возможных вариантов в той

или иной ситуации почти безгранично. Неизвестно, поддаются ли они исчислению. Но, с нашей точки зрения, такие результаты не усиливают позицию, утверждающую, что из бесконечности возможностей следует бесконечность свободы. Даже на уровне простого здравого смысла, не прибегая к глубоким умствованиям, ясно, что от столь большого числа вариантов поступков толку мало.

Нас интересуют лишь те поступки, которые способствуют достижению наших целей, не препятствуя при этом рациональному вершению бытия. Это и будет критерием диверсификации, отсекающим все ненужное, вредящее и опасное. В противном случае, увидев непотребные сцены (взяв книгу, некто стал с рычанием рвать ее зубами или, встав на четвереньки, обнюхивать, похрюкивая), мы будем вынуждены признать их гордым проявлением свободы человеческой личности, а вовсе не сумасбродством.

Кроме того, отметим и еще одну деталь. **Все посчитанные миллиарды событий все равно определяются содержанием ситуации.** Так, например, удар книгой ситуация предполагает, а удар самоваром – вовсе нет, он невозможен ввиду отсутствия последнего. Так что, взяв книгу у торговца, либо купите ее, либо положите обратно, другого не дано, возможности вашего выбора расписаны вашей ситуацией.

Кроме того, обратим внимание, что кроме ограничений со стороны ситуации (ранее мы назвали такие ограничения внешним радиусом свободы), актуальны и наши внутренние ограничения (внутренний радиус). Если оставить, наконец, обсуждение покупки книги и рассуждать в общем, то будет справедливо, что потенциальные возможности, одну из которых мы выбираем, по сути – для нас – всего лишь представления, наши представления о

том или ином варианте. Как следствие, эти представления могут быть неточны, неполны, ошибочны, вредны и т.п. Даже если они полезны, непоколебим тезис: нередко границы свободы нашего выбора являются границами нашего знания. Если мы не знаем о каком-то дополнительном варианте, то мы его и не выберем. Это существенное ограничение.

Вот что можно сказать очень коротко о первых двух аспектах выбора. Не будем уделять им чрезмерно много места, поскольку для нас важнее последний, третий аспект. Но прежде чем перейти к нему, подчеркнем еще раз основное:

- свобода нашего *действия* в первую очередь определяется не нами, а той ситуацией, в которой мы находимся;
- именно ограниченность свободы делает возможным выбор, который возникает тогда, когда наше желание иметь или сделать одновременно что-либо наталкивается на невозможность его реализации;
- свобода выбора, зародившегося вследствие ограниченности наших возможностей, в свою очередь, с двух сторон лимитируется следующим: исчислимостью количества вариантов, генерируемых ситуацией, в которую мы попали, и ограниченностью нашей информированности об их наличии и исполнимости (внутренний и внешний радиусы свободы).

Не следует понимать изложенное выше как отказ человеку в осуществлении высокой потенции самоопределения. Отметим также, что описанные моменты ограниченности в материальных действиях и свободе выбора можно квалифицировать как затруднения технического характера, их претензии на обладание

сущностными характеристиками неубедительны. Есть более значимое, что, как ни странно, нередко упускается из виду в эпатажных верхоглядных рассуждениях. Если идти в обратном направлении, от реальности к субъекту выбора (человеку), прослеживается такая цепочка. Материальная данность ответственна за возможность воплощения действия и за предоставление соответствующих вариантов для выбора; субъективное знание индивида ответственно за его информированность в отношении существования и реализуемости того или иного набора альтернатив. Но что стоит за теми мотивами, которые побуждают человека к выбору? Что обуславливает выбор какого-либо одного конкретного варианта, а не равноценного ему иного? Почему человек хочет именно то, что он хочет? Изначально причиной наших поступков являются наши желания. Но откуда они возникают? **Действительно ли они наши?** Способны ли мы выбирать, чего нам желать? Чем мы здесь ограничены? Попытаемся ответить на эти вопросы, рассматривая третий аспект свободы выбора – **свободу желания**.

5.3.2 Желание

Сразу уточним: чисто аффективные, эпизодические желания в центре нашего внимания не находятся. Сошлемся на мысль В.Виндельбанда о том, что «...выбор во всех случаях решается отношением мимолетных мотивов к постоянным. Он вытекает из совместного действия длящейся сущности человека и его положения в данный момент». Разделение мотивов на мимолетные и постоянные подразумевает следующее.

У каждого человека существуют определенные предпочтения, направляющие его поступки. Один класс поступков может являться характерным для данного человека, другой – нет. Характерные поступки совершаются регулярно, нехарактерные лишь изредка и

бессистемно. Как правило, они проистекают не из психического мира данной личности, а навеяны извне, и потому случайны и преходящи.

Каждый человек совершает поступки и того, и другого класса. Однако первый является определяющим, поскольку на достаточно продолжительном отрезке времени отклонения нивелируются, их тотальное влияние мало, а конечный результат можно спрогнозировать, имея в виду постоянные мотивы. При этом верно и то, что нехарактерная для данного индивида интенция, найдя соответствующее воплощение, может сыграть решающую роль в его судьбе. Однако подобные вещи не поддаются теоретизации, да и вероятность их не очень велика.

Проиллюстрируем абстрактное примером. Есть гражданин Б., ведущий добропорядочную жизнь. Характер его уравновешен, а образ жизни не предполагает регулярного пьянства и конфликтов на бытовой почве. Нетипичная ситуация для гр. Б может быть следующей. Ряд событий (крупные неприятности на работе, развод с женой, унижение и оскорбление жизненных ценностей происходящими социальными процессами) привел к тому, что он не в меру напился с соседом на лавочке у дома и длительное время лежал пьяный около подъезда. Данный факт может вызвать локальные возмущающие действия, но поскольку он не характерен для гр. Б, регулярно не повторяется, влияние такого факта на линию судьбы пренебрежимо мало. Хотя, как отмечалось выше, оно могло бы быть и решающим, фатальным, если бы гр. Б, поссорившись с собутыльником, взял топор и порубал бы соседа.

У иного же персональные особенности могут делать такое развитие событий весьма вероятным. Для иллюстрации постоянных мотивов рассмотрим другого, уцелевшего соседа гр. Б, гражданина

У. Тот регулярно употребляет крепкие напитки, делаясь при этом раздражительным и агрессивным. К тому же в такие моменты у него замутняется сознание, далекое от кристальной чистоты и «насухую». Что же удивительного в том, что вчера, предаваясь полуденному возлиянию, он снес полчерепа лопатой своему коллеге-слесарю?

Также необходимо отметить, что зависимость вероятности реализации от произвола действительности у мимолетных мотивов существенно выше, чем у постоянных. Ну не окажись под рукой у гр. Б в нужный момент топора – чем бы он рубал своего соседа? Шутка не удалась бы, и все бы обошлось. Иное с гр. У. Пусть на этот раз не подвернулась лопата нужного размера, чтобы сокрушить голову богохульника, – пуля виноватого найдет, в дальнейшем, в другой ситуации, другим инструментом, и даже с другим человеком, но свершится: он все-таки низринет карающую десницу на презренного врага.

Так откуда же берут начало постоянные мотивы? Рассмотрим этот вопрос подробнее. В экзистенциальной целостности каждого человека можно условно выделить **пласты знаний и чувственно-практического опыта**. Под первыми мы имеем в виду **результаты познавательно-рефлексивной деятельности субъекта, выражающиеся, преимущественно, в рационально-теоретической форме**. Сюда относятся: общие представления об окружающем мире («вот это – стул, на нем сидят, вот это – стол, за ним едят...»), стандарты поведения и взаимоотношений с другими членами сообщества в различных ситуациях, более сложные идеи мировоззренческого порядка и другое. Вторые являются результатом **кумулятивного движения чувственно-практической активности человека сквозь тернии бытия** и представляют собой множество типов реагирования на те или иные возмущающие

воздействия, отдельные виды интуиции и, в более общем смысле, способ переживания этого мира вообще. В сумме же, взаимопереплетаясь, первые и вторые представляют собой базис, на котором происходит зарождение желания субъекта, они ответственны за то, что он захочет. Откуда же берутся эти пласты?

Пласты знаний. Сформулируем главный тезис. Основной объем этих пластов как в содержательном, так и в количественном измерении у среднестатистического человека составляют некритически приобретенные, принятые на веру знания. Мы получаем их от родителей, учителей, просто других людей, из книг и т.д. Наша способность привнести свою толику меркнет перед общим массивом нажитого человечеством, к тому же она проявляется лишь в зрелом возрасте. **Мы убеждены в том, чему нас научили. Научили бы иному, и позиция стала бы противоположной.**

Сказанное справедливо для рассуждений различного масштаба. В частной ситуации оно верно, например, для молодого ученого, который попал в определенную научную школу и, впитав ее идеи, сделался их проводником. Если говорить об обществе, это применимо на уровне культурных характеристик, политических взглядов, мировоззрения в целом (например религиозное мировоззрение, сциентистское и т.д.).

Особую убедительность наши доводы приобретают на фоне уже исследованного в данном направлении. В этой связи весьма интересен американский ученый, оригинальный, выдающийся мыслитель Пол Фейерабенд, работавший в области методологии науки. Он более известен своими идеями эпистемологического анархизма, пролиферации теорий, изучением проблемы несоизмеримости теоретического знания. Что же касается обсуждаемого нами вопроса, привлекает внимание его книга «Наука

в свободном обществе». Пытаясь избежать излишне пространного изложения мыслей П.Фейерабенда и в то же время остерегаясь поверхностной, примитивизирующей интерпретации глубокого наследия, отметим интересующие нас моменты.

Духовно-мировоззренческую, идеологическую квинтэссенцию какого-либо общества П.Фейерабенд именовал словом «традиция», аргументировано показав, что мыслить абсолютно, вне какой-либо традиции, невозможно. При этом говорить о преимуществах и недостатках некоей традиции реально только в сравнении ее с другими традициями. Так, современную западную рациональность, в том числе лежащую в основе массового сознания, он рассматривал как одну из традиций, базирующуюся на следующих допущениях:

«Допущение А: Научный рационализм выше всех альтернативных традиций.

Допущение Б: Его нельзя усовершенствовать с помощью сравнения или соединения с альтернативными традициями.

Допущение В: Благодаря своим преимуществам, он должен быть принят и сделан основой общественной жизни и образования» Далее П. Фейерабенд ставит своей целью показать и убедительно показывает, что «...ни допущение А, ни допущение Б не соответствуют фактам, если понятие «факта» определено согласно типу рационализма, который подразумевается в А и В: рационалисты и ученые не могут рационально (научно) обосновать особое положение, занимаемое любимой ими идеологией» [45;510].

Основная идея работы «Наука в свободном обществе» состоит в том, что лишь то общество можно считать свободным, в котором всем культурным традициям предоставлены равные права. В настоящий же момент безосновательно культивируется сциентистское мировоззрение, боготворящее науку и технический

прогресс, особый тип рациональности. Для исправления положения вещей в обществе необходимо кардинально реорганизовать систему образования – оно должно обрести качество идеологического полиморфизма, т.е. нужно не вдалбливать в голову учащихся одну традицию, но давать сполна знаний, дабы человек смог самостоятельно и осознанно выбирать, какой из традиций ему следовать по жизни – научной, религиозной, мистической или какой иной. Таков проект Фейерабенда «отлучения науки от государства».

Для нас значимо следующее. В социальном плане индивид всецело зависит от принятой в его обществе «традиции», и раз уж ему повезло в нем родиться, то его мышление, а также ценностная ориентация, способы рассуждения, логика и многое другое будут действовать лишь в рамках данной «традиции». Этим уже заложена система предпочтений по жизни, определены потенциальные классы желаний, которые могут у него возникать. Так что апологетам свободного выбора неплохо бы задуматься, что **существуют такие варианты, которые данный индивид просто не сможет захотеть**, и не по своему недоумию, а потому, что таким его «отштамповала» эпоха, установив стандарты мировосприятия.

Таковы реалии. Каким интересно образом мог осуществить СВОБОДНЫЙ ВЫБОР заидеологизированный бухгалтер сталинской эпохи, воспитанный в духе классиков марксизма-ленинизма? Даже если чудесным образом обеспечить ему безопасность со стороны карательных органов, решив проблему «внешнего ограничения», внутренние его барьеры будут непреодолимы.

И нелепо говорить, что в принципе, мобилизовав все внутренние резервы, люди могли бы самоопределяться в любое лихолетье. Кто-то один, может, и мог бы (и то, при выполнении

соответствующих условий – кстати, он тогда был бы позитивным маргиналом), но не все. Разговоры о том, что если бы все вовремя задумались, переосмыслили бытие, то стали бы иными, и свободный выбор мог бы состояться, смешны, хотя теоретически это не невозможно. Невозможно это практически и стоит гораздо дальше от воплощения, чем призывы типа «если каждый бросит бычок в урну, на улицах будет чистота». Не станем здесь объяснять, почему это нереально, наш разговор об ином. Констатируем лишь, что **КАЖДЫЙ** не перестанет мусорить, не придет на выборы, не сэкономит по киловатту электроэнергии, не посадит по одному дереву и, тем более, не будет работать над собой. Оставьте.

Справедливости ради стоит заметить, что и реформа образования, предложенная Фейерабендом, также, с нашей точки зрения, недостаточна. Одна она не приведет к свободному обществу – разве только образование формирует человека? Но это совсем другая история. Мы, высказавшись в отношении пластов знаний, плавно переходим ко второй составляющей нашей экзистенциальной целостности.

Пласты чувственно-практического опыта. Строгой границы со сферой знания провести нельзя. И знание может быть чувственным, и опыт «знательным», и любая рефлексия (самоосознание) неразрывно связана с подспудными переживаниями, не рационализируемыми предпосылками и т.п. Тем не менее, чувственная практика отличается от рационального знания.

Пласты чувственно-практического опыта состоят из наборов затвержденных типов реагирования на ту или иную ситуацию, различных у каждого вследствие неодинаковости личного опыта, а также несложных поведенческих алгоритмов, не требующих

осознавания при реализации. То, что их формирование всецело зависит от жизненного пути человека и сопутствующих ему обстоятельств, достаточно очевидно. Так же, как очевидно и то, что их влияние на возникновение того или иного желания весьма велико. Кроме того, к образованию желания они стоят ближе, чем пласты знаний, поскольку действуют непосредственно, не затрагивая рефлексивный аппарат. Не станем утомлять читателя умозрительными формулировками, поясним доводы на конкретных примерах.

Нередко попадаются рассказы мужчин, бывших в детстве совращенными женщинами. Различаясь в деталях, истории совпадают по существу. Типичный случай: родители оставили 12-летнего мальчика одного в коммунальной квартире, что отметила для себя похотливая соседка, которой было за 30. Воспользовавшись благоприятным моментом, она вступила с ним в интимную связь. Хотя весь механизм происшедших психических изменений неизвестен, известен их результат: мальчик давно стал мужчиной, но всю жизнь его привлекают лишь женщины ощутимо старше. Это наиболее стандартный случай, другие хуже (особенно с садомазохистскими интерпретациями). Насколько же теперь выбор этих людей свободен, насколько возникающие желания принадлежат им самим?

Или иное: ребенка в детстве сильно испугало громким, внезапным гавканьем противное, невоспитанное животное, именуемое собакой. На беду в тот же момент предательски каркнула большая ворона. Всю жизнь потом у этого человека каркающий звук вороны ассоциируется с громким собачьим лаем, и затем всплывают неприятные впечатления сильного испуга. Однако и это не финал. Отныне, встречая товарища по фамилии Воронин или какую-нибудь

Галю Галкину, он относится к ним весьма настороженно. Вослед за «птичьей» фамилией в его душе следует бессовестное «Каррр!», за ним – неотъемлемое «ГАВ!», далее соответствующие переживания. В результате, не имея на то объективно признанных оснований, он окрысился и на Воронина, и на Галкину, причем и сам не понял, почему. В силу жизненного многообразия, подобное фигурирует в отношении любого уголка человеческого опыта. Наши реакции на мир во многом запрограммированы не нами.

Подведем промежуточный итог. Отмеченная запрограммированность человека, проявляющаяся, кстати, не только вследствие пластов чувственно-практического опыта, но и пластов знания, в части вопроса свободы выбора, приводит к следующему.

Наши возможности по реализации свободы желания (хотения) также оказываются ограниченными. Подобно тому, как в случае с осуществлением выбора мы можем избрать лишь из данного, то есть из того вполне исчислимого набора вариантов, которые предоставила нам ситуация, в которую мы вляпались, да притом, что не все варианты нам известны, здесь мы имеем нечто аналогичное. **В нас уже есть набор потенциальных желаний, то, что мы можем захотеть, сочтено и предопределено.** Кем? - Окружающей ситуацией, в том числе, другими людьми. Разница между альтернативами возможных поступков и фиксированным набором желаний лишь в том, что альтернативы (варианты) детерминированы окружающим миром в настоящем времени, а причины наших желаний заложены им же в прошлом. Тому есть много авторитетных свидетельств, полагаем, часть из них известна читателю («Сценарная теория» Эрика Берна, например).

Так какова же при таком раскладе степень свободы? Впечатление удручающе. Встрепенувшийся в ответ на тезис о

собственной абсолютной свободе неопит призадумался и вдруг понял, что все его желания – в некотором смысле лишь слепок предыдущего жизненного пути. Его «свободное» желание на поверку оказывается, с одной стороны, производной от прошлой встречи с «тетей-Мотей», от детских впечатлений, от степени душевности отношений в школе, семье, от множества случайных конфликтов, встреч, несчастной/счастливой любви и т.д. (Помните гр. Дюна – «...и с тех пор при слове ПИВО все внутри кипит бурливо...») С другой – вектор его желаний направляется полученными знаниями, зависит от той мировоззренческой системы, в которую его, не спросив, вовлекли.

Уже упомянутый нами П. Фейерабенд, анализируя индивидуальные реакции на учение Коперника (когда оно пробивало себе дорогу), пришел к выводу, что *«аргумент становится эффективным только в том случае, если он подкреплён соответствующей предварительной установкой, и лишается силы, если такая установка отсутствует... Этот субъективный аспект научного изменения связан с объективными свойствами (хотя никогда не может быть объяснен ими полностью): каждый аргумент включает в себя космологические допущения, в которые нужно верить, чтобы аргумент казался правдоподобным. Чисто формальных аргументов не существует»* [45;469]. Так и в нашем случае, только заменив понятие «космологических допущений» на более адекватное в данном случае «мировоззренческих», получим ту же зависимость.

В этой связи трудно не отвлечься на практический комментарий. Имеется в виду приверженность отдельных людей собственным принципам, иногда почти патологическая. К слову заметим, что само по себе весьма проблематично вписать все

многообразие мира в какую-либо систему принципов, даже очень объемную, изложение которой занимает не один том философских книг. Что уж говорить о представлениях рядового обывателя. Но мы о другом. Ведь система принципов формируется в точном соответствии с описанным выше алгоритмом: в результате достаточно случайных, обусловленных конкретной, преходящей данностью суетных обстоятельств, вовлечения в произвольную идеологическую базу и перманентного взаимодействия с комплексующими, агрессивными согражданами. И в этой связи немного странно, когда человек готов буквально пойти на смерть, уж если не на смерть, то на явно невыгодный для него поступок, с пафосом и пеной у рта отстаивая приверженность своим принципам. «Не поступлюсь!» – кричит он. Но разве это твое? – хочется спросить в ответ. Стоит ли так превозносить тот набор убеждений, который случайно выпал тебе в результате игры богов в фишки? Неужели в тебе нет ничего более высокого? Но продолжим рассуждения о выборе, отмечая еще один интересный аспект.

Ведь если смотреть шире, наш выбор зависит не только от поведенческих паттернов, явных и неявных знаний, но и от типа рациональности, которым мы пользуемся. Сама проблема выбора, в том виде, в каком мы ее определили, предполагает некоторую степень сознательности, разумности. Но «разум не является силой, направляющей другие традиции, он сам – традиция, предъявляющая такие же претензии на превосходство, как и любая другая. Будучи традицией он ни хорош, ни плох – он просто есть» [45;469]. Наивно полагать, что существует якобы некий разумный, единый, рациональный метод, выступающий первоосновой логичных шагов. Типы рациональности меняются не только от культуры к культуре, но и от эпохи к эпохе, и что сейчас кажется рациональным, может не

оказаться таковым ни с точки зрения предков, ни с точки зрения потомков. Да и в нашем, сегодняшнем мире существует несколько определений, пониманий «рационального», которые не очень-то пересекаются. Так что и сам акт нашего выбора осуществляется посредством приобретенных навыков, притом весьма относительных.

Среди дочитавших до сего момента, наверное, найдется немало таких, кому не терпится возразить: «Не все люди следуют заданной ситуации. Есть отдельные, лучшие, которые стремятся жить вопреки ей!» Что ж, рассмотрим этот аргумент. Действительно, замечание справедливо. Не просто не все люди «плывут по течению», но и одинаковые условия оказывают различное, порой диаметрально противоположное влияние на разных людей. Так что с того? Если не отвлекаться от предмета нашего разговора, этот тезис нельзя признать вполне состоятельным. Ведь механизм, посредством которого влияние осуществляется, как и его конкретный результат, имеют второстепенное значение. Принципиален сам факт: влияние состоялось. Как оно проявится – технические детали, ибо главный тезис говорит о том, что выбор человека *детерминирован* его историей.

Например, два молодых искателя знаний попали в научную школу, где главенствовали ортодоксы. Силовыми методами их заставляли работать в рамках известной позиции. Оба, по прошествии некоторого времени, хорошо разобрались в навязанной им идейной базе, стали ее знатоками. При этом один, глубоко поняв ее основы, проникся, отставил свои возражения, влившись в это научное направление, сделался его последователем. Другой, будучи не менее способным, также хорошо ее познал, но всю жизнь копил свои мысли, лишь делая вид, что является сторонником этого

направления. Так было до тех пор, пока ему не удалось выйти на «оперативный простор», когда гнет вышестоящих, по разным причинам потерял актуальность. Теперь второй является непримиримым противником навязывавшихся ему в прошлом идей, выступает с их критикой. При этом долгий путь, пройденный им с внутренним протестом, оставил свои следы. Ему приходилось изучать соответствующую литературу, чтобы быть вооруженным для критики, посещать конференции и т.д. – в общем, готовить иную, альтернативную платформу. Эта платформа никогда бы не возникла, не будь изначальной ситуации протеста. Но возникнув, она, быть может, принесет своему создателю славу разработчика нового направления в науке. Дай Бог, но для нас важно, что мировоззрение и первого, и второго исследователя определилось жизненными обстоятельствами: *одинаковыми обстоятельствами, но по-разному*. Такие вот выводы.

5.4 Фундаментальное ограничение для материалистов

Итак, выше мы исследовали некоторые ограничения свободы, рассмотрев их с точки зрения нашего действия, выбора и желания. Все три данных аспекта в большей степени относятся к субъективной составляющей. А есть ли некие фундаментальные ограничения, претендующие на объективный статус? В пределах материалистического мировоззрения – есть! И это довольно существенное обстоятельство. И несмотря на то, что некоторые материалисты понимают суть проблемы достаточно ясно, для большей части материалистов это неочевидно, да и мировоззрение обывателей преимущественно материалистично, поэтому покажем, почему их миропонимание не предполагает свободы.

Для начала вспомним, что такое материализм. Его можно рассматривать как «убежденность познающего сознания в его производности от природной и социальной реальности, которая для материалистов самоценна и самодостаточна, никем не сотворена, т.е. существует вечно!» [47;27]. Или, выражаясь строже, «материализм (от лат. *materialis* – вещественный) – воззрение, которое видит основу и субстанцию всей действительности – не только материальной, но и душевной и духовной – в материи... Для материализма характерно уважение к естественным наукам и технике и прославление человеческого разума... Материализм – образ мышления, предпочитаемый массами, поскольку они надеются осуществить свои цели прежде всего благодаря своему «весу», своему большому количеству и ощущают себя как нечто более или менее телесное» [48;259]. В противоположность ему «идеализм есть такой тип и такой способ философствования, который активную, творческую роль в мире отводит исключительно духовному началу, лишь за ним признавая способность к саморазвитию» [47;27].

Заметим, что доминанта материалистической составляющей в нашей стране, по-видимому, обусловлена не только тем, что материалистическое мировоззрение тяготеет к массам, в то время как идеалистическое к людям развитым и высокодуховным. Имеет значение, что материализм Карла Маркса более 70 лет довлел над Россией, исподволь заражая умы, проникая в картину мира советского человека и прочно укореняясь – его внедрение начиналось чуть ли не с детского сада. Сейчас, утратив актуальность, учение Маркса еще не утратило своего влияния – оно стало подспудным. Для себя я ввел такое понятие – неявные марксисты. Это люди, прочно усвоившие многие ключевые идеи

марксизма, но не подозревающие об этом, иногда даже считающие себя «антимарксистами». Действительно, прочно усвоить идеи им было нетрудно, ведь в советское время марксизм-ленинизм изучали все, таким образом, основы этой философии достаточно эффективно внедрялись в сознание народа. В то же время, в представлении неявных марксистов учение Маркса обычно сводится к нескольким тривиальным идеям, не всегда имеющим отношение к реальному наследию философа. Их они и отрицают, отождествляя со всей системой. Однако остальные идеи Маркса входят в основу их мировоззрения, поскольку они не в состоянии провести сравнительный анализ, который требует знания альтернативных концепций, учений других философов.

В общем, учитывая то, что в силу разных причин материализм популярен, с материалистической позицией надо считаться. Считаясь, рассмотрим, в силу чего она не допускает реализации свободного выбора личности. Для этого приведем несколько тезисов материалистов, как Нового времени (приблизительно, с конца XVI до начала XVII века), так и современности.

В Новое время господствовал механистический материализм, характерный для классической науки. Рассматривая мир как гигантскую машину, подобную сверхсложному часовому механизму, в его основе видели «протяженность и движение» (Декарт), «тела, не зависящие от нашего сознания и совпадающие с частью пространства, и механическое перемещение» (Гоббс) и т.п. Рене Декарт, Томас Гоббс, Джон Локк – лишь несколько имен в ряду выдающихся мыслителей той поры. Предоставим слово одному из них. В своей работе «О теле» Т.Гоббс рассуждает: «И свобода воли или желания не присутствует в человеке больше, чем у других существ. Действительно, желанию предшествует собственная

причина этого желания и поэтому сам акт желания... не мог бы не следовать за ней, то есть он следует неизбежно. Значит, ни воле людей, ни воле животных не свойственно, чтобы подобная свобода была свободной от необходимости. Если под свободой мы понимаем способность не *желать*, а *делать* то, что хочется, тогда наверное такую свободу можно предоставить как первым, так и вторым, а когда она существует, она одинакова и у людей, и у животных» [36;313].

Согласимся, свобода разрушает механическую причинную связь, нарушает логику теории материальных тел, не совместима с онтологией материализма. Несложно множить подобные примеры обращаясь к наследию иных авторов – выводы будут идентичными. Так, может, что-либо интересное нам предложат современники? Может быть, по прошествии веков материализм решил проблему свободы? Отнюдь.

«Принятие решения рассматривается как селективное возбуждение командного нейрона, ответственного за данную реакцию». При этом под принятием решения понимается «...выбор одной из возможных реакций», - повествует Е.Н. Соколов, анализируя акт выбора «в рамках концептуальной рефлекторной дуги» [41;75,81,82]. Неизбежное отождествление сознания и мозга переводит разговор на уровень физиологии. Хотя некоторые ведущие исследователи мозга утверждали: «Я посвятил этому всю свою жизнь и уверен – в мозге сознания нет!», для современного технократа, как правило, мозг и сознание - это одно и то же. Но применительно к обсуждаемой проблеме нас интересуют закономерности более общего характера. Это важно, ибо наиболее чистое решение может быть найдено лишь на философском уровне. Редукция к частным дисциплинам неизбежно приведет к

вступлению в зачастую бесцеремонную схватку разрозненных доктрин, нередко несовместимых и объединенных лишь тем, что все они, внешне насмехаясь над философией, тем не менее претендуют на ее роль, т.е. на целостный охват проблемы, вскрытие не только существенного, но сущностного. Однако видит Бог, никаким психологиям, физиологиям, анатомиям, биотехнологиям не по зубам категории сознания, свободы и проч. Они открываются лишь философствующему уму. А философствуя, хоть и на практическом уровне, я вижу следующее.

Вторичен вопрос, каков «субстрат сознания», движением каких частиц и каким типом этого движения естественнонаучные корифеи объясняют мысль. Будь то механическое перемещение частиц, сложное биохимическое движение еще чего-то, электрические пульсации или функционирование нейронов – на исходный принцип это не влияет. Важно, что мысль полагается материальной (Как вариант – полагаются материальными процессы, отвечающие за воспроизводство мышления).

В отличие от оккультной трактовки «ментальной» материи, здесь картина следующая. Когда-то мне долго объяснял технократ, какие именно изменения в нейронах происходят в процессе мышления. По-видимому, столь же подробно мне могли бы объяснить сей процесс и в XVII веке, окажись я там. Суть же одна – если мышление есть следствие какого-либо материального процесса – любого, то и само мышление есть материальный процесс. Следовательно, оно находится в жесткой (на условиях детерминизма) связи *со всей окружающей действительностью*. И полностью зависит от условий материальной данности.

Действительно, предположить существование материального (читай - природного) процесса, свободного от природы,

независимого от нее, находясь в здравом рассудке, невозможно. Природные процессы протекают, подчиняясь законам природы (Чему же еще?). Как механическое, так и биологическое и химическое движение бывает неспроста, оно включено в событийную цепь, которая отнюдь не ограничивается телесными пределами мыслящего индивида. Проиллюстрируем сказанное.

$A \rightarrow B \rightarrow V \rightarrow \Gamma \rightarrow D \rightarrow E \rightarrow \dots \rightarrow M1 \rightarrow M2 \rightarrow M3 \rightarrow \dots \rightarrow O \rightarrow \dots$

Вот этот ряд, а также начиная от буквы О и далее, обозначает материальные процессы, происходящие вне человека. Один процесс вызывает другой, соотносясь как причина и следствие, и так далее.

Это цепочка событий, происходящих внутри индивида в процессе мышления

То есть, полагаю, у Вас не вызывает сомнения, что в природе процессы взаимосвязаны – одни порождаются другими, существует причинно-следственная зависимость. Б имеет место тогда, когда происходит А, и продуцирует В, которое, в свою очередь, является причиной Г.

Например, предположим существование некоего дерева. Когда падает температура окружающей среды (А), изменяется поступление питательных веществ к его листьям (Б), что вызывает изменение химического состояния листа (В), за чем следует физическая трансформация системы крепления листа к дереву (Г) и он отрывается (Д), падает вниз (Е), попадая в алчный глаз любителю пива «Клинское» (Ж), который повернул кепку козырьком назад,

насмотревшись идиотских рекламных роликов («Мы так носим кепки потому, что так мы пьем наше пиво!»).

В этом примере события А, Е и Ж не имеют отношения к дереву, являясь для него внешними. Даже самому могучему дубу не подвластно осеннее изменение температуры, и даже самой последней липе наплевать, по какой траектории падает ее лист, и попадет ли он в глаз пивному тинэйджеру. События же Б, В, Г, Д являются, условно говоря, внутренней жизнью дерева, они происходят в нем. Но, происходя в нем, они порождаются независимыми причинами вне его. Эта мысль верна и в том случае, если мы чего напутали в примере. Может быть, пожелтение листа происходит несколько иначе, может, кепка прохожего была завернута козырьком назад не потому, что он действовал, как в рекламе, а из-за того, что, упав, уронил ее, а надеть правильно не смог. Не суть важно.

Аналогичная схема применима и к человеку. Только здесь внутренние процессы обозначены на схеме М1, М2, М3 и представляют собой движение, например, нейронов или еще чего-нибудь. Последовательность М1 → М2 → М3 представляет развертывание акта выбора. Но, как мы уже констатировали, материальный процесс не может происходить вне связи с природой. А значит, и в этом случае имеет место свое А → Б → В → Г → Д → Е, происходящее вне индивида, но путем материальных закономерностей оказывающее влияние на процессы в его мозгу. От изменений во внешнем мире зависит и изменение М1 → М2 → М3. Да и что же еще в рамках материализма может оказать влияние на один материальный процесс, как не другой материальный процесс!

Например, дядя на мяскокомбинате неправильно приготовил колбасу, которую употребил мыслитель, в результате чего у него

изменился состав крови, которая поступила к мозгу и слегка изменила происходящие там процессы. В результате стали немного иными мысли, действия и поступки поедателя колбасы. То есть, получается, что рассматривая мыследеятельность человека в лоне материалистического учения, мы вынуждены согласиться с ее зависимостью от вещей, не связанных с человеком. А значит, и «свободный выбор» определяется не столько самим субъектом, сколько окружающими его условиями. По меньшей мере, влияние их сильно, обосновано и неустранимо.

Сказанное относится к материализму вообще, на этом мы и остановимся, хотя возможен анализ и различных его видов, как то физического материализма, биологического, этического, диалектического, исторического. Но результаты не претерпят принципиальных изменений. Не только в силу описанных нами, но и в силу других причин, будет справедлив вывод, согласно которому свободы в пределах материализма НЕТ. Это подтверждают выводы современных исследователей – см. например, В. Куприй, «Зло, которое правит миром», особенно раздел «Судьба и свобода», главу «Миф о свободе воли» (М: Авваллон, 2002). Поэтому для собственного освобождения нам необходимо включение в идеалистическое мировоззрение. Но при этом нужно учитывать, что мир бизнеса, техники и технологий зиждется на материализме, и значит, ему гарантирована весомая поддержка.

С нашей точки зрения, неверно утверждение, что мышление и, шире, сознание есть следствие какого-либо материального процесса. (Материалисты же, как древние, так и современные, ничего другого предложить не могут). Мы утверждаем обратное: материальный процесс есть следствие мышления, сознания.

Данная предпосылка избрана осознанно, но здесь мы не станем ее доказывать, не только потому, что этот вопрос выходит за рамки нашей темы, но и потому, что аргументации на этот счет предостаточно, ведь материалистические и идеалистические течения для мыслящего человечества существуют уже тысячи лет. Напомним лишь, что пережившие силу духовной интенции знают, сколь сильно бывает наше духовное воление, сколь явственно оно воздействует на материальное, порой переворачивая традиционные представления, удивляя, вдохновляя, заставляя верить в силу духа, разума, иногда даже высшего, в силу добра, свободы и красоты.

5.5 Формирование отношения к вопросу свободы

Итак, наши рассуждения позволяют зафиксировать следующие положения:

- 1) Разговор о свободе выбора предполагает обсуждение трех моментов: свободы реального действия, самого акта выбора и нашей возможности управлять собственными желаниями.
- 2) Свобода реального действия ограничена и зависит от окружающей среды и текущей ситуации.
- 3) Сам выбор возможен только тогда, когда наша свобода уже нарушена – мы хотим иметь или сделать одновременно то, что одновременно иметь или сделать не можем – следовательно, нужно выбирать. Возможность выбора порождается ограниченностью свободы действия.
- 4) Непосредственная свобода в акте выбора ограничивается, с одной стороны, материальной данностью (поскольку выбирают из наличного, из того, что есть, а не из виртуального) и, с другой стороны, информационным полем, знаниями (поскольку неизвестный вариант не может быть избран).
- 5) Наши желания точно так же предопределены ситуацией, как и варианты выбора. Только варианты выбора регулируются текущей ситуацией (что съесть: банан или морковь? – выбор из данного), а варианты желаний – ситуациями, возникавшими в прошлом (могу выбрать банан, но не выберу, ибо не люблю бананы, а не люблю потому, что объелся их в детстве).

- б) В этой связи утверждения об абсолютной свободе выбора, от которых мы оттолкнулись, справедливо считать опровергнутыми – поскольку мы выявили достаточно существенные ее ограничения. И это при том, что мы не рассматривали *все возможные* ограничения, только некоторые.

Однако пессимистичный характер выводов, приведенных в пунктах 1-6, не позволяет поставить точку. Напротив, он стимулирует поиск конструктивного решения.

Займемся этим. Для начала – эмоциональное замечание. Решительно невозможно, чувствуя себя самобытным, мыслящим существом, принять фундаментальность собственной ограниченности как в действиях, так и в помыслах. Совсем не хочется ощущать себя результатом конечно-конкретной данности.

Ведь «с древнейших времен, на заре культуры и философского мировоззрения человек находил в самом себе стремление превозмочь конечность своего бытия – свою ограниченность и локальность, прикрепленность к заставаемым условиям, свою вынужденную «частность» и разрушимость в потоке времени. Это не было просто-напросто выражением до-человеческого, до-культурного и слепого в его инстинктивности порыва к саморасширению, экспансии вовне и самоопределению, т.е. желания быть пространственно больше и пребывать дольше во времени. Это было с самого начала смысловым тяготением выйти за локальные пределы и границы преходящего, не затеряться и не запропасть посреди гигантского многообразия и чудовищной мощи обступающего его со всех сторон иного и инакового бытия, не остаться заточенной в свое здесь-и-теперь и постольку лишь

исчезающей и незначимой микродеталью – и выйти к чему-то неисчезающему и непреходящему, значимому везде и всегда, вне зависимости от социально-житейского контекста, от условностей исторически заданного положения, от всех сетей детерминаций и предписанности окружением, от тождественности самому себе как предуготованному быть не чем иным, кроме как тем, что в себе застаешь и что втиснуто в пленяющие обстоятельства» [2;37]. Или, говоря поэтическим языком,

*Всю жизнь готов дробить я камни,
Пока семью кормить пригоден.
Свобода вовсе не нужна мне,
Но нужно знать, что я свободен.*

И. Губерман

Поэтому для нас жизненно необходимо найти решение, позволяющее примирить жажду свободы и лимит ее доступности. Как гласит зодиакальный оракул, «мир меняется по мере того, как сменяют одно другое времена года, и то, что было бесплодным, уже несет плоды. Из ничего возникают все щедроты природы. Отдельно друг от друга слово и явление растут в унисон, следуя предначертанному пути, которого никогда не изменить человеку. *С пути нельзя свернуть, но его можно понять. С пониманием появляется знание, из знаний вытекает решение* /курсив мой – Д.П./».

Вероятно, понимание наших ограничений позволит увидеть и окончание этих границ, за которыми открывается свобода. Ведь разве следует из того, что она не абсолютна, то, что ее вообще нет?

Да, действительно, у большинства популярных авторов, указывающих на безграничность человеческой свободы, отсутствует

сколько-нибудь серьезная аргументация, подкрепляющая их мнение. В целом их тезисы носят назидательный или декларативный характер, не выдерживают напора последовательной критики и не могут быть приняты за основу читателями, строящими свою жизнь осознанно и поэтому противящимися навязчивым прорицаниям и многозначительным пророчествам.

Противоположная, фаталистичная позиция, которую мы не разбирали на этих страницах, хотя и бывает более обоснованна, но также для нас неприемлема.

В этой связи справедливо следующее уточнение. Определенно можно сказать, что наше исследование вскрыло зависимость желаний и поступков человека от его личной истории. Но далеко не столь определенным представляется ответ на вопрос: какова мера этой зависимости? Действительно ли человек – лишь слепой продукт своих прошлых ситуаций, или же присутствует какой-то люфт, допускающий известные флуктуации? Проще говоря, выяснив, что поводок есть, мы не выяснили, какова длина этого поводка – тащит ли нас судьба, ухватив волосатой лапой прямо за ошейник, или же мы имеем возможность трусить на определенном радиусе от нее, выбирая траекторию самостоятельно? Отметим еще несколько моментов.

Выше мы говорили об опыте. Но было бы ошибкой сводить всю многомерность человеческого опыта к какой-либо линейной системе. Выбор – не механический акт и в терминах механицизма не объясняется. Сложное, взаимозависимое влияние огромного количества разноплановых факторов не поддается ни учету, ни исчислению. Результирующая их воздействия, хотя и проявляется с очевидностью, начисто лишена ее в вопросе о собственном происхождении. Поэтому, даже зная, что одна группа факторов

более влиятельна, нежели другая, мы не можем прозрачно и отчетливо описать процедуру принятия решения.

Очень важно, что указанную неопределенность не следует понимать всего лишь как плод нашей неосведомленности. Значение ее много больше. Дело в том, что существуя в нашем сознании, она есть и в реальности, имеет онтологический статус, как нечто, присущее бытию по его собственной природе. Рассматривая же неопределенность как следствие неполноты знания, мы тем самым не признаем ее реально существующей – дескать, в реальности-то все однозначно, это просто мы не все знаем. Последнее неправомерно.

Такой подход был присущ классической науке XVII – XVIII веков, когда доминировал механицизм. В эпоху неклассики произошли фундаментальные трансформации миропонимания, иной стала и трактовка неопределенности. «Демон Лапласа» умер. Не будем здесь углубляться в этот вопрос, тем более, что он уже был рассмотрен в разделе, посвященном оценке наших возможностей по предсказанию будущего. Интересующимся затронутой проблематикой рекомендую обратиться к специальной литературе (Ильин В.В. Теория познания: эпистемология. Издательство Московского университета, 1994; Гречанова В.А. Неопределенность и противоречивость в концепции детерминизма. Л.: Изд. Ленинградского университета, 1990; Лешкевич Т.Г. Неопределённость в мире и мир неопределённости (философские размышления о порядке и хаосе). Ростов-на-Дону: Изд. Ростовского университета, 1994). Отметим лишь по ходу, что понимание мира как гигантской машины, прозрачной и однозначной по своей сути, рассмотрение целого как простой суммы частей и т.д. характерно для классической науки, восходящей в своих основах к Декарту,

Ньютону и другим деятелям того времени. В настоящее время такое понимание безнадежно устарело, будучи замещенным неклассическим, где неопределенность рассматривается как фундаментальное свойство мира.

Из сказанного вытекает, что несмотря на то, что в процессе нашего выбора мы оказываемся под влиянием множества факторов, нельзя получить однозначный вывод о результатах этого влияния, и, следовательно, какая-то степень свободы возможна.

Второй момент состоит в необходимости более строгого подхода к понятию «абсолютная свобода». Как было сказано выше, те, кто провозглашает ее абсолютность, не утруждают себя наработкой логически строгой аргументации, а потому и сам этот термин чаще всего остается неопределенным. Но, согласитесь, странно говорить, что мы чем-то обладаем, если не определено, чем именно. Нужно хотя бы в первом приближении зафиксировать наше понимание. Попробуем сделать это сами, заодно прояснив, насколько глубок смысл данного понятия.

Как справедливо отмечал В.Виднельбанд, свобода всегда является относительной, «в подлежащей опыту действительности нет примера абсолютной свободы, свободы от всякого определения и всякой зависимости, ни в деятельности, ни в состоянии, ни в вещи» [9;15]. Говоря о свободе, всегда подразумевают зависимость от чего-либо, и эта зависимость тем более явная, чем глубже понимание человека. Так, есть животные домашние, а есть, условно говоря, свободные. Но свободное животное, на самом деле, отнюдь не свободно, поскольку всецело подчинено своей природе, включено в сети видовых, родовых и т.п. закономерностей. Свободным же называют то животное, которое проявляя свою жизненную энергию

(дикую и необузданную), не находится под властью человека, независимо от него. Или еще:

«Свободна летящая птица

Никому, ничему не верна» [16;177].

Да, она реализует свою свободу, если понимать последнюю как следование собственной природе. Но эта свобода «ни в коем случае не есть свобода как таковая» [9;12]. Ведь сама возможность полета обусловлена притяжением земли, и сам полет весьма зависит от объектов на земле и в воздухе. То есть, высказывание о свободе всегда подразумевает свободу от чего-либо, от каких-то классов ограничений, при том, что в других отношениях актуальна зависимость.

В этой связи упомянутый нами Виндельбанд называет свободой выбора возможность определения поступков характером, т.е. преодоление постоянными мотивами (интенциями) мимолетных. Поскольку постоянные мотивы обычно отождествляются с самой личностью человека, их доминирование создает предпосылку для того, чтобы осуществленный с их помощью выбор был назван свободным. То есть, имеет место признание зависимости от факторов, описанных нами ранее.

При таком подходе к определению свободы в абсолютном толковании она выглядит как беспричинность. Поясним. **В относительном понимании характеристика чего-то как свободного означает независимость от определенного класса влияний, в данном ракурсе рассматриваемых как существенные, и зависимость от остальных влияний, к этому классу не относящихся.** Полезно помнить, что совершаемое действие, не будучи зависимо от первого типа влияний, все же будет определяться вторыми. В свою очередь, абсолютное предполагает

независимость и от вторых. А значит, поскольку первым и вторым исчерпываются все влияния (логически корректное деление), оно не зависит ни от чего, не имеет причины, т.е. беспричинно. Или случайно.

Вообще, в словаре С.И. Ожегова случайное, применительно к нашему контексту, трактуется как непредвиденное. Непредвиденное возникает тогда, когда мы лишены информации о причинах, могущих инициировать событие, поименованное случайным. Иными словами, даже незнание о причинах возникновения события позволяет причислить его к категории случайных. Что уж говорить о событии, причины которого не только «не лежат на поверхности» и обывателю не очевидны, но вовсе отсутствуют! Это уже не просто случайное событие, это случайность в квадрате!

Соответственно, абсолютно свободный индивид в таком случае оказывается носителем абсолютной случайности, события его жизни происходят совершенно беспричинно, безотносительно к внешней действительности, внутренним целям, ценностям и пристрастиям. Очевидна не только невозможность такой ситуации, но и вопиющая ее абсурдность.

Ну представьте, например, двух соседей, имеющих общее прошлое и разное настоящее: один – махровый коммунист, мечтающий о водке по 3,62; другой – если и не демократ, то коммунистов не любит. У каждого достаточно своей истории, которая и определяет их реакции на мир. И в этом случае довольно естественно, по меньшей мере, объяснимо, когда они встретившись у ларька, предались жарким словопрениям, закончившимся остервенелым мордобоем. Иное, если бы они были абсолютно свободными людьми, и их поступки не несли бы груза причинных объяснений, гнета личной истории. Тогда словопрения и мордобой

начались бы спонтанно, совершенно свободно, повинаясь принципу «беспричинного хотения». Если скажете, что тогда бы они не начались, значит тем самым признаете детерминированность прошлой историей, зависимость от внутренних причин и, таким образом, поставите под вопрос абсолютную свободу.

Вот что получается, когда мы стремимся к абсолютной свободе *при условии определения ее как независимости от чего-либо*. Таким образом, либо термин «абсолютная свобода» имеет условный смысл, либо он бессмысленен.

Разумеется, это понимание свободы не единственно. Например: «Свобода – понятие не негативное; она – свобода “для”, “к”, а не “от”» [16;193]. Такой подход открывает иные перспективы. Но это уже будет взгляд в ином ракурсе.

3. Однако проблематичные следствия имеет не только полюс свободы, но и полюс, ему противоположный. Ведь если мы признаем нашу несвободу, зависимость от прошлой истории, внешней ситуации и других вещей, то рационально обосновать ответственность за наши действия уже нельзя. Действительно, могу ли я отвечать за то, что от меня не зависит? Я не несу никакой ответственности за то, что на улице внезапно пошел дождь, за то, что в мире живут большие черепахи, за то, что ворона каркнула (во все воронье горло!), обронив увесистый кусок сыра, и за многое другое, на что я не влияю и причиной чего не являюсь. Признавая отсутствие свободы выбора, я снимаю с себя всякую ответственность: пусть кто выбирал, тот и отвечает. А у меня такой возможности не было!

Справедливости ради надо сказать, что на практическом уровне такая проблема не стоит: для оправдания собственной деятельности ссылок на личную историю недостаточно. Например,

если на улице, не пожалев ценную стеклотару, вас ударил по голове бутылкой бомж и объяснил это своей нетерпимостью к людям культурным, проистекающей из его личной истории, вы, вероятно, выдвинете возражения, предполагающие некоторое долженствование со стороны бомжа (должен соответствовать определенным стандартам и нормам вне зависимости от своей истории).

Таким образом, сказанное позволяет заключить, что несмотря на присутствие целого ряда факторов, ограничивающих нашу свободу, нельзя с уверенностью говорить о том, что человеческая жизнь полностью детерминирована, целиком является следствием сторонних факторов. Более правильным представляется мнение, согласно которому свободе все же уделяется место в нашем существовании. При этом признается существование как тех ограничений, что преодолеть мы не можем, так и тех, что вполне преодолимы. И прежде, чем сделать окончательные выводы, бросим краткий взгляд на эти ограничения.

Итак, естественные ограничения. Здесь мы скажем несколько слов о так называемых неизбежных зависимостях, то есть зависимостях, для преодоления которых не существует общедоступного эффективного способа. Например, это материальные ограничения нашего тела. Выше, рассуждая о неабсолютности нашей свободы, этот момент мы обошли стороной, и, видимо, не совсем справедливо, потому что не весь массив факторов, ограничивающих нашу свободу, формируется личной историей.

Наша материальная структура нам изначально задана. Под ней мы подразумеваем не только визуально наблюдаемые, телесные параметры, но и интеллектуальные способности, до некоторой

степени – характер и темперамент, отдельные врожденные склонности и т.п. Конечно, относительно последних можно спорить, насколько их природа материальна. Мы думаем, что вряд ли тип характера, к примеру, определяется строением тела. Но, согласитесь, обосновывать наличие духовной наследственности значительно сложнее, чем материальной, тем более, что материальная наследственность никем не ставится под сомнение. Поэтому здесь, условно, отнесем все перечисленные и подразумевающиеся категории в область материального. Ведь для нас важнее другое.

Оставляя в стороне антропометрические данные, акцентируем внимание на главном: каждый из нас несет в себе априорный предел собственных возможностей и предпочтений. В плане возможностей наглядна аналогия с телесным. Бывает так, что один рождается сильным - способен завалить быка ударом по лбу, если посчастливится попасть. Не то другой, не напрасно трепещущий от страха при виде куда менее сильного животного. Подобное и в части умственных способностей. Один низвергает соперников громадой ментальной мощи, другой демонстрирует интеллектуальную дистрофию.

В сфере предпочтений картина не менее очевидна. В зависимости от своего характера человек не только действует теми или иными методами, но и ставит те или иные цели. Ясно, что смелый, решительный и авантюрный человек примется за реализацию задач иных, нежели его спокойный, неизобретательный и туповатый коллега. А такие различия в характерах часто имеются уже при рождении. Автор неоднократно наблюдал развитие котят, с удивлением отмечая, сколь разными в психологическом плане могут быть родившиеся одновременно дети одной матери, как разнятся их характеры и поведение. Или собаки - одна родилась злой, кусает

всех подряд, другая добрее, кусает избирательно. Что уж говорить про человека! Ведь здесь, в отличие от кота, в игру вступают сотни новых факторов: например, один склонен к аналитическому мышлению, другой - к художественному, образному. Нет смысла описывать все многообразие - полагаю, читатель исполнен собственных мыслей на этот счет. И кто бы что бы ни говорил об абсолютности свободы, с ограничениями на этом уровне придется смириться. Как и с некоторыми другими.

Ведь говорить об абсолютной свободе, подобно Ричарду Баху, можно только признав, будто бы единичный человек является чем-то совершенно независимым от общества, истории, системы отношений и т.п. Наш анализ показал, что предпосылка неверна. На самом деле человек неразрывно связан с другими, настолько неразрывно, что трудно определить, где же кончается он и начинаются другие.

Примечательно, что иллюстрация всеобщего единства не была целью нашего исследования, но явилась попутным его результатом. Сказанное не означает, что ценность этого результата тоже побочная – она вполне реальна. Если же говорить о специальных работах, посвященных отстаиванию этой позиции, то они представлены в изобилии и предлагают десятки вариантов доказательств и иллюстраций.

В самом деле, заявления индивида о полной собственной автономности абсурдны и безответственны, не имеют под собой реальных оснований. С самого начала жизни ребенок вовлекается в тесную связь с человеческим. Ведь современник рождается не столько в природной среде, сколько в социальной. Ключевую роль в становлении личности играет вовлечение в поле социальных

смыслов. Этот процесс представляется совершенно необходимым, и вне его человек немислим.

Известны многочисленные примеры взращивания человеческого детеныша в звериной среде (как Маугли). В качестве воспитателей выступали не обязательно волки, но и рыси, а также другие, более экзотические животные. Получив огласку, такие случаи вызывали большой интерес не только со стороны любопытствующих, но и специалистов. Исследования последних показали, что процесс деградации человека с таким детством необратим. В зависимости от времени пребывания в животном царстве и, по-видимому, усердия воспитателей, различается только ее степень. Одни, вернувшись в мир *homo sapiens* достаточно скоро, благодаря стараниям людей обрели-таки человеческий облик. Тем не менее, большая часть их интеллектуальных и духовных способностей оказалась безвозвратно утрачена. В течение всей своей жизни они отставали в развитии от сверстников. Другие же, пробывшие под опекой животных долее, даже титаническими усилиями не могли быть возвращены к человеческой жизни, оставаясь обреченными проводить ее в условиях спецприюта. По облику они походили на дегенератов или умалишенных.

То есть, опыт свидетельствует, что человек не может состояться без общества, в этой связи он изначально от него зависим, несвободен, ибо им же и порождается, является его дитем и продолжением. А можно ли быть свободным от собственного первоначала? И более того, мы считаем, что процесс становления личности, очеловечивания ребенка является одновременно и процессом присвоения, трансляции опыта поколений, установления сущностной связи с другими людьми, впитывания их опыта, мировоззрения и культуры.

Ведь что окружает современного ребенка, в каких духовных и душевных ландшафтах формируется его самосознание? Каково их содержание? Как было сказано, становление происходит далеко не в природных ареалах. Налицо иное. К настоящему моменту природа столь «окультурена», что в первую очередь мы сталкиваемся не с ней, а с продуктами жизни наших предков. Фактически, окружающая среда представляет собой их личную историю. Ведь характер деятельности наших предшественников направлялся их видением мира, пониманием своего места в нем, представлением о целях и ценностях собственного бренного бытия, мнениями о надлежащем и ненадлежащем. Все это нашло свое воплощение в конечных результатах труда, которые и составляют так называемый «ландшафт» жизни.

Сказанное относится как к материальной сфере, так и к духовной. В материальной речь идет об окружении и обустройстве нашей жизни. Методы, способы и формы преобразования природы, цели и задачи таких преобразований – все это уже имеется в мире, когда его начинает постигать неофит. Рождаясь, мы попадаем в готовые города с известной архитектурой и инфраструктурой, вовлекаемся в определенный тип материального воспроизводства и обеспечения жизнедеятельности и т.п. Для существования в этой среде мы усваиваем опыт прошлых поколений, их подход и образ действия. Работает следующая цепочка. Созданный материальный объект призван реализовать какую-то цель. Цель задана воззрениями на мир и пониманием его. Осваивающий объект неизбежно приобщается к целям, ценностям и мировоззрению его создателя. Что касается духовной сферы, здесь преемственность еще более очевидна. Воспитание делает нас членами одного культурного сообщества, способными воспринимать и понимать друг друга, без

чего невозможно не только решение совместных задач, но и вообще совместное бытие.

В этой связи отметим важное. Во-первых, не будет преувеличением сказать, что вовлечение в мир данного начинается раньше, чем сознательная жизнь. Усвоенное укореняется чрезвычайно глубоко и не может быть элиминировано полностью последующими усилиями. Имеются научные исследования, показывающие, что даже глубокие психотехники проникают в закрома человеческой души не слишком глубоко. К тому же, помимо индивидуального бессознательного существует и коллективное со своими архетипами, и генетическая память. То есть, **сменить свою культурную матрицу невозможно. Мы не свободны сделать это.** /Примечание: попытка подобного освобождения предпринимается в доктрине американского мистика Карлоса Кастанеды. Интересны его рассуждения о свободе. Однако отметим, что достижение абсолютной свободы у Кастанеды (по учению дона Хуана) предполагает **длинный, всепоглощающий путь**, один из шагов которого - освобождение и от так называемой «человеческой формы», то есть, по сути говоря, переход в нелюди – в смысле превращения в существо, в своей духовной и душевной основе не имеющее ничего общего с представителями человечества/.

Во-вторых, **какая-либо культурная матрица совершенно необходима.** Вне ее нет и человека (см. про детей-маугли). Авторы, утверждающие относительность культурных (нравственных, этических) норм со ссылками на то, что в разных культурах они разные и родившись в Африке мы были бы иными, правы только отчасти. Действительно, многие типы поведения, приятные и нормальные для одних народов (культур), для других нетерпимы. То есть, утверждение об относительности культуры верно в моральном

аспекте: показывает неединственность нашей нравственной позиции, призывая тем самым к плюрализму. Понимание этого удерживает от абсолютизации собственных воззрений – известно, что люди, полагавшие себя носителями единой и абсолютной (например, христианской) истины, были готовы вырезать полмира ради ее гегемонии. Еще более яркие примеры мы видим в наши дни, когда представители другой религии устраивают масштабные теракты, уничтожая якобы «неверных».

Однако из относительности не следует возможность легкой смены или выбора собственной культурной матрицы, а также признание самого факта ее существования малозначимым. Относительность здесь не играет никакой роли. Пусть существуют сотни очень разных культур – но мы-то родились в одной, мы сами являемся ее частью. И нам она нужна.

Резюмируем кратко:

- в современной ситуации человек не может состояться вне общества;
- формируясь в рамках общества, он впитывает в себя опыт (и культуру в целом) предыдущих поколений, становясь таким образом их продолжением;
- личность не может существовать автономно от культуры.

Поэтому справедливо считать, что культурная матрица существует внутри нас и, хотя является чем-то относительным, тем не менее выступает нашим условием самотождественности, для нас – она абсолютна и является частью нашей сущности. Не стоит из-за этого переживать. Как говорили восточные мудрецы, оттого, что мы являемся частью общего, мы не становимся меньше – напротив, мы становимся больше.

5.6 Выводы о возможностях и границах

Итак, что мы можем сказать, завершая данный раздел? В начале раздела была заявлена цель определить, насколько мы свободны и насколько ограничены, а также откуда проистекают наши ограничения. Полагаем, что ответ на последний вопрос был достаточно прояснен в процессе наших рассуждений, а в отношении возможностей и границ скажем следующее.

Существуют ограничения, традиционными способами не преодолимые. В основном они связаны с нашей материальной структурой. Что же касается культурной матрицы, то ее абсолютность не означает ее неизменности. «Мы практически бессильны изменить свое генетическое наследие в процессе собственной жизни. Но все, что навязано нам с детского возраста и приобретается в течение последующей жизни (воспитание, убеждения, ценности и т.д.), может быть изменено посредством внешней стимуляции» [22;180]. Действительно, осознающий себя человек способен к целенаправленному самосозиданию в соответствии с личным планом. И даже несмотря на то, что судьба будет вносить свои коррективы в этот процесс, вряд ли у нас есть основания отказать человеку в высокой потенции самоопределения.

Да, общие закономерности регламентируют нашу деятельность. Но в большей степени они актуальны на уровне нации, этноса. Житейский догматизм регламентируется не ими, а ограниченностью обывателей. Для наглядности можно провести аналогию с процессом зарабатывания денег. Он тоже проходит в соответствии с общими закономерностями, однако непосредственно количество денег, получаемых индивидом, в значительной степени все же зависит от него самого (а не от Трудового кодекса). В то же

время, влияние общего есть везде, и настоящий текст, кстати, его не избежал. Ведь рассуждения, которые вы сейчас читаете, также опосредованы определенной (в данном случае, западной) культурной средой и выражают ее ценности – в частности, стремление к улучшению качества жизни и самоутверждению в обществе путем рационально выверенной деятельностной активности. Представителю дзен-буддизма эти цели показались бы бессмысленными, и он бы посмеялся над нами.

Для личности важнее скорее то, что степень ее свободы меняется в течение жизни, причем в сторону уменьшения. Чем долее мы прошли от рождения к смертному одру, тем меньший выбор мы имеем. Если молодой человек выбирает из сотен дорог (кем быть: множество специальностей – технических, научных, гуманитарных; с кем быть: на ком жениться и т.п.), то по прошествии времени у того же молодого человека выбор далеко не столь широк. Выражаясь образно, акт выбора подобен входу в нору – когда туда влез, дальнейшее изменение направления регламентировано внутренним расположением проходов в норе. И, к сожалению, никак нельзя, уподобившись лисице, ловко виляя задом, вылезти обратно. Например, выбрал некто стезю инженера – получил техническое образование (скорее всего, недополучив при этом общекультурных составляющих). Теперь его выбор ограничен уже в части трудоустройства – он находится в «норе» технической деятельности. Выбор конкретного места работы также отсекает варианты для последующих шагов: пошел работать в министерство – утратил квалификацию конструктора – сузил свое потенциальное. И так далее. К пенсионному возрасту выбор совсем невелик – жизнь детерминирована своей историей. Но не будем о грустном.

Отдельные рекорды в области физических достижений показывают, что возможности человека невероятно велики. Почему бы не предположить возможность аналогичных прорывов в области духовного? Да и для эффективного продвижения вперед, хотя и нужно осознавать свои ограничения, но верить полезно в нечто светлое и вдохновляющее, тем более, что оно тоже есть.

В начале настоящей работы мы уделили достаточно много времени процессу манипуляции обывателями, продемонстрировав, насколько обыватели зависимы и управляемы, не принадлежат себе. Однако что такое манипуляция? В абсолютном большинстве случаев это некий способ заставить человека сделать что-либо якобы по собственной воле, при помощи инструментов психического характера. Ведь когда нас заставляют, например, отдать деньги под дулом пистолета, мы уже не скажем, что грабитель нами сманипулировал.

А теперь обратите внимание, что внешние и внутренние манипулирующие факторы по способу действия идентичны. То есть, другие люди манипулируют нами снаружи, наша личная история манипулирует нами изнутри, но на психическом уровне это совершенно эквивалентные сигналы (здесь я намеренно выражаюсь упрощенно, дабы не затмевать суть специальной терминологией). Да и еще бы им не быть эквивалентными, когда личная история в основной массе своих событий – это и есть результаты взаимодействия с другими людьми, отличающиеся от взаимодействий текущего момента лишь тем, что на линии времени располагаются раньше.

Какое значение это имеет в контексте нашего рассуждения о свободе? Дело в том, что при освобождении от собственных (внутренних) ограничений действует тот же механизм, что и при

освобождении от ограничений внешних. Ключевая точка здесь – осознание. Когда человек осознает процесс, в который он вовлечен, он уже находится в шаге от того, чтобы им управлять. Это универсальный вывод, справедливый и для внешних, и для внутренних воздействий.

Например, если кто-нибудь занимался управлением эмоциями (не контролем, а именно управлением), то он знает, что еще не начав работу над собой, но уже изучив механизм возникновения эмоции, перестаешь переживать ее как нечто абсолютно истинное, что захватывает тебя. Наоборот, «смотришь в себя» и видишь – здесь сработала одна зацепка, вот здесь – другая, и так далее, и в результате оказывается, что это не процесс захватил тебя, а ты осознал процесс и сам решаешь, где ему подчиняться, а где - нет.

Таким образом, степень нашей свободы находится в наших руках. Это обыватель зависит от личной истории. Позитивный же маргинал – свободен. Проявляя творческое начало, продвигаясь по пути познания и осознания себя, он непрерывно расширяет границы собственной свободы. А что такое путь познания, почему он так важен для позитивного маргинала? Об этом мы поговорим в следующем разделе.

Глава 6. ОСНОВА ПОЗИТИВНОГО МАРГИНАЛИЗМА

6.1 Познание как путь

Прошло довольно много времени с момента начала нашего рассуждения. Мы уже обсудили имеющиеся основания к тому, чтобы человек начал двигаться в сторону позитивного маргинализма, рассмотрели цели и ценности, присущие этому пути. Далее мы осмыслили возможности и границы позитивного маргинализма, описали его основные качественные характеристики и даже коснулись потенциальных ограничений, с которыми может столкнуться ищущий свободы человек. Полагаю, все сказанное в сумме дает достаточное представление о сути и особенностях нашей концепции. Наверное, теперь тем, кому она близка, было бы интересно узнать, какая конкретно дорога пролегает к позитивному маргинализму и что надо делать, чтобы по ней двигаться. Дальнейшее изложение осветит этот вопрос.

Следует иметь в виду, что позитивный маргинализм представляет собой жизненную стратегию, затрагивающую все основные сферы бытия. Понятно, что последние невозможно исчерпывающе описать не только в одной книге, но и в объемном многотомнике. Тем более, что потенциальные проявления индивидуальной свободы, за которую мы ратуем, даже в рамках одной концепции чрезвычайно многообразны. Поэтому наша задача состоит в том, чтобы найти некое идейное ядро, с необходимостью присущее позитивному маргиналу, то есть выйти на основополагающий уровень, который способен послужить отправной точкой для любых последующих вариантов развития.

Что же это за уровень? Это уровень человека познающего. **Именно познание себя и мира является ключевой (отправной) точкой для последующего самостоятельного плавания в нем.**

Рассмотрим этот аспект подробнее. Почему именно познание мы считаем ключевым моментом? Тому есть причины, и главная среди них та, что без него невозможна сознательная жизнь, которую мы пропагандируем. Ведь «сознательная жизнь» означает, что человек в своих суждениях и поступках исходит из понимания ситуации: понимания своих целей, понимания, почему и зачем он к этим целям стремится (а вдруг это не **его** цели, а лишь **навязанные ему?**), понимания того, как его цели соотносятся с активностью внешнего мира (находятся ли с ним в гармонии, противоречат ли ему, другие варианты) и каких последствий можно ожидать, если цели будут достигнуты. И так далее.

Несложно заметить, что все это предполагает, во-первых, знание и, во-вторых, развитые способности к рациональному рассуждению. Это совершенно необходимые вещи, хотя и не всегда достаточные – для эффективных действий требуется, например, интуиция и ряд других вещей, что мы также учтем в дальнейших рассуждениях.

Однако эти вещи вторичны по отношению к познанию. Ту же интуицию мы будем понимать совершенно по-разному в зависимости от того, какими знаниями обладаем и какой доктрины придерживаемся. Например, материалисты объясняют интуицию опираясь на явление так называемого «неявного знания» - знания, которое человеком было когда-то получено, но в настоящее время им не осознается, находясь на периферии сознания. Сам человек может давно забыть, что он этим знанием обладает. Но в определенный момент, когда он наталкивается на проблемы,

коррелирующие с содержанием неявного знания, последнее активизируется, результатом чего бывают внезапные озарения, дающие ключ к решению обдумываемого вопроса. То есть, материалисты полагают, что чудеса интуиции всецело связаны с такой, полученной когда-то периферийной информацией. В противовес им, тяготеющие к идеалистической доктрине объясняют интуицию как получение человеком ответа из неких информационных (идеальных) сфер – т.е. извне, а не из себя самого.

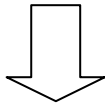
В данном случае неважно, кто в большей степени прав. Данный пример – лишь небольшая иллюстрация того, как наше видение мира вообще зависит от исходного багажа знаний (используемых моделей). Разностороннее знание позволяет видеть мир гораздо глубже.

Наше восприятие не является независимым. Когда-то считалось, что сознание подобно чистой доске («*tabula rasa*»), и на нее проецируются более или менее объективные сведения из внешнего мира (Джон Локк), формируя картину мироздания как бы «с нуля». Однако было это в семнадцатом веке. С тех пор многое изменилось. Дальнейшее развитие науки показало, что представления о сознании как чистой доске действительности не соответствуют, поскольку существует множество факторов, опосредующих познавательный процесс. Так, В.В. Ильин, задаваясь вопросом о начале познания, выделяет сразу несколько уровней его опосредованности. Не останавливаясь на таких вещах, как «сенсомоторный практический наглядно-действительный интеллект, сращенный с предметной активностью», и влияние на мыследеятельность языка, уделим внимание более актуальным в разрезе нашего рассуждения моментам.

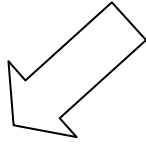
Сознание не является чистой доской, а познание не начинается с ощущения. С ощущения начинается взаимодействие человека с реальностью, а в познавательной активности значима роль субъективных состояний. Воспринимаемое человеком всегда соотносится с имеющимся запасом мыслей и знаний, которые неизбежно присутствуют, опосредуется «концептуальными, операциональными, эмоционально-волевыми, коммуникативными, интенциональными комплексами. Понимание этого разрушает миф о живом созерцании как отправной точке познавательных отношений. Живое созерцание — химера, пущенная в наукооборот теми, кто некритически абстрагируется от реальной объемности, многомерности архитектоники и динамики человеческих познавательных самоосуществлений» [15;249-250].

Более наглядное описание нашего процесса восприятия можно найти у разработчиков НЛП (нейролингвистического программирования) Ричарда Гриндера и Джона Бендлера. Они называют этот процесс схемой тройного вытеснения, которая показывает, каким образом воспринимаемая человеком информация трансформируется, сокращается и видоизменяется под действием разных причин, в том числе и имеющихся пластов знаний и моделей мира. Рассмотрим ее.

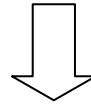
Сенсорные сигналы

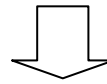
I. Перцептивный аппарат

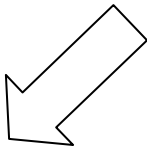
Сенсорный шум

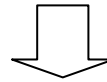
Полезный сигнал

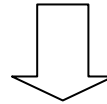
II. Смыслообразующий блок

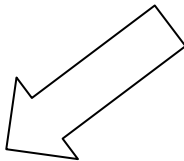
Избыточный сигнал

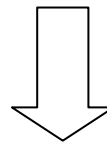
Оцениваемый сигнал

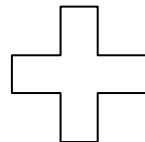
III. Референция

Игнорируемый сигнал

Подтверждающий сигнал

Галлюцинируемое, достройка

На входе мы имеем некий массив сенсорных сигналов – то есть, информацию в форме, доступной для распознавания нашими органами чувств. Первое вытеснение происходит, когда перцептивный аппарат отсеивает так называемый «сенсорный шум» - сигналы, не несущие в данный момент полезной информации. Их осмысление не производится, и, находясь в стороне от луча внимания, они переходят в бессознательное. Сенсорным шумом может быть что угодно – шум уличного движения за окном или негромкий разговор за соседним столиком в ресторане. Отметим, что такие сигналы моментально перестают быть сенсорным шумом, если их содержание приобретает значимость. Например, если один из говорящих за соседним столиком вдруг прекратил разговор о погоде и перевел внимание на вас, выразив намерение совершить агрессивные действия ввиду того, что ваше лицо ему пришлось не по вкусу. В таких ситуациях обычно то, что было сенсорным шумом, сразу оказывается в центре внимания.

Когда же бесполезные сигналы отсеяны, оставшаяся часть, названная полезным сигналом, поступает в смыслообразующий блок, где наделяется смыслом, о-смысляется **согласно имеющейся у человека информации**. По завершении этого процесса определенный объем воспринятой информации оказывается излишним, и происходит его вытеснение, на сей раз в подсознательное. Когда сигнал является речью, это вытеснение обусловлено еще и избыточной информацией – в разных языках степень избыточности различается (в русском она достаточно велика, в японском – меньше), но присутствует она везде. Избыточность повышает надежность передачи сигнала - если сенсорный шум силен и вы не расслышали часть сказанного, смысловые повторы в других частях помогут вам понять суть.

Следующий процесс – референция, то есть оценка осмысленного сигнала. Для этого необходим не весь комплекс восприятия, а только отдельные его параметры, по которым и производится оценка. Данный процесс весьма сложен, что, в частности, обусловлено подвижностью внимания, в свою очередь, связанной изменением мотивации. В определенном смысле, в каждый момент времени мы сознательно воспринимаем только то, что оцениваем. Произведенная референция порождает третье вытеснение – устранение сигналов, в той или иной степени противоречащих оценке. Понятно, что протекание и результат оценки определяется уже имеющимся у субъекта знанием.

В результате на выходе из референтного блока информация оказывается неполной, причем настолько, что на ее основе затруднительно (а порой, невозможно) создать цельный образ воспринятого. Для восполнения существует процесс достройки, иногда называемый «галлюционированием», суть которого состоит в том, что все утерянные после ряда вытеснений компоненты заменяются при помощи продуктивной части перцептивного аппарата, иными словами, картина дополняется сконструированными в сознании элементами. Конструирование происходит на основе элементов моделей реальности, содержащихся в сознании.

Какое отношение имеют приведенные примеры к познанию как пути позитивного маргинала? На наш взгляд, самое непосредственное. Ведь фактически они иллюстрируют, что информация, поступающая в наше сознание, зависит от уже имеющегося его содержания. И следовательно, работая с содержанием сознания, мы изменяем восприятие в целом, обретаем

разностороннюю картину мира, начинаем видеть новое. В целом, возрастает уровень осознанности нашей жизни.

Вспомните пример с брачующимся трактористом. Используемые им модели, по которым он строит свое восприятие мира, не только примитивны и убоги, но и представлены в крайне ограниченном числе. Следовательно, ограничена и его свобода, открыты возможности для манипуляции им со стороны заинтересованных лиц. Иное, если человек (хотя бы в некоторой степени) осознает собственные предпосылки и модели восприятия. В таком случае перед ним открываются большие возможности по совершенствованию себя и эффективному взаимодействию с другими.

Постановка такой задачи самопостижения делает неизбежным переадресование к философским принципам, лежащим в основе нашего мировоззрения. Философская составляющая весьма плодотворна, и вот почему. Хотя людям, мало сведущим в философии, последняя представляется оторванной от реального бытия абстракцией, в действительности философия пронизывает нашу обыденную жизнь. Ведь изначально философские вопросы беспокоили каждого думающего человека. Кто я такой? Зачем я живу? В чем смысл моего существования? Каким должно быть гуманное устройство общества? Какой быть семье? Что такое справедливость? Что есть истина? Существует ли Бог? И так далее, и тому подобное. В определенном смысле, долг каждого развитого человека - найти для себя свой вариант ответов. (А что такое «долг», кстати?) И только лица, подобные описанному в самом начале нашего изложения трактористу, заранее знают все ответы (точнее, им так кажется), поскольку в качестве таковых используют примитивные шаблоны.

Но, несмотря на сарказм, здесь мы подошли к очень важному моменту. Откуда берут ответы не-трактористы? Вряд ли эти ответы целиком являются продуктом их собственного сознания – в таком случае все были бы гениальными философами, что очевидно не так.

Как мы показали в главе, посвященной свободе, многое человек перенимает из чужого опыта. А потому небезразлично, что это за опыт. Лучше всего воспринимать подпитку наиболее высокого качества. Где ее источник? Одним из источников такого рода опыта являются зафиксированные результаты мыследеятельности (философские книги, например). Даже не столько потому, что в определенной степени теория представляет собой обобщение практики, сколько потому, что человеческая мысль протекает по общим для всех людей законам. И поэтому пройденный кем-то путь размышлений может быть уподоблен реальному пути. Также, как выслушав рассказ человека, преодолевшего некую земную дорогу, можно узнать, что он видел, какие есть препятствия, как он пробовал их миновать и тому подобное, так и ознакомившись с чьими-то размышлениями о каком-то предмете, можно увидеть, какие к нему существуют подходы, какие есть проблемные моменты, какие решения их уже накоплены.

Ведь каждая концепция характеризуется своими возможностями и границами. И в том числе, имеет узкие места, которые мыслители пытаются преодолеть различными способами, но часто так и не преодолевают. Например, в христианской теологии «узкое место» - это проблема зла, и вот почему. Бог изначально рассматривается как вездесущий, всеблагой и всемогущий. Но откуда тогда в мире берется зло? Ведь если «Бог допускает зло, он не всеблаг. Если он не воспрепятствует злу, он не всемогущ. Если он

трансцендентен злу, он не вездесущ» [15;584]. Как ни пытаются религиозные мыслители выйти из этой ситуации, все равно проблема сохраняется в том или ином виде. Потому что присуща данному теоретическому полю, произрастает из него.

Другой пример. Немало современных эзотерических и близких к ним доктрин в своей основе имеет философию платонизма (правда, сам по себе этот факт известен их авторам не всегда). Но для практикующего читателя в любом случае лучше знать хотя бы в общих чертах платонизм, чтобы, во-первых, суметь опознать его, а во-вторых, понимать особенности, возможности и ограничения этой доктрины и делать соответствующие выводы для себя. Не будет знаний – не будет и самостоятельных выводов.

Кстати, платонизм существует уже тысячелетия. И за это время был весьма плодотворно исследован: обсужден, раскритикован, доработан. Впрочем, все перечисленные выше философские вопросы, как и многие другие, тоже существовали в течение тысячелетий, поскольку их момент их возникновения совпадает с моментом появления мыслящих людей. И были также тщательно исследованы. Не вдаваясь в долгие размышления, присоединимся к мнению, согласно которому в житейской философии все, что в принципе возможно было сказать (подумать), когда-либо уже было сказано (подумано). Так что ничего принципиально нового изобрести уже нельзя.

Данное мнение представляется справедливым не только потому, что разделяется многими авторитетными профессионалами. Не сложно и самим найти к нему основания. По меньшей мере, для обычного человека.

Допустим, вы не являетесь профессионалом в философии, то есть не занимаетесь научной работой по некоей конкретной

проблематике, хотя периодически читаете различные философские работы. Тогда не будет ошибкой предположить, что какой бы вопрос философского рода у вас ни возник, в мире уже существовал кто-то, кто тоже им задавался, но при этом посвятил ему больше времени и обдумал его лучше. Вас просто что-то заинтересовало, а был человек, для которого поиски ответа на заинтересовавший вас вопрос являлись смыслом жизни. Ну или хотя бы темой диссертации, которой он искренне интересовался. В результате этот человек тщательнейшим образом исследовал данный вопрос, пережил, пропустил через себя и записал результаты своих исследований. Наверное, для вас это бесполезная информация. Чтобы не делать одну и ту же работу дважды, а вместо этого потратить усилия на продвижение вперед, целесообразно сначала изучить сделанное в этой части другими.

Помимо непосредственного обогащения собственного сознания, данный путь дает и другие преимущества, позволяя не только определенным образом позиционировать собственное мировоззрение и более полно видеть его сильные и слабые стороны, но и лучше понимать других людей. В принципе, выслушав рассуждения человека, всегда можно найти аналог (модель) его рассуждений в философской литературе. Для обычного человека достаточно будет современного четырехтомника «Истории философии». Таким образом, вы получаете возможность как бы «подниматься» над ситуацией, поскольку оказываетесь способным видеть модели мышления других, что позволяет вам не только быть более эффективным в диалоге, но и до некоторой степени предсказывать ход их размышлений.

Данные тезисы станут нагляднее, если мы рассмотрим подробнее, как функционирует механизм понимания. Для

иллюстрации воспользуемся разработками А.А. Ивина – автора многих увлекательных книг и учебных пособий, связанных с логикой. Не вдаваясь в излишние для наших целей детали, в частности, не выделяя особенности понимания поведения, природы, языковых выражений, сконцентрируемся на существенном. Существенное с нашей точки зрения - это идея о том, что всякое понимание происходит путем соотношения наблюдаемого с имеющимся в сознании образцом. Поскольку «понимание связано с усвоением нового содержания, включением его в систему устоявшихся идей и представлений», то какое-либо явление «становится понятным, как только удастся убедительно подвести его под некоторый общий принцип или образец» [12;227,230].

То есть, в процессе понимания происходит, условно говоря, обращение к имеющемуся массиву знаний и представлений, обобщенных идей, а само понимание определяется как оценка «на основе некоторого образца, стандарта, нормы, принципа и т.п. Соответственно, пониматься может все, что имеет такой общий образец, начиная с индивидуальных психических состояний, «детского лепета», «Гамлета» и критики разума» и кончая явлениями неживой природы» [12;231,232]. Таким образом, то, для чего в сознании не обнаруживается образца, понято быть не может.

То есть, понимание происходит дедуктивно – путем выведения частного из общего. Например: «Травоядные животные не употребляют в пищу черепах. Корова – травоядное животное. Значит, корова не питается черепахами». А.А. Ивин отмечает, что «дедуктивный характер объяснения и оправдания не всегда нагляден и очевиден, поскольку наши обычные дедукции являются до предела сокращенными. Мы видим плачущего ребенка и говорим: «Он упал и ударился». Это — дедуктивное объяснение, но, как обычно, крайне

сокращенное. Видя идущего по улице человека, мы отмечаем: «Обычный прохожий». И в этом качестве он понятен для нас. Но за простой как будто констатацией стоит целое рассуждение, результат которого — оценка: «Этот человек таков, каким должен быть стандартный прохожий». Всякое слово, обозначающее объекты, достаточно тесно связанные с жизнью и деятельностью человека, сопряжено с определенным стандартом, или образцом, известным каждому, употребляющему это слово. Языковые образцы функционируют почти автоматически, так что рассуждение, подводящее вещь под образец, скрадывается, и понимание ее в свете образца кажется не результатом дедуктивного рассуждения, а неким внерефлексивным "схватыванием"» [12;233].

Сказанное выше не означает, что мы считаем такую трактовку понимания единственно верной, исключая тем самым любые другие варианты. Естественно, существуют и иные подходы. Но наличие других подходов не тождественно их равнозначности, поскольку важно отдавать себе отчет в том, по какому сценарию развиваются события в большинстве случаев. В этом свете описанный механизм является приоритетным. Хотя понимание и может проявляться иначе, например, в виде внезапного прозрения, схватывания сути проблемы, «сводить к «озарениям», «инсайтам» или «прозрениям» всякое понимание — это все равно, что сводить работу художника над картиной к нескольким завершающим мазкам, придающим ей особое звучание и цельность» [12;242].

Для нас описанный выше подход важен по следующим причинам. Дело в том, что если во многих случаях понимание работает как подводка под образец, то чем больше в нашем сознании образцов, тем сильнее способности к пониманию. А познавательная активность есть один из хороших способов приумножить количество

образцов, а следовательно, сделать свое понимание более многогранным, полным и богатым, открыть себе возможность понимать большее - поскольку для большего количества жизненных ситуаций оказывается возможным найти схему.

Не будем перечислять всех возможных преимуществ глубокого понимания, поскольку полагаем, что они не нуждаются в дополнительных доказательствах. К тому же, их множество. Причем среди них есть и не относящиеся непосредственно к высокой познавательной деятельности, а имеющие житейскую отдачу. Например – способность спокойно воспринимать и не осуждать людей. Вот всего лишь одна иллюстрация.

В психологии существует направление, гордо именующее себя «наукой соционикой». Основная идея состоит в допущении наличия неких структур, формирующих поведение индивида по всем основным векторам его деятельностной активности. Данные структуры называются психотипами и являются более фундаментальными, чем характер человека. Всего психотипов 16, они объединяются в соционические квадраты, а люди, относящиеся к двум соответствующим друг другу психотипам, составляют дуальные пары. Перечисленное выше довольно подробно объясняется и сопровождается аргументацией, претендующей на теоретический уровень.

Честно говоря, на мой взгляд, ценность этой аргументации сомнительна, а убедительность невелика, но для нас важно другое. Книги по соционике содержат весьма подробное описание психотипов, по видимому, основанное на наблюдениях за реальными людьми. И эти описания сделаны весьма качественно. Читая их, отмечаешь, что вот этот человек в какой-то своей части соответствует одному психотипу, а вон тот – другому. Обычно в

человеке проявляют себя примерно три психотипа (эти наблюдения расходятся с выводами соционики). По своей структуре психотипы представляют собой модели поведения личности и ее потенциальные возможности: «логика соотношений», «волевая сенсорика», «интуиция времени», «деловая логика» и другие. Например, один человек будет чрезвычайно пунктуален и нетерпим к любой непунктуальности, относясь к потере времени по чьей-либо вине так же, как к обсчету или обману в магазине. Другой, напротив, неспособен быть точным и соблюдать графики, поскольку у него слабая интуиция времени. Это особенности их психологического устройства, которые в принципе поддаются изменению при соответствующей работе над собой и влиянии внешней среды, но все же накладывают свой отпечаток.

Знание соционических моделей, вне зависимости, кстати, от адекватности самой соционики, весьма полезно, потому что позволяет не осуждать людей. Ибо если вы понимаете, какому психотипу соответствует тот или иной человек, то вам не только ясны возможные направления его действий (и, кстати, их способы), но и понятны ограничения, что от этого человека требовать можно, а что – бессмысленно. Вам также ясно, что в ряде случаев глупо на него обижаться – это все равно, что обижаться на кошку, которая съела дома очередного попугая. Природа у нее такая.

Соционические психотипы – случай частный, но идея, которую мы проиллюстрировали с их помощью, верна и для других ситуаций. Результаты познавательной деятельности формируют наше мировоззрение и создают модели, определяющие видение как самого себя, так и других людей, и мира в целом. Все это вместе взятое – один из эффективнейших ключей к выбору наиболее

плодотворной стратегии жизни, выработке собственных адекватных (правильных) реакций, самосозиданию и самосовершенствованию.

6.2 Познание как соответствие тенденциям нашей эпохи

Сказанное выше относится к внутреннему миру личности, совершенство которого представляется нам весьма важным. Но параллельно с этим, важно также, чтобы внутренние устремления человека коррелировали с тенденциями внешнего мира. Если то, что человек делает, не только правильно с локальной точки зрения, но и находится в гармонии с генеральными тенденциями развития общества в настоящий момент времени, то он движется вперед в ритме (а то и на гребне) прогрессивной волны, что всегда легче и эффективнее, нежели идти, преодолевая ее сопротивление. В этом свете актуален вопрос о современных тенденциях.

Воздерживаясь от глубокого погружения в социологию и экономику, отметим справедливые на наш взгляд выводы экономиста Е.В. Гильбо, изложенные им в книге «Россия в постиндустриальном контексте». Суть состоит в следующем.

В процессе развития цивилизации происходит смена укладов, связанная с развитием техники и изменением социального устройства. В начале, приблизительно до XVII века, было аграрное общество, основанное на сельском хозяйстве и добыче полезных ископаемых. Это так называемый первичный сектор экономики. Затем приобрел значение вторичный сектор – когда появилась перерабатывающая промышленность. Интересно, что, по свидетельству Е.В. Гильбо, «осознание этого далось человечеству с большим трудом. Еще в середине XVII века наиболее влиятельная экономическая школа – физиократы – утверждала, что добавленная стоимость создается лишь в первичном секторе, а вторичный сектор

осуществляет только перераспределение богатств и по сути паразитирует на первом» [27;10].

В XX веке получил свое развитие третичный сектор экономики – производство услуг, технологий, программ и прочих нематериальных благ, а в последнее десятилетие прошлого века на первые роли вышел четвертичный сектор, к которому относят производство фундаментальных результатов и формирование уровня квалификации работников. Предполагается, что в дальнейшем возможен и пятеричный сектор, «связанный с формированием мотиваций».

Первая тенденция, которая логически вытекает из изложенного, состоит в том, что в плане социальной эффективности в данный момент времени (в данную эпоху), на коне оказывается тот, кто контролирует актуальный в данный момент сектор экономики. Так, в древние времена наибольшим весом обладали землевладельцы, получавшие большие доходы за счет продажи народу права пользования своей землей. В индустриальную эпоху на первое место вышли «владельцы заводов, газет, пароходов». Для постиндустриального (информационного) общества характерно влияние тех, кто владеет информацией и знанием и распределяет их.

Вторая тенденция - в том, что неактуальный сектор экономики является убыточным. Так, даже в западных странах, где в изобилии имеются современное оборудование и совершенные технологии, сельское хозяйство сегодня убыточно практически везде и дотируется государством. Сходная ситуация начинает складываться и в чисто индустриальных промышленных отраслях.

Сказанное позволяет сделать вывод, что **ориентация на знание в наше время весьма актуальна, и служит хорошим базисом укрепления социального положения индивида.**

В этой связи интересны также мысли Элвина Тоффлера, изложенные им в книге «Метаморфозы власти». Он анализирует феномен власти, исходя из того, что сама по себе она не хороша и не плоха, но является необходимым элементом бытия людей.

Какие составляющие власти являются главными? Традиционно их три: насилие, богатство и знание. Однако, в разные эпохи (разные стадии развития человечества) степени влияния каждой составляющей различались. В доиндустриальную эру доминировало насилие, как в больших, так и в малых масштабах. Например, ремесленный мастер с нескрываемым удовольствием применял телесные наказания в виде нанесения побоев своему подмастерью. Тогда этот способ стимулирования трудовой активности был действительно самым эффективным – потому что роль денег еще была невелика. Развитой промышленности не существовало, больших городов тоже, крестьянство обеспечивало себя всем необходимым самостоятельно, в режиме натурального хозяйства, деньги значили мало.

Когда зародилась экономика, названная Тоффлером экономикой «фабричных труб», ситуация изменилась – роль денег существенно возросла, и они стали более важным звеном в обеспечении власти, чем насилие. Одновременно власть приобрела и большую гибкость, потому что возросло ее качество – ведь в отличие от насилия, деньги позволяют создавать не только негативные стимулы, но и позитивные.

Настоящее время характеризуется доминированием власти знаний. Сегодня «знание перестало быть приложением к власти денег и власти силы, знание стало их сущностью» [43;40]. Качество власти знаний еще выше, чем власти денег. «Власть высокого качества – это не просто возможность дать затрецину. Не просто

возможность сделать по-своему, принудить других делать то, что хочется вам, даже если они предпочитают иное. Высококачественная власть предполагает значительно большее. Она предполагает эффективность – достижение цели с минимальными источниками власти. Знания часто могут использоваться для того, чтобы заставить другую сторону *полюбить* вашу последовательность операций при выполнении действия. Они могут даже убедить человека в том, что он сам придумал эту последовательность» [43;37]. Выше, в процессе рассуждений о зависимости обывателя, мы уже видели иллюстрации данному тезису.

Такое смещение в сторону власти знаний неудивительно. Современный мир, и так уже достаточно непростой, продолжает усложняться. И это усложнение идет не только по всем очевидному направлению создания новой техники. Как исследователь, в прошлом специализировавшийся на теории социотехнических систем, могу свидетельствовать, что в информационном обществе возникают принципиально новые эффекты, явления и проблемы, связанные, в частности, с тем, что сложные, комплексные системы приобретают качества, не сводимые к сумме качеств их отдельных частей, демонстрируют нелинейное поведение, собственную логику развития. В каком-то смысле, наш искусственный мир сегодня надо исследовать так же, как когда-то люди исследовали мир естественной природы, ибо он становится все более многозначен и все менее понятен. А для эффективного взаимодействия со сложным, саморазвивающимся миром необходимы развитые способности, глубокие знания и высокая квалификация.

В прикладном измерении данная тенденция выражается в росте спроса на высококвалифицированных специалистов.

Одновременно, по ряду прогнозов, ожидается резкое снижение потребности в работниках средней квалификации. Нужда в низкоквалифицированных кадрах не иссякнет, однако они не будут «в цене». Дело в том, что лиц, выполняющих примитивные работы, хотя и можно, но обычно экономически невыгодно заменять автоматами – как раз потому, что такого рода труд оплачивается весьма низко.

По этим причинам, если нацеливаться на перспективу, то совершенствование себя в общеинтеллектуальном и профессиональном планах актуально уже сегодня. А в России – особенно, потому что хорошо образованных людей у нас немного. По данным РИА «Росбизнесконсалтинг», сегодня только 15% взрослого населения России имеет оконченное высшее образование. Причем, что интересно, число россиян, прошедших через тюрьмы, также составляет около 15%. По данным того же источника, «для воплощения экономики знаний число работников с высшим образованием или с научными дипломами должно составлять 60–90%».

Если брать в расчет не только наличие диплома, а еще учитывать, насколько высока квалификация, то и без того безрадостная картина будет еще мрачнее. По официальной информации Министерства труда, численность работников высшей квалификации в России составляет 5% от экономически активного населения, тогда как в Германии этот показатель достигает 56%, в США - 43%. [13.02.2003, Известия.Ru]. И хотя сейчас в нашей стране лучше жить лавочнику, чем, скажем, физику, все может измениться, и при росте востребованности образованных людей возникнет их нехватка. Соответственно, на коне окажется тот, кто своевременно озаботился повышением своего образовательного уровня.

Таким образом, исходя из общих тенденций, можно заключить, что движение по пути познания в настоящее время соответствует ритму эпохи, и познающий человек будет находиться в гармонии с окружающим миром, что, безусловно, облегчит его дорогу.

6.3 Внутренняя польза познания

Выше были описаны принципиальные моменты, показывающие почему мы считаем познание базисным элементом в деле достижения состояния позитивного маргинализма. Наряду с ними существуют также и менее фундаментальные, но тоже важные следствия пути познания. Одно из них – это развитие интеллектуальных способностей человека.

Не только хорошее знание логики помогает развить способности к грамотному рассуждению. Необходима еще и обычная практика – то есть, постоянная тренировка. Кто-то использовал метафору, назвав комплекс интеллектуальных способностей человека «мышцей мысли». На мой взгляд, это очень удачное сравнение. Действительно, если говорить о теле, то сила человека зависит от его мышечной массы. При этом не все рождаются равными – один человек может оказаться изначально, по своим природным данным, намного сильнее другого. Но природные данные – только начальная точка отсчета. Вынося за скобки крайние случаи, справедливо утверждать, что дальнейшее физическое состояние человека напрямую зависит от его тренировки в этом направлении.

Тело человека, занимающегося спортом или тяжелым физическим трудом, развивается, тело сидящего целый день за монитором – деградирует. Поэтому запросто может случиться так, что через годы изначально более сильный человек безвозвратно утратит свое преимущество, оказавшись слабее недоразвитого в прошлом соперника. В этом плане интересен пример одного зарубежного актера, который, имея намерения продемонстрировать возможности тела и будучи при этом самым обычным человеком, за короткое время превратился в классического культуриста, накачавшись «до

безобразия». Что интересно, в целях продолжения эксперимента в скорости он вернулся к нормальному состоянию, быстро избавившись от избыточных мышц. В обыденной жизни больше известны примеры, когда вместо мышц человек приобретает неохватное брюхо, от которого уже не избавляется.

Сходные по сути процессы характерны и для интеллектуальной активности. Да, люди рождаются с разным умственным потенциалом. Но опять-таки, если вынести за скобки крайние случаи (то есть, сверхталантливых и полных дураков), дальнейшее развитие способностей зависит от самого человека, определяется тем, чем он занимается. Мне доводилось наблюдать выпускников одного вуза, которые на момент окончания своего учебного заведения находились приблизительно на одинаковом уровне умственного развития. Однако через несколько лет трудового стажа указанная «одинаковость» исчезла. Тот, чья работа требовала постоянного интеллектуального напряжения, освоения новых знаний, ушел вперед. И наоборот, тот, кто занялся примитивной (хотя и достаточно прибыльной в постсоветское время) деятельностью, деградировал.

Данное правило универсально. На другой стороне земного шара директор по научной работе Государственного института психиатрии Нью-Йорка, психиатр Дональд Ф.Клейн сделал следующие наблюдения: «Вы действительно думаете, что средний рабочий Apple не более находчив, чем средний рабочий Макдоналдс? Высшее руководство Макдоналдса может быть столь же ловким, как и высшее руководство Apple (хотя я сомневаюсь в этом), но доли работающих в этих компаниях, от которых требуется высокий уровень IQ (коэффициент интеллекта) и символическая профессия, существенно различны» [43;105]. И это естественно, так

как торговать гамбургерами и создавать компьютерные системы – совершенно разные вещи.

Хорошо, когда развитию способствует тот род деятельности, которым человек и зарабатывает себе на жизнь. Но так бывает не всегда, и особенно в постперестроечной России, когда работа, требующая высокой интеллектуальной отдачи, зачастую оплачивается куда ниже, чем такой отдачи не требующая. Переход от России постперестроечной к России «поднимающийся с колен» ситуацию нисколько не улучшил, а местами и усугубил. Если для поддержания надлежащего уровня жизни человеку приходится заниматься трудом относительно примитивным, то параллельная познавательная активность ему совершенно необходима.

В любом случае плодотворно занятие наукой. «Ценность того, что человек некоторое время строго изучает какую-либо строгую науку, покоится отнюдь не на результатах этого изучения: ибо последние по сравнению с океаном явлений, заслуживающих изучения, составляют бесконечно малую каплю. Но это дает прирост энергии, способности к умозаключениям, силы выдержки; человек научается целесообразно достигать цели. В этом смысле для всяких позднейших занятий весьма ценно быть некоторое время человеком науки» [30;376]. Хотя и результаты изучения тоже небезынтересны.

Поэтому путь, названный нами путем познания, очень полезен, поскольку не просто обогащает человека знаниями, но и постоянно развивает его способности, вырабатывает навыки рационального применения своих знаний.

Но это не единственное его положительное следствие. Живя в прагматичном, алчущем успеха и прибыли мире, поневоле начинаешь считаться с его требованиями. Вот и мы, рассуждая о познании, в большей степени концентрировались на «материальных

дивидендах», которые оно может нам принести. Но не следует забывать, что кроме этого путь познания является неисчерпаемым источником радости, которая способна наполнить наш внутренний мир ни с чем не сравнимым удовольствием.

«Почему познание, стихия ученого и философа, связано с радостью? Во-первых и прежде всего, потому что он при этом сознает свою силу, т. е. на том же основании, на котором доставляют удовольствие гимнастические упражнения, даже без зрителей. Во-вторых, потому что в процессе познания человек преодолевает старые представления и их носителей, становится победителем или по крайней мере мнит себя таковым. В-третьих, потому что благодаря даже малейшему новому познанию мы чувствуем себя выше всех, считаем себя единственным существом, знающим истину. Таковы три важнейших основания удовольствия, но имеется еще много второстепенных оснований, смотря по натуре познающего» [30;374-375].

Действительно, возможно найти еще много других оснований. Интересный пример: описывая свое обучение у Дона Хуана, Кастанеда говорит о людях, потерявшихся в параллельных мирах. Эти миры подкупали уникальной возможностью познания, которое столь увлекало практикующих, что они не возвращались обратно. Вне зависимости от нашего отношения к фактологической части подобных рассуждений, суть, отражающая притягательность познания, сохраняется. В любом случае познавательная активность привносит в нашу жизнь положительный эмоциональный фон.

Несмотря на всю очевидность, не каждому обывателю ясен этот аспект. Зачастую человеку ординарному представляется, что своими действиями, например, покупкой нового автомобиля, он создает себе радость, а некто, сидящий в библиотеке, зря тратит свое

время. В действительности же не столь важно, какой именно материальный фактор создал требуемое эмоциональное состояние. И в этом смысле «богатый мало чем отличается от бедного. И тот и другой подвержены душевным страданиям. И тот и другой могут быть счастливы. Один – получая удовольствие от кругосветного путешествия на яхте, другой – одинаково радуясь пойманному в болоте карасю. Первый будет горевать об обесценившихся акциях золотодобывающего рудника, второй – о разбившейся бутылке водки» [22;274].

Хотя, если говорить о высоких материях, различия все же имеются. Представляется, что восторг исследователя, генерируемый в процессе результативного удовлетворения собственного любопытства, ярче, богаче и утонченнее, чем наслаждение жизнью далекого от познания рыночного спекулянта, довольно похлопывающего себя по сытому урчащему брюху. И зачастую именно кайф, приносимый познанием, заставляет исследователя двигаться дальше, даже порой отказываясь при этом от некоторых материальных благ.

6.4 Проблемы познающего в постсоветских условиях

Наше обсуждение процесса познания проходит, в основном, с точки зрения пути человека к совершенству, что вполне согласуется с поставленными задачами. Но не исчерпывает их, поскольку нами еще была заявлена цель гармоничного самоутверждения в обществе, неразрывно связанная с приобретением определенного социального и материального уровня. Поэтому посмотрим, как путь человека познающего способствует достижению этой цели.

Такой вопрос возник, к сожалению, не случайно. Дело в том, что говоря о преимуществах познания (и образования как его составляющей) в целом, нельзя не коснуться одного негативного аспекта, присущего России и, видимо, вообще постсоветскому пространству.

Как ни печально это признавать, в настоящее время хорошее образование, широкий кругозор, наличие глубоких знаний не гарантируют их обладателю ни достойного заработка, ни высокого социального положения. И, более того, порой их наличие вызывает дополнительные затруднения. Поэтому необходимо остановиться на этом вопросе несколько подробнее, чтобы разобраться в сути проблемы и предложить оптимальное решение по, скажем так, «увязке» пути познания и социального роста.

Следует подчеркнуть, что ситуация, сложившаяся в нашей стране, противоестественна. Противоестественна, по меньшей мере, с точки зрения прогресса культуры, науки и технологии. Западные страны достигли своего исключительно высокого культурного, экономического, военного потенциала в первую очередь за счет развития науки и техники. А потому не удивительно, что в западном мире увеличение знаний человека неизменно сопровождается и повышением его материального уровня и, как правило, социального

статуса. Интересна статистика доходов граждан США, показывающая, что сумма, которую человек зарабатывает за свою жизнь, существенно зависит от уровня его образования. «В 1992 году в США работник с дипломом колледжа мог заработать на протяжении всей своей карьеры на \$600000 больше, чем специалист, получивший лишь среднее образование. Владелец докторской степени (примерно соответствующей нашей кандидатской – Д.П.) зарабатывал на \$1600000 больше выпускника колледжа и на \$2200000 больше обладателя среднего образования» [27;11].

Но это на Западе. В России ситуация совсем иная. В целом, наличие диплома или ученой степени никак не свидетельствует о том, что ваша зарплата будет высокой. Есть, конечно, исключения – отдельные специальности оцениваются неплохо. Например, в Москве на момент написания данного текста это касается юристов, программистов, представителей некоторых экономических специальностей (при том условии, что им удалось трудоустроиться в процветающие коммерческие структуры). Однако общая картина остается неприглядной. Например, средняя зарплата ученых в России, по некоторым данным, на 30% ниже средней зарплаты, которая и сама по себе невысока. Уровень зарплаты в науке в 2002 году составлял в среднем 60-100 долл. в месяц, при том что средняя месячная оплата труда ученых в США, например, составляет 5-8 тыс. долл. «В соответствии с государственной тарификацией профессор, доктор наук (17-й разряд) получает в РФ ежемесячно менее 100 долларов; доцент, кандидат наук – около 60 долларов, а молодой ученый-аспирант – 20 долларов. Аспирант должен кормить себя и семью на 70 центов в день» [Советская Россия 24.06.03]. Что, кстати, не удивительно – ведь «общий объем ассигнований на развитие науки в 2003 г. составляет 1,3 млрд. долл. Это почти в 2

раза меньше годового бюджета Кембриджа» [Советская Россия 24.06.03].

Выше были приведены данные для первой половины двухтысячных годов. Сегодня, к сожалению, изменились лишь цифры в абсолютном выражении, а общая картина осталась прежней. Конечно, в ней тоже есть изменения, только они не к лучшему. Например, ректор Института Бизнеса и делового администрирования **Мясоедов** на одной из своих лекций отметил, что если в 90-х годах был очень высок конкурс на бизнес-ориентированные факультеты, а на факультеты, связанные с госуправлением народ шел неохотно, то в двухтысячных ситуация поменялась до наоборот: на факультеты госуправления конкурс огромный, на бизнес-направлении – свободно. Я преподавал в другом институте, но студенты (в силу своего положения и молодости более откровенные, чем ректор), говорили примерно о том же. Они не стеснясь обсуждали, какого размера взятку надо дать, чтобы быть назначенным на должность в той или иной структуре, лучше всего – в так называемых «правоохранительных органах», и за какой период коррупционными способами удастся вернуть вложения. На мой взгляд, система только ухудшается, укрепление в стране вертикали власти не привело к укреплению законности и порядка. Точнее, установило собственный порядок – теперь, если вы в вертикали, можете безнаказанно убивать на тех, кто ниже вас по положению – и вам ничего не будет. Например, на дорогах - таких случаев множество. На западе – не так. Я там жил. Там вместо вертикали - закон и порядок, обязательные для всех, вне зависимости от места в социальной иерархии. Практика показывает, что те, кто не жил на западе, как правило, не осознают масштабов различий. Но не будем углубляться в политику, это другая тема.

Возвращаясь к обсуждаемому вопросу нужно отметить, что в настоящее время размер дохода в большей степени зависит не от образования и квалификации сотрудника, а от места, где он работает. Важно место географическое – не секрет, что зарплата в Подмосковье (не говоря о других регионах) существенно ниже, чем в Москве. Но еще важнее, так сказать, место юридическое – под ним понимается работодатель. Именно этот аспект является определяющим в величине заработка. Работая в богатой коммерческой компании даже на неказистой должности, вы можете за месяц получать больше, чем иной профессор за год. При этом вам не нужны ни сверхспособности, ни особые знания. Часто обязанности работников подобных заведений примитивны – отправить факс, рассчитать цену, вычислить наценку, принять товар, оформить документы, собрать информацию по рынку. Для таких трудов не только не требуется высшего образования, но и десятилетку-то заканчивать не всегда обязательно.

Но даже если вы занимаетесь относительно квалифицированной работой – ну например, являетесь юристом – все равно, определяющим фактором для вас будет не ваша квалификация и профессиональное прилежание, а уровень фирмы–нанимателя и щедрость ее хозяев. А в двухтысячных годах сформировался класс еще более привлекательных мест – это различные госкорпорации и госкомпании, где платят бешеные зарплаты, невиданные и в коммерческом секторе. Причем совершенно независимо от эффективности госкорпорации. Правда и работают там практически только блатные.

Было бы удивительно, если в таких условиях престиж образования, интеллектуального (и уж тем более – духовного) развития оказался бы высок. Предвидя возможное возражение

читателя, оговорюсь, что данное суждение характеризует ситуацию в целом. Конечно, я знаю, что есть области, где обстоятельства существенно отличаются в лучшую сторону. Но, к сожалению, не этими областями определяется общая ситуация. Уже практически общепризнанно, что постреформенному времени в России присуще обнищание наиболее интеллектуалоемких сфер деятельности.

Любопытно, что даже в спорте, по словам Президента Шахматной ассоциации России Александра Жукова, сложилась сходная ситуация – и шахматы, представляющие собой один из немногочисленных интеллектуальных видов спорта, оказались задвинутыми на самый задний план по всем разрядам, им была придана весьма низкая приоритетность.

Выше мы сопоставляли разные типы организаций – бюджетную, хозрасчетную, коммерческую. Но если рассмотреть конкретный тип, в особенности коммерческий, то мы увидим, что сходные принципы действуют и в его внутреннем пространстве. То есть, для коммерческих процессов характерна та же ситуация девальвации интеллектуального – когда наибольшие доходы приносят не глубокие знания и добросовестный труд, а иные факторы: близость к власти, возможность навязать заказы и т.п. У меня есть опыт работы в коммерции, а потому не раз доводилось воочию убеждаться, что высокоприбыльными зачастую являются проекты, не требующие от людей, их реализующих, интеллектуальных высот.

Когда-то, участвуя в оформлении продажи дома в одном подмосковном городе и покупки в другом, пришлось столкнуться с таким видом доморощенного бизнеса. Чтобы только сдать документы на оформление, нужно было занимать очередь с предыдущего вечера и стоять всю ночь. Разумеется, сам процесс

оформления документов растягивался на месяцы. Зато коммерческая фирма, расположенная в том же здании, за несколько сотен долларов могла все оформить в течение часа, потому что документы проходили мимо умышленно созданных очередей. Мне запомнился руководитель этой фирмы – наглое, тупое рыло, черный джип с блатными номерами, в кабинете – какой-то плакат партии «Единая Россия» - может и в членах состоит, не знаю. Этот товарищ ходил с гордым и наглым видом, искренне полагая, что вот он-то умеет жить – занимается бизнесом. Фактически же он является паразитом, чтобы не сказать кровососом, не приносящим никакой пользы обществу и никак не приумножающим результатов совокупного труда людей. А чтобы организовать такую ситуацию, вынуждающую всех платить, не нужно быть «семи пядей» во лбу и заканчивать университеты. Достаточно договориться с местными властями.

Сотрудничество с властью приносит прибыль и в других случаях. Так, занимаясь рекламным бизнесом, куда выгоднее подталкивать клиента сделать заказ, прикрываясь (угрожая) своей близостью к московской (или иной – по месту расположения) мэрии, чем завоевывать рынок высоким качеством услуг. Известен и ряд других механизмов.

Или, более общеизвестный факт. Некогда, достаточно долго ожидая посадки на самолет в аэропорту «Домодедово», я посетил местный буфет, гордо названный баром, и обнаружил интересную особенность. Цены данного заведения по многим позициям превышали цены аналогичных пищеблоков в международном аэропорту Хитроу, Великобритания. Разумеется, качество не было аналогичным. Отвратительного вида полуфабрикаты, пицца, пиво производства города Калуги – вот и все, что можно было взять за 10

долларов. При том, что обслуживающий персонал еще и не добавал сдачи, мотивируя это отсутствием мелких денег. Разумеется, альтернативы не было. Для справки: то же самое в магазине стоит от силы 1 доллар. А на продовольственной базе – и того дешевле.

О чем это говорит? О том, что на каком-то этапе пути товара к посетителю буфета сидит паразит, незаслуженно получающий деньги на халяву. Естественно, очень выгодно купить бутылку пива за 10 рублей и продать ее за сто. «Три класса плюс коридор» образования и «полторы извилины» в голове вполне позволят провести такую операцию. Бизнес, видите ли. И даже если сам владелец заведения и не является паразитом, все равно паразит где-то присосался. Например, в его роли может выступать владелец площадей, требующий непомерную арендную плату. Кстати, такая ситуация с общепитом характерна не только для привокзальных и аэропортовых забегаловок. (Справедливости ради замечу, что за десять лет с той поры, когда писались эти строки, аэропорт «Домодедово» кардинально изменился к лучшему, чего не скажешь про «Шереметьево»).

Кстати, за рубежом – в разных странах, от Великобритании до Республики Корея, цены в кафе сравнительно невелики, хотя продукты в магазинах довольно дороги. У нас все наоборот – продукты стоят дешево, обеды в кафе в десятки раз дороже.

В иных сферах положение такое же. Например, издание журналов. Разговор с несколькими людьми, занимающимися этой деятельностью, продемонстрировал сходные особенности распределения средств. Одни квалифицированные люди производят непосредственный продукт: журнал, а создать его, найти интересные людям материалы, подготовить грамотные статьи – дело весьма непростое. Печать журнала также требует трудозатрат – другие

квалифицированные люди для этого содержат типографию, обеспечивают непрерывное функционирование производственных процессов. Но при распределении прибыли, как на первых, так и на вторых приходится весьма незначительная ее часть. Множество последующих перекупщиков, накручивая наценки, увеличивают начальную цену в несколько раз. Думаю, вам не нужно объяснять, что перепродажа несравнимо проще созидания. Сколько бизнесменов, занимающихся перепродажей, способно написать хотя бы одну интересную статью? А настроить технологическую линию? Так что в результате основную массу прибыли получают неквалифицированные люди.

На этом, пожалуй, остановимся. В силу популярности и распространенности описанного явления девальвации всего интеллектуального в России, на эту тему можно говорить долго. Но и тогда наверняка каждый из вас без труда добавит к сказанному десяток своих примеров.

Данная ситуация является довольно гнетущей для многих россиян. И среди них немало тех, кто, убегая от этой ситуации, россиянином быть перестал.

На уровне среднесрочной стратегии, данный поступок выглядит разумным. Выше мы освещали вопрос, почему в нашу эпоху преуспевает экономика, основанная на знаниях. Те страны, которые в своем развитии опираются на что-то иное, например на торговлю ресурсами, обречены на деградацию и, как следствие, на снижение уровня жизни своего населения. Ведь сегодня богатство государства, как и богатство отдельных граждан, напрямую зависит от степени научно-технического развития и использования достижений науки. «Основными производителями национального дохода являются не недра, не ресурсы, не токари, не слесари, а

именно знания», - говорит ректор МЭСИ Виктор Тихомиров. И пока наше государство не изменит стратегию и не переосмыслит свое отношение к людям знания, мы все будем нести потери. Правда государство у нас в лице известных персонажей во всем обвиняется запад. Поэтому проблемы – останутся. Это как человек, который вместо того, чтобы искать свои слабые места и работать над их укреплением, обвиняет в своих проблемах кого угодно, только не себя, эти свои проблемы не решит никогда.

Интересен также факт, приводимый Владимиром Зерновым, ректором Российского Нового Университета: «Если бы те специалисты, которые выехали за границу, готовились в университетах США и Западной Европы, то на их подготовку пришлось бы потратить более \$1 трлн... Если эти деньги положить в банк, то за год мы отдали бы весь внешний долг России. При этом мы бы жили лучше, чем любая нефтедобывающая страна».

А за границу уехало уже немало специалистов, и процесс этот продолжается. По оценке председателя профсоюза научных работников России Валентина Калинушкина, за последние 10 лет от 500 до 800 тыс. российских ученых покинули страну для работы за рубежом. Это серьезно (а с этого момента прошло еще 10 лет). Данный процесс наносит сокрушительный удар по будущему страны. Кстати, насчет отъезда. Я, в свое время, сказал высказал мысль, что «для ученого в России есть только два пути – либо продать свою стезю, либо продать свою родину». Я пошел по первому, а друг – по второму – уехал на запад и устроился в один из известных университетов. Мы встретились через несколько лет. Друг оказался прав. А я, соответственно, нет.

Продвинутые люди понимали важность интеллектуального и культурного развития, когда о наступлении технологической эры

говорить было преждевременно. Так, Сен-Симон использует выразительный пример: «Если бы Франция потеряла три тысячи наиболее важных политических и религиозных администраторов, она немного бы потеряла. Государство без особого ущерба заменило бы их другими. Однако потеря в три тысячи наиболее способных ученых, художников и изобретателей закончилась бы для Франции национальным крахом, в подчиненном положении относительно других наций она оставалась бы до тех пор, пока голова не вырастет вновь и утрата не будет восстановлена» [37;118]. Думаю, то же самое сегодня справедливо в отношении потерь от утраты коммерческих работников и научно-технических соответственно.

В то же время, с нашей точки зрения, благополучное решение проблем, описанных данном разделе, в рамках жизни одной личности (семьи) возможно, и, более того, сам процесс поиска такого решения весьма полезен, так как развивает личность и обогащает ее бесценным опытом. Как известно, «все, что нас не убивает, делает сильнее». Ниже мы рассмотрим общий алгоритм решения, ориентированный на всех позитивных маргиналов (не только относящихся к научной среде), которые сталкиваются с необходимостью дальнейшего социального самоутверждения.

6.5 Синтез познания и социального самоутверждения

Действительно, описанное в предыдущем разделе положение вещей заставляет искать выход. Как поступить позитивному маргиналу, чтобы, с одной стороны, не утратить своей позитивности, а с другой - сохранить социальную респектабельность, подразумевающую и приемлемый материальный достаток?

Постперестроечная история предоставляет уже достаточно примеров. С одной стороны, быстро среагировав на изменившуюся конъюнктуру в конце 80-х начале - 90-х гг., часть людей переключилась на прибыльную, но примитивную деятельность. В том числе, некоторые молодые люди бросили образование. Преуспеть, однако, удалось немногим, для большинства же тактически выгодное решение оказалось стратегически неверным, и сегодня положение этого большинства, в основном, остается незавидным, потому что мелкий, непрофессиональный бизнес вытесняется системным и профессиональным. С другой стороны, часть людей осталась верна своей, не приносящей дохода стезе, и пока их положение, в среднем, не намного лучше, чем у первых.

Кроме этих двух неуспешных категорий есть и успешные на данный момент. Применительно к народу в целом, а не отдельным его представителям, превратившимся в новых русских за счет воровства и использования высокого служебного положения, сословие успешных составляют те, кто так или иначе оказался в прибыльных отраслях экономики – юристы, специалисты внешней торговли и другие. Но далеко не всегда можно сказать, что их нынешнее положение гарантирует им дальнейшее благополучие. Жизнь изменяется непредсказуемо, и вероятность того, что завтра

все окажется иначе, велика. В особенности, если учесть, что как показал кризис 2008 года, сила России в первую очередь зависит от цены на нефть, и зависимость эта, вместо того, чтобы уменьшаться, существенно выросла по сравнению с 1998 годом (см., например, исследования Новой газеты).

Неизвестно, какие сюрпризы таит в себе будущее. Они могут быть глобального порядка – например, промышленное освоение водородных двигателей для автомобильного транспорта – и тогда нефтяная индустрия потеряет огромную часть своих доходов, или локального, когда в какой-либо отрасли появится переизбыток специалистов. Последнее иллюстрирует случай: как-то раз меня подвозил частник на «Ситроене», и в процессе поездки выяснилось, что еще недавно он был высокооплачиваемым юристом одной из солидных московских компаний, но потерял работу и пока не может ее найти, т.к. мода на профессию юриста весьма приумножила их количество.

Сказанное заставляет искать более надежное решение, успешность которого в большей степени будет связана не с внешними конъюнктурными условиями, а с внутренними качествами самой личности, позволяющими, в числе прочего, умело использовать и внешние обстоятельства.

И такое решение возможно. То есть, во-первых, **возможно достижение определенного внутреннего совершенства, существенно превосходящего обывательский уровень**, и во-вторых, **возможно обретение успеха**.

Несмотря на то, что общий уровень жизни в стране так или иначе отражается на каждом, всегда и в любой ситуации есть люди, представляющие собой исключения. И сколь плохо не жил бы народ, обязательно найдутся те, кто среди этого народа живут

хорошо. Их не может не быть, так же, как их и не может быть много. Но поскольку позитивные маргиналы тоже не изобилуют, то их шанс попасть именно в такую, процветающую группу, реален. Более того, исходя из нашей концепции позитивного маргинализма, именно там и должны быть его носители. И если отдельной, пусть и выдающейся личности, часто оказывается не под силу изменить и обустроить так называемый Большой мир, то обустройство Личного мира находится во власти каждого. Для этого нужно вооружиться пониманием и, опираясь на знание, чутье и интуицию, найти способ, позволяющий познающему человеку сделать процесс выживания в современном мире надежным, интересным и безопасным.

Мы не первые, кто говорит об эффективной жизни, и понимание этого вынуждает специфицировать собственную позицию. В первую очередь, хотелось бы избежать профанации в подходе к увязке личного развития и материального обеспечения. Я имею в виду не критический подход к проблеме, присущий, как правило, людям, близким к коммерции, но далеким от труда интеллектуального. Они говорят: сейчас у каждого есть все возможности, и каждый может творить свою судьбу, как он хочет. А если кто-то за копейки продолжает работать ученым, школьным учителем или детским врачом, то это его проблемы. Сам, как говорится, дурак.

Хотя приведенный тезис и содержит в себе элементы здравого смысла, в целом он все же неверен. И дело даже не в том, что существует множество объективных ограничений, вытекающих, в том числе, из особенностей отдельных региональных рынков труда, которые предлагают очень ограниченный выбор. Как найти хорошую работу в колхозе какой-нибудь губернии, если там ее нет?

Описанная позиция примитивна, так как не учитывает сложность общественного организма. Решительно невозможно, чтобы все низкооплачиваемые, но квалифицированные работники занялись более прибыльным делом.

Во-первых, потому, что для социума это будет непреодолимым потрясением. Ведь окажутся утраченными многие очень важные кадры (а затем – и специальности), которые будет нечем заменить. Представляете – вдруг все школы остались без учителей, армия – без офицеров, поликлиники – без врачей, Академия наук – без ученых, прокуратуры – без прокуроров, и т.д. (хотя когда видишь в новостях, какие у нас прокуроры, то думаешь, что последнее может и к лучшему).

Во-вторых, потому, что существует так называемая профессиональная честь, преданность своему делу. В ее отсутствие обычно выдающихся результатов не достигают. Правда, если работать только из-за денег в неквалифицированной сфере, то результат еще возможен – клади и клади себе кирпичи, «чем шире лопата, тем больше угля». Но как показывает опыт, в скольконибудь сложных областях необходима увлеченность предметом, своего рода страсть к нему, нацеленность на решение честолюбивых задач. Иначе не выйти за рамки посредственности. Среди известных ученых, конструкторов, изобретателей вы не найдете таких, кто трудился бы исключительно из-за материального вознаграждения, которым было бы все равно, чем заниматься, лишь бы платили.

В этой связи высказывания отдельных бизнесменов представляются диковатыми. Я, например, в одном из московских бизнес-центров слышал такие слова: «Сейчас на судьбу жалуются только ничтожные, ни на что не способные люди. У каждого есть возможности хорошо зарабатывать – пожалуйста, оформляй

лицензию, покупай бананы на складе и продавай их около метро!» (Кстати, по прошествии лет и этот путь закрылся – малому бизнесу в России очень сложно – в первую очередь вследствие обилия взяточников и вымогателей в различных структурах, с погонами и без, а во вторую – вследствие силы крупного бизнеса, не оставляющего малому пространства). Но в целом данная цитата вполне отражает уровень развития постсоветских коммерсантов, готовых на что угодно ради прибыли, не обремененных духовными ценностями и не понимающих сложности созидательной жизни, а потому и не сопричастных ей.

Распространение же подобного похода на людей более высокой степени развития чревато проблемами. Ведь разностороннему человеку требуется и разносторонняя реализация. Фактически, призыв заняться любой работой, лишь бы она была оплачиваема, означает призыв к нарушению целостности личности. Наверное, не всегда его можно избежать, но всегда нужно стремиться минимизировать.

Смысл в том, что когда духовно развитый интеллектуал принимается за работу, не требующую отдачи по линии названных ресурсов, жизнь его оказывается разделенной на две части. В одной он занимается той или иной тупой работой (продает бананы, например). В другой он постигает мир и совершенствует себя. Между этими частями жизни возникает диссонанс. Торгуя бананами, человек наполняется некими знаниями, никоим образом не способствующими дальнейшему развитию личности. Как, например, личностному развитию может содействовать знание конъюнктуры рынка бананов, условий их хранения, особенностей оформления разрешительной документации? Это все вещи весьма

примитивные, и сложными они кажутся лишь тем, кто плохо себе представляет, что такое действительно интеллектуальный труд.

Параллельно со знаниями волей-неволей приобретаются и соответствующие навыки, а иногда и развиваются манеры. Какие? Характерные для сословия «бананоторгующих». Не вдаваясь в детали, отметим, что в среднем они отличаются от манер представителей сословия «диссертациепишущих». Происходит, правда, и встречное движение, когда в процессе плодоовощного бизнеса человек использует некие знания и навыки, принесенные им из его жизни в прежнем сословии. Например, это могут быть знание психологии, хорошие математические способности, тактичность и вежливость общения. Но интенсивность такого встречного движения почти всегда меньше, и в результате оказывается, что две части его жизни находятся в положении противодействия друг другу в большей степени, чем сотрудничества.

Будучи знакомым с рядом лиц, вынужденно совершивших переход, аналогичный описанному выше, я могу заключить, что, как правило, они сожалеют о произошедшем и в будущем надеются вернуться в привычную область деятельности. В абсолютном меньшинстве находятся переходящие в другой социальный класс не только по форме, но и по сути, которые проникаются новой деятельностью и в интеллектуальную сферу возвращаться уже не хотят. Как один московский профессор, сделавшийся профессиональным таксистом. Что ж, дорога вниз всегда легче, чем вверх.

Однако, при всей печальности выводов, сказанное призвано лишь подчеркнуть сложность деятельности разностороннего человека в среде, не востребующей его талантов, а не вовсе отвратить читателя от этого. Так или иначе, но для успешного

утверждения в социуме нужно быть готовым к смене своей стези. И это не должно быть препятствием к самореализации как личности. Человек, обладающий нетривиальным внутренним содержанием, способен на многое и при наличии желания может достойно проявить себя вне зависимости от того, чем он занимается. Для иллюстрации достаточно взглянуть на историю философии: среди величайших мыслителей человечества менее половины были профессиональными учеными. Остальные занимались самыми разными делами, от шлифовки стекол (Б. Спиноза) до управления государством (М. Аврелий – император, Ф. Бэкон – прокурор Великобритании).

Да, на данном этапе знания и интеллектуальное развитие не являются востребованными ценностями. Куда важнее оказывается возможность в нужное время встраиваться в выгодный процесс, «примазываться» к прибыльному делу и тому подобное, что является наиболее эффективным ключом к достижению материального благополучия. Но трактовка данного тезиса зависит от того, под каким углом зрения на него посмотреть. С одной стороны, он обоснованно кажется противоречивым. С другой же - можно увидеть и возможность синтеза, когда противоречие снимается. Действительно, разве искусство создания собственной сопричастности прибыльным процессам так уж чуждо знаниям и саморазвитию? Напротив, при правильном приложении оно окажется весьма полезными. Поясним сказанное.

Избегая излишней детализации, можно выделить три составляющие успеха:

1) всестороннее развитие личности, включающее способность к эффективной коммуникации (общению), пониманию, управлению собой, стратегическому (глобальному) видению, гибкости поведения

и мышления, возможность использования разнообразных моделей (в мышлении, понимании, поведении), общую широту кругозора и многое, многое другое;

2) способность плодотворно трудиться;

3) везение.

На мой взгляд, все три составляющих для своего развития требуют познавательной активности. Рассмотрим их несколько подробнее.

Что имеется в виду под всесторонним развитием? Развитый человек, наряду с самоосознанием, обладает определенной степенью самоорганизации. В широком понимании, она позволяет не только противостоять манипуляциям человеком со стороны внешних сил, подробно описанным ранее в данной работе, но и достигать определенных полезных умений. Потому что способность к независимому, самостоятельному суждению – это очень важный, но только первый шаг. Ведь нужно еще уметь произвести правильные действия на основе сделанных суждений.

Отстаиваемая нами идея пути познания предполагает, вообще говоря, что познание не исчерпывается своей академической составляющей. Общий уровень, конечно, должен быть высоким, а кругозор – широким, но ограничивать себя чтением умных книг, даже по самой широкой проблематике, сидя в библиотеке (или лежа дома на диване), не следует. Ведь приумножение знаний связано и с приобретением новых умений. Интересный факт: «Этимологический анализ подсказывает, что за словом “понимаю“ стояло “имаю“, нечто понимать предполагало сделать его своим, иметь. “Имение“ было тесно связано с “умением“, практическим знанием, действием. Ум-ный – значит ум-елый, а как следствие, “имелый“» [23;149].

Мыслящий (и знающий) человек может взглянуть на ситуацию с разных точек зрения, увидев таким образом различные подходы к решению проблемы. Это позволит ему определить, какая политика в наибольшей степени будет способствовать достижению его целей. А поскольку достижение целей предполагает некую активность, воплощение ряда практических шагов, далее он будет способен осознать, какие инструменты понадобятся, и вслед за этим работать над их совершенствованием.

Ведь овладение инструментальными навыками представляет собой одну из составляющих самосовершенствования, причем требующую вложений и сил, и времени. Выбор, куда их вкладывать, в этой части огромен, но, пожалуй, одно из важнейших направлений связано с развитием навыков эффективного общения, что естественно, так как наша деятельность проходит во взаимодействии с другими людьми, и искусство налаживания взаимоотношений оказывается очень ценным.

Не будем здесь вдаваться в подробности, лишь приведем несколько примеров для наглядности. Так, интересно мнение современных консультантов кадровых агентств, согласно которому общие качества личности, не вытекающие из непосредственных профессиональных знаний и навыков, сегодня являются практически решающими при приеме на работу. Действительно, если профессиональный уровень человека в норме, то есть, он имеет высшее образование и достаточные способности, то дальнейшая переподготовка возможна непосредственно в процессе работы, и у работодателя, в общем случае, нет сомнений, что она пройдет нормально. Это обычный производственный процесс.

Иное дело личные качества. Здесь принимается в расчет все. Выясняют, насколько человек мотивирован, как он «разруливал»

критические ситуации, каковы его способности по организации людей, по бесконфликтному существованию в коллективе и так далее. Например, отдельные рекрутеры считают, что после десятиминутной беседы можно с большой долей уверенности заключить, насколько человек умеет приобретать связи. В значительной степени этому помогает анализ характера беседы, раскрывающий множество интересных вещей, в том числе и способность выводить собеседника на нужную тему. Аналогично могут быть оценены и другие моменты.

Не все, однако, лежит на поверхности, может быть выявлено во время короткого диалога. Отдельные полезные качества вы можете проявить потом. Я не случайно написал «вы можете проявить» а не «качества могут проявиться», поскольку считаю предпочтительным именно первое – когда человек сам управляет своей ситуацией, выбирая, что ему проявлять, а не наоборот, когда внезапно проявляющиеся качества меняют ситуацию вокруг человека.

Здесь мы коснулись важного вопроса об управлении собой. В значительной степени потребность самоуправления возникает в процессе общения, хотя и не только там. Человек, способный управлять собой, сознательно выбирает тип своей реакции на тот или иной внешний раздражитель, сообразуясь с обстоятельствами. В принципе, такое поведение вообще является чертой цивилизованного человека, но проявляется она у всех в разной степени, причем порой – в минимальной. Реакции цивилизованного человека опосредованы, поскольку он включен в культурную среду, демпфирующую его чувственные порывы. Возникающий в душе эмоциональный импульс фильтруется в соответствии с требованиями внешней ситуации и собственными нуждами.

Иное у дикаря. Он реагирует непосредственно. Все возникающее в потемках его души сразу же выплескивается наружу. Трагическую иллюстрацию этого получили в наше время немецкие ученые. В процессе одной экспедиции были обнаружены две отбившиеся от племени дикие девочки, которых пришлось вывезти в Германию. Там они стали уникальным объектом для изучения. Журналист, следивший за развитием событий, рассказывает, что однажды, приехав в исследовательский центр, он обнаружил только одну девочку. На вопрос, что же случилось, ему ответили, что некто подарил детям игрушку, которую они не поделили. В результате, в порыве возмущения, одна девочка проломила голову другой попавшимся под руку камнем. Врачи помочь уже не смогли. Такая вот непосредственность.

Может показаться, что пример про дикарок далек от нашей жизни, однако это не так. Сходные по сути ситуации возникают постоянно, когда эмоции подчиняют нас и заставляют совершать действия совсем нам не нужные. И многие из наших сограждан в этом плане ничуть не лучше дикарей. Кстати, сходные слабости используются и при внешней манипуляции человеком.

Каков в этой связи конструктивный путь развития? Внимательное рассмотрение позволяет выделить два уровня управления собой, различающиеся по качеству. В первом случае, человек управляет только собственным поведением, но не душевными состояниями. Данный способ имеет свои издержки, связанные с рядом возникающих психологических проблем, плохо отражающихся на здоровье. Во втором случае, эмоциональная реакция человека на происходящее в мире также в определенных пределах управляется им, то есть человек приобретает возможность так реагировать на события, как ему нужно, включая и

генерирование нужных эмоций. Такое управление собой представляется более качественным. Хотя непосвященному порой кажется это невозможным, существует немало методик и тренингов, нацеленных на развитие таких способностей.

Но начинать можно и с малого, точнее, с относительно меньшего. Например, с обучения грамотной и красивой речи. Очень полезный инструмент. Недаром мудрые говорили: «Речь человека – это его судьба». Конечно, если вы не прирожденный оратор, вам придется немало поработать, чтобы овладеть искусством эффективной речи. Посещение различных тренингов по риторике, определенные специальные знания по построению речи, начитанность в целом, широта кругозора, позволяющая в нужный момент делать адекватные референции, а также ряд других вещей оказываются востребованными для тех, кто стремится хорошо говорить.

На этом закончим с примерами. Их можно умножать до бесконечности, поскольку разнообразие человеческих пристрастий и сфер интересов огромно. Понимая, что ему нужно, и будучи вооруженным грамотным подходом, ищущий вполне способен с дальнейшими деталями определиться самостоятельно. И в этом отношении весьма полезными окажутся некоторые методики, разработанные (полученные в процессе собственного поиска) другими людьми. Полагаю, нет смысла пытаться здесь изложить их на свой лад. Любой заинтересовавшийся при желании может обратиться к оригиналу.

Так, можно посетить тренинги в Клубе практической психологии «Синтон», обучающие различным полезным навыкам эффективной жизни – управлению собой, правильному общению, красивой речи и т.д. Можно овладеть управлением собственным

здоровьем, используя разработки Мирзакарима Норбекова. Полезная вещь, возвышающая над обывателем, – согласитесь, обыватель ведь не управляет своим здоровьем, он тщетно лечится. Можно изучать энергоинформационные приемы, развивая ясновидение, интуицию, способность формировать события и техники гипноза. Существует достаточно организаций, деятельность которых нацелена на развитие человека. Мы также имеем свое видение возможных дальнейших шагов, а точнее – определенную жизненную стратегию, позволяющую сделать свою жизнь эффективной и интересной. Но ввиду объемности этой темы, предполагаем развить ее в следующей работе.

Здесь же, пользуясь случаем, отметим, что порой знание, предлагаемое читателю как частное, на деле выходит за рамки описываемого предмета, представляя собой достаточно гармоничную общую, то есть универсальную методологию.

Например, уже упомянутый нами Мирзакарим Норбеков, написал ряд книг, в числе которых «Опыт дурака или ключ к прозрению. Как избавиться от очков». Данная работа посвящена восстановлению зрения, но в то же время она вообще описывает принципы жизни активного, деятельного человека, управляющего своей судьбой и совершающего в жизни свой собственный выбор. Эти принципы универсальны и применимы не только к зрению или здоровью, но и к любым возникающим задачам, то есть, представляют своего рода жизненную философию.

Аналогичные черты имеет и работа Александра Свияша «Что вам мешает быть богатым» из серии «Ступени в разумный мир», на первый взгляд, посвященная вопросу увеличения материального благосостояния, а в действительности дающая универсальный механизм решения проблем.

В более явном виде методологию успеха описал Николай Козлов в работе «Формула успеха или философия жизни эффективного человека», где последовательно даются рекомендации, как нужно совершенствовать себя с тем, чтобы уметь добиваться поставленных целей.

Очевидно, что существуют и другие полезные работы иных авторов. Со своей стороны отметим, что, используя их, нужно помнить следующее: несмотря на свои достоинства, инструментальную часть жизни они отражают все же в большей степени, нежели философскую, и, концентрируясь только на них, легко стать изощренным обывателем, а позитивным маргиналом – трудно. Потому что статус позитивного маргинала предполагает наличие философских основ собственного мировоззрения, для формирования которых необходим еще духовный поиск, а инструментальной активности недостаточно.

На предыдущих страницах мы описали довольно важный аспект работы над собой: нацеленность на усвоение навыков управления внешним окружением. Теперь, в соответствии с логикой данной книги, следовало бы сказать пару слов в отношении работы над собой, посвященной преодолению внутренних ограничений.

Очень важно, что развитый человек осознает самого себя, видит те или иные предпосылки своих действий, своих стремлений и пристрастий и, соответственно, может работать с ними, занимаясь, так сказать, внутренним зодчеством. Это важно в том числе и потому, что манипуляция бывает не только из настоящего времени, но и из прошлого. В этом случае она проявляется вследствие подчинения ограничивающим стереотипам, которые сформировались (были впитаны человеком) ранее, а действуют сейчас, снижая эффективность деятельности.

Например, некто отказывается выполнить не совсем корректные требования вышестоящего, лишая себя тем самым вознаграждения, с мотивировкой, что он – «не холуй». Таким образом, «не холуй» отстаивает свои принципы. Хорошо, если они выработаны осознанно, но, поверьте, чаще это не так. Скорее всего, они некритически усвоены в процессе воспитания, являются программой, заложенной другими людьми. И следуя ей, мы выполняем желания других. Но теряем-то при этом свое!

В то же время, на данную ситуацию можно взглянуть иначе. Человек имеет свои цели, которые он выбрал сознательно и вполне понимает. Он также понимает, какая модель отношений между людьми характерна для его ситуации. Понимает, потому что имеет соответствующие знания (см. выше главу про понимание). Также он понимает человека, стоящего над ним, видит, чего тот в действительности хочет, какое истинное желание скрывается за официальными намерениями. Так как в данном случае вышестоящий хочет определенного заискивания, то будет целесообразно удовлетворить его желание в обмен на вознаграждение.

При этом, то, что обыватель назовет холуйством, окажется весьма разумным управлением ситуацией. Человек идет к своей цели, самостоятельно получая, где ему нужно, помощь и устраняя, где возможно, препятствия. Несмотря на то, что, казалось бы, здесь манипулирует вышестоящий, в действительности дело обстоит, скорее, наоборот. Вышестоящий, в силу своих психологических комплексов, нуждается в определенных действиях со стороны других людей, имеет в них потребность. Его внутреннее состояние зависит от того, были ли совершены эти действия или нет – в последнем случае, он будет чувствовать себя некомфортно. Поэтому, когда подчиненный, уловив намерение своего начальника,

дает ему желаемое, в ответ получая выгоду, фактически манипулятором является уже он. И это хорошо, поскольку такой человек управляет ситуацией и людьми, стоящими над ним. Кстати, некоторые психологи считают, что управление «снизу» даже эффективнее, чем «сверху».

Приведенный пример, возможно, с учетом глобального ракурса обсуждения вопроса, слишком локален, но эти локальные особенности вполне распространяемы и на больший масштаб.

Обывателю же, несмотря на кажущуюся простоту, такой алгоритм, как правило, не под силу и в малых масштабах. Человек, не обладающий широким кругозором, знаниями, всесторонним развитием, не в состоянии видеть ситуацию с разных точек зрения, понимать позиции всех, улавливать скрытые тенденции. Не понимает он и своих предпосылок и не стремится их понимать. «Вот такой я!» - констатирует он факт, не задумываясь, почему он именно такой, а не другой, и каким ему нужно быть для достижения своих целей.

Но отсутствие понимания - еще полбеды. Мы все когда-то им не обладали, но оно пришло к тем, кто стремился. Главная проблема для обывателя в том, что он не совершенствует себя и не хочет этого делать. Вместо этого он занимает свой досуг бесплодными развлечениями. Поэтому вне зависимости от области деятельности, глубокий, развитый человек всегда будет иметь существенные преимущества перед обывателем.

Второй составляющей успеха была названа способность плодотворно трудиться. Здесь мы вряд ли что-то добавим к существующей модели. В нормальных условиях (назовем их для простоты справедливыми), размер выплачиваемого вознаграждения непосредственно зависит от качества труда. Соответственно, труд,

требующий высокой квалификации и опыта, высокооплачиваем, а целенаправленное профессиональное совершенствование и реальная трудовая отдача позволят вам иметь крепкий материальный базис.

Данный момент имеет большое значение, его следует иметь в виду. Но при этом полезно помнить, что если иметь в виду только его, возникает перекос ситуации, поскольку одного лишь плодотворного труда для достижения успеха в общем случае недостаточно.

Третью составляющую – везение – мы не будем раскрывать подробно в этой работе. Если смотреть на мир, исходя из материалистической парадигмы, везение есть случайный фактор, и ни предсказать его, ни управлять им мы не можем. При таких исходных посылах этот фактор невозможно вплести в ткань теории. Однако существуют и иные подходы. И, кстати говоря, спустя годы после издания этой книги, вышла в свет моя книга «Программируем счастье» (Амрита-Русь, 2010). Это название придумал коммерческий отдел, чтобы книжка лучше продавалась, а я называл ее «Сам себе творец». В этой книге я впервые говорю с читателем о вещах эзотерических – а мистикой я увлекался и занимался с детства. Общий посыл в том, что привычных, материалистических средств, в том числе и описанных в этой книге, не всегда достаточно для достижения успеха. Большую роль играет везение, обстоятельства и т.п. Глупо думать, что они – результат простой случайности. Игра обстоятельств направляется «непроявленной» стороной мира, а ей, в свою очередь, можно управлять, фактически, формируя ситуацию вокруг себя силой своей мысли. Доктрина не нова, это своего рода магия направления Нью-Эйдж, но более важно то, что в книге описаны именно те вещи, которые лично я проверял на практике, а также дается некоторое

философское осмысление, не всегда встречающееся у авторов эзотерического толка. Тем не менее, книга написана более простым языком, чем эта (в настоящее время книга находится в свободном обращении в интернете, а в бумажном виде продается на Ozon.ru).

Кстати говоря, современная картина мира постепенно изменяется, и в ней появляется место для новых, неординарных концепций, более полно и разносторонне раскрывающих природу человека. Порой передовые научные сочинения содержат столь необычные и нетрадиционные положения, что закоснелому сознанию обывателя они могут показаться просто невероятными. Наверное, столь же невероятными и абсурдными, как когда-то казалась идея Галилея о вращении Земли.

Подводя итог рассуждений о совместимости пути познания и социального самоутверждения, скажем следующее. **Всесторонне развитый, обладающий знанием человек должен быть успешным, и у него все для этого есть.** Несмотря на то, что мнение, согласно которому квалифицированный и добросовестный труд должен хорошо оплачиваться, справедливо, для позитивного маргинала оно узко.

Жизнь богаче наших представлений о ней, и присушие ей процессы далеки от линейных. Скорее, жизнь – это комплексный, сложный феномен, и в ней достаточно места для маневра и саморазвития различными способами. **В этом свете умение эффективно жить можно рассматривать как искусство чувствовать ситуацию, адаптироваться к ней и адаптировать ее к себе, вносить гармонию в житейский хаос. А путь познания является ключом к этому искусству.** Полезно помнить, что тот, кому сейчас подражает толпа, тот, кто «сделал себя сам», стал известным и богатым человеком, как правило, в большей степени

являлся стратегом своей жизни, чем просто профессионалом в своей области. Познавательное отношение к миру весьма способствует достижению такого стратегического мышления. Заметим, что познание и саморазвитие хотя ни в коем случае не ориентированы целиком на социальное утверждение, но помогают в его достижении. Поэтому путь познающего кроме возвышенных оснований получает еще и такое, земное оправдание.

Но закончив на этом разговор о познании, мы не исчерпали бы темы, потому что за саморазвитием и внешним социальным утверждением стоит более фундаментальный аспект, освещение которого и станет предметом последней главы данного раздела.

6.6 Поиск собственного Пути

Итак, подытожим основные моменты, с которыми мы связываем продуктивную роль познания. Активное познание:

1. Является основой рационального выбора и осознанной жизни в целом.
2. Расширяет горизонты нашего видения мира, углубляет понимание, поставяет необходимые модели.
3. Позволяет осознать тенденции мира, в котором мы живем, и учитывать их при достижении своих целей.
4. Развивает способности человека.
5. Создает механизмы адаптации человека к социальной среде.
6. Приносит радость.

Все перечисленное довольно важно. Но есть еще более важный момент, на фоне которого эти пункты покажутся не столь значимыми. Потому что, в принципе, для достижения состояния счастливого, преуспевающего человека указанного выше недостаточно.

Философское видение жизни говорит, что действительно счастлив и эффективен тот, кто нашел свой Путь. Но что подразумевается под Путем? В наиболее общем случае - соответствие ценностей, стремлений и способностей человека, в том числе непроявленных, тому образу жизни и деятельности, который он ведет. Несмотря на кажущуюся простоту и банальность этого тезиса, сокрытые в нем смыслы огромны. Сумевший раскрыть их обретает ключи и к счастью, и к эффективности.

Истинность тезиса начинает проявляться уже на «техническом» уровне. Как свидетельствуют кадровики, имеющие

значительный опыт в подборе и распределении персонала, очень важным моментом является соответствие внутренних склонностей человека тому роду деятельности, которым он занимается. Люди – разные, каждый тяготеет к наиболее близким ему занятиям. Даже в пределах организации или предприятия возможны ситуации, когда сотрудник на одном месте – полный «ноль», отдача от него совсем мала, однако на другом месте он демонстрирует выдающиеся результаты работы.

Но по сравнению с целой жизнью это мелочи. Наверняка вы встречались с примерами, когда человек обладает в своей жизни всем необходимым для успеха с точки зрения обывателя, и даже более того – хорошая зарплата, квартира, машина, здоровые дети. И в то же время, счастливым его назвать нельзя. Потому что какая-то часть его сущности (возможно – Божественной сущности) требует реализации, но не находит ее в повседневных занятиях. И за внешним благополучием скрывается внутренняя неудовлетворенность, ощущение бессмысленности и никчемности собственного существования.

Такое положение дел можно оправдывать частными причинами. Но, на наш взгляд, главная причина фундаментальна. Ее объяснение будет различным в зависимости от мировоззренческой доктрины, которую мы используем. Так, тяготеющий к современной научной картине мира предположит наличие подсознательных паттернов, глубинных алгоритмов поведения, неосознанных предпочтений, которые, если внешняя среда позволяет их реализовать, дают человеку возможность быть самим собой, занимаясь своим повседневным делом, и осуществить свои устремления в полном объеме и ко всеобщему удовольствию. Носитель религиозного мировоззрения скажет, что Путь предписан

Господом каждому из нас, и наш долг ему следовать, таким образом воплощая собственной жизнью волю Всевышнего. Сторонник эзотерического видения мира, излагая свое понимание Пути, скорее всего, обратится к неким тонким материям, предположив, что целостный организм Вселенной ставит перед человеком как своей частью определенные задачи, и лишь выполняющий их находится со Вселенной в гармонии. Возможны и другие мнения на этот счет.

Для целей данной работы неважно, какую именно точку зрения избрать. Важно осознать, что **поиск собственного Пути невозможен без познавательного отношения к жизни**, о котором мы уже сказали достаточно много. Но данный момент требует дополнительного уточнения.

Дело в том, что большая часть рассуждений о познании в данном разделе основывалась, скорее, на прагматичном взгляде на его роль, то есть познание было средством к чему-то. Но применительно к вопросам судьбоносного масштаба, таким как поиск Пути, данный подход оказывается узок. В жизни бывают ситуации, когда, чтобы достичь определенной цели, от нее, условно говоря, сначала нужно отказаться. В истории известно множество выдающихся людей, показавших на собственном примере, что порой нельзя достичь результата, если сознательно стремиться именно к нему. Напротив, нужно всецело сконцентрироваться на работе, ведущей к этому результату, как будто именно она и является целью.

Например, художник, рисующий портрет прекрасной дамы, с большей вероятностью создаст шедевр, если забудет о причитающемся ему вознаграждении за понравившийся заказчице портрет и в процессе работы будет просто получать наслаждение от собственного творчества, будет любить свое творение, вкладывать в

него частицы душевного тепла. Тогда и итоговая выручка окажется больше. Или иной случай: по опыту погружения в медитацию могу сказать, что медитируя, глупо пытаться задавать себе вопрос, насколько глубоко ты уже погрузился. Тогда ничего не получится. Наоборот, нужно сконцентрироваться на процессе, и тогда, через некоторое время, вы вдруг обнаружите себя в медитативном состоянии.

Назовем описанный образ действий неутилитарным познанием. **Неутилитарное познание – это познание, инспирированное не столько алчным стремлением к насыщению, сколько духовной потребностью постижения. Оно не ставит перед собой конкретных целей и потому не является средством, оно ценно само по себе, само является целью.** Парадоксально, но именно такой вид познания часто оказывается наиболее результативен.

С содержательной точки зрения, неутилитарное познание характеризуется широтой и всесторонностью. Именно поэтому оно действительно в плане обретения собственного Пути. Задумайтесь, велика ли вероятность найти свой Путь, если взгляд на мир узок и конъюнктурен? Из сказанного следует, что, приветствуя в целом прагматическую часть, нужно осознавать ее границы, чтобы не позволять части занять место целого. А именно такая ситуация наблюдается в мире обывателей.

Хорошую иллюстрацию дают слова одной молодой женщины, которая говорила о себе так: «Я не могу и никогда не буду заниматься саморазвитием, нацеленным на решение отдаленных задач. Сделать шаг меня может заставить только острая жизненная необходимость – когда что-то уже произошло и нужно исправлять ситуацию». Здесь очевиден принцип «гром не грянет – мужик не

перекрестится», в современных условиях пригодный разве что для мужика (помните пример с трактористом в начале?), но не для человека, сознательно созидającego себя и свою жизнь. Стратегу своей жизни нужно смотреть в будущее, иначе возможности легко упустить. Скажем, не получил кто-то хорошего образования вовремя, потом (естественно, вдруг!) оказалось, что без него не берут на хорошую работу. Но образование получать уже поздно...

Однако, хотя сказанное выше и правильно, в данном случае для нас важнее другой аспект. Высказанная позиция трактует саморазвитие по принципу инвестирования, когда куда-то что-то вкладывают с целью затем получить от этого выгоду. При этом даже и не предполагается, что возможно практиковать саморазвитие как стиль жизни, приносящий в повседневность радость и удовольствие, дарующий способность удивляться, познавать, открывать, постигать малые и большие загадки, тайны, одерживать малые и большие победы, тем самым непрерывно восходя к мудрости и, по мере прохождения своего пути, превращаясь в умелого и эффективного стратега.

Впрочем, позиция этой дамы объясняется объективными причинами, поскольку наша культура, основанная на идеологии общества потребления, не способствует формированию у личности устремлений к высоким материям. «В большинстве случаев наше мышление направлено на достижение практических результатов и связано с количественными и «поверхностными» аспектами явлений; по большей мере оно не вдается в проблему правильности полагаемых целей и предпосылок и не пытается понять сущность вещей» [50;464]. Обратите внимание, без осознания собственных целей и предпосылок человек является игрушкой в руках внешних

сил, проживает не свою жизнь, что подробно описано в первой части данной работы.

Причем сказанное в полной мере справедливо не только для людей, от интеллектуального труда далеких, но и для тех, кто гордо причисляет себя к представителям интеллектуальной элиты. Сегодняшние юристы, финансисты, коммерсанты и иже с ними часто считают себя образованными людьми, и не зря – их квалификация подтверждается дипломами МГИМО, Академии им. Плеханова и других солидных учебных заведений. Но часто ли престижные дипломы позволяют перерасти обывательский уровень? В большинстве случаев - нет. Потому как для этого необходима внутренняя глубина личности и духовные стремления, часто отсутствующие у обладателей престижных дипломов.

«Рыночная ориентация оставляет отпечаток не только на чувствах человека, но и на его мышлении. Этот отпечаток проявляется в том, что мышление берет на себя функцию быстро схватывать ситуацию, чтобы иметь возможность ею манипулировать. При более широком и эффективном образовании это приводит к высокому уровню сообразительности, но не разума. Для того чтобы манипулировать, достаточно знать лишь поверхностные свойства вещей, верхи, не имея ни малейшего представления о более глубоких, скрытых сторонах. Истина, до которой можно докопаться лишь в случае проникновения в сущность вещей, становится вышедшим из употребления понятием» [50;464].

Раз уж мы коснулись образования, являющегося составной частью процесса познания, то посетуем, что общество потребления и здесь влияет деструктивно, порождая утилитарное отношение к образованию, что в каких-то аспектах вообще приводит к его

вырождению. Порой даже на достаточно высоком уровне имеет место весьма специфическое понимание образовательного процесса.

Как-то раз я присутствовал на представительном совещании, где были чиновники, руководители отраслевых научно-исследовательских институтов и другие специалисты, в основном из физико-технической области. В процессе дискуссии один из них, очевидно технократ, потребовал от остальных внимательнее относиться к понятиям, утверждая, что говорить об образовании можно только применительно к школе, потому как вузы занимаются не образованием, а профессиональной подготовкой кадров! Вот такой подход. В нем примечательно не только полное игнорирование культурной составляющей образования, но и отношение к личности, как к чему-то настолько незначительному, что этим вообще можно пренебречь. Какая тут личность – всего лишь подготовленные кадры, стройматериал отрасли.

Мы же разделяем иную позицию и различаем понятия «научения» и «образования». Если научение чему-либо позволяет обучившемуся приобрести профессиональный уровень, служащий средством материального обеспечения (эту часть можно отнести к подготовке кадров), то образование, строго говоря, предполагает, кроме того, формирование культурного и духовного уровня, то есть непосредственно образование (в смысле формирования) личности. Как справедливо высказался Боккачо, «образован не тот, кто после долгого обучения в Париже готов продать свои знания по мелочам, как это многие и делают, но тот, кто умеет дознаваться до причин всего в самых истоках» [35;88].

Пренебрегающие подобным расширением кругозора часто оказываются в невыгодной ситуации. И дело касается не только таких масштабных деяний, как нахождение собственного Пути.

Даже в обыденной жизни техническим специалистам, например, зачастую не хватает психологических знаний, что вызывает трудности в общении с людьми. Кроме того, разносторонность вообще повышает качество жизни, делая ее богаче и интереснее.

В то же время, разносторонность не следует путать с поверхностностью, которую порождает пропаганда в обществе различных знаний. «Информационная атака на массы, бесконечная популяризация достижений науки, техники, производства, культуры, многообразные курсы... интеллектуальные казино, брейн-ринги с критико-аналитической точки зрения представляют амальгаму профессионализма и непрофессионализма, ибо рассчитаны не на подготовку специалистов, а на оперативное подключение населения к тезаурусу. Конечным продуктом выхода подобного подключения оказываются духовные эрзацы — неквалифицированные мнения о мире, чувственные отношения к истине, недискурсивные знания, операциональные навыки, ориентированные на нерефлексивное и репродуктивное комбинирование предметами, сведениями, технологическими, терапевтическими методиками, оценками, взглядами. Насыщение жизни знаниями через каналы популяризации, где органичное внутреннее присвоение подменено летучим внешним приобретением, подтачивает образованность, нацеливает не на нечто глубокое, а на скудное, что, однако, можно «развить в любом человеческом индивиде» [15;538].

Приведенная цитата призвана подчеркнуть следующую, на наш взгляд, важную мысль. Популяризация знаний вызывает поверхностный подход, что в конечном итоге приводит к искажению картины мира со всеми вытекающими отсюда последствиями. Велика ли вероятность таким образом найти свой Истинный путь?

В то же время, для искателей есть и обнадеживающие моменты. Мир – сложная нелинейная система, не познанная нами в достаточной степени. А так как к тому же он еще и непрерывно изменяется, то порой происходят неожиданные вещи. Одна из них отмечена людьми, интересующимися особенностями развития общества и имеющими большой опыт работы с западными специалистами.

Как ни парадоксально, более духовные люди в последние годы стали также и более преуспевающими в бизнесе. И наоборот, заземленные, прагматичные люди, несмотря на приложение значительных трудовых усилий, имеют меньше успеха. Это объясняется тем, что прагматичный человек видит в процессах познания и образования лишь средство удовлетворения своих материальных потребностей. В отличие от него, обладающий духовной интенцией воспринимает познание и образование как в значительной степени самодостаточный процесс, приносящий удовольствие и радость сам по себе. В этом случае присутствует живой, непосредственный интерес, не ограниченный прагматическими фильтрами, что позволяет сделать результаты познания куда более широкими и эффективными. Последнее, в свою очередь, оказывается весьма полезным в современном мире, исполненным сложных процессов, требующих адекватной реакции. Проще говоря, **духовная интенция позволяет достигать большего совершенства, в том числе и профессионального.**

Впрочем, и без дальнейшей аргументации уже, наверное, понятно, что, ограничиваясь только прагматической стороной дела, нельзя стать позитивным маргиналом. На наш взгляд, в части соотношения теории и практики очень конструктивным является

мнение Алоиза Ридлера, крупного немецкого инженера, возглавлявшего Берлинский политехникум.

Он считал, что практика имеет двоякое значение. «Во-первых, ее можно рассматривать в смысле ловкости рук. Тогда практика заключается в механической работе, умении однажды выученную работу производить постоянно. Во-вторых, практика в истинном смысле – это дополнительное и примененное к частому случаю познание, когда общий случай превращается в осязаемый частный. В этом смысле «практик» - это «почетный титул для людей, которые ушли дальше теории и применяют свои знания под своей ответственностью» [11;34].

На наш взгляд, последний тезис исключительно удачен для познающего человека - позитивного маргинала, фактически выражает его кредо, сочетая в себе мудрость и эффективность, и подобно гегелевскому синтезу, объединяет тезис и антитезис – познание ради результата и познание ради познания. Что вполне соответствует нашим идеям, предполагающим, что позитивному маргиналу, помимо выдающихся личностных качеств, должна быть присуща и способность к эффективной деятельности в мире, укреплению собственных позиций под ожесточенным натиском агрессивных обывателей.

Вот такие выводы. Подводя итог нашему рассуждению, отметим, что, строго говоря, неутилитарное познание не является единственным способом поиска своего Пути. Существуют различные виды практик. Но вне зависимости от способа, **познавший свой Путь маргинален по отношению к толпе.** И, что важно, не только уже познавший, но и ищущий его. Путь у каждого свой, и приходит к нему каждый сам, своей собственной дорогой, поэтому его универсальное описание в содержательном ключе вряд

ли возможно. Наше изложение задает лишь общее направление, и порой мы умышленно абстрагировались от деталей. Хотя, конечно, данная работа несет на себе печать субъективного видения, что, впрочем, естественно и неизбежно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для того, чтобы стать позитивным маргиналом – то есть, подняться над толпой, достичь неординарного уровня, достойно проявить себя – необходимо постоянно стремиться понять себя и мир, учиться у жизни, которая сама будет обучать нас, стоит лишь проявить желание. Для этого не требуется каких-то жертв. Хотя приложение определенных усилий – требуется. Но когда человек занимается своим делом с любовью, затраты усилий проходят для него незаметно. Ибо сам процесс приносит радость.

Здесь обращает на себя внимание двоякость дороги познания и самосовершенствования. С одной стороны, жизнь человека, идущего вперед в своем развитии, сильно отличается от жизни обывателя, ибо исполнена богатых смыслов, впечатлений и увлечений, нередко открывающих восхитительные возможности и перспективы. С другой стороны, нет оснований для того, чтобы его образ жизни был качественно отличен от общепринятого. Ведь указанный путь не отрицает остальных человеческих радостей, не требует принятия радикальных шагов. Вам не нужно уходить в монастырь, радикально менять круг общения. Напротив, чтобы познавать мир и себя, необходимо активно присутствовать в этом мире, взаимодействовать с различными его аспектами. И результат неизбежно появится: рано или поздно вы обнаружите себя в совершенно особом сословии людей – сопричастных творчеству и созиданию, приумножающих духовные блага и всем своим существованием оправдывающих божественное происхождение человека.

Литература

1. Адорно Т.В. О технике и гуманизме //Философия техники в ФРГ Москва, «Прогресс», 1989
2. Батищев Г.С. Истина и ценности//Познание в социальном контексте. – М., ИФ РАН, 1994
3. Бах Р. – К.: «София», Ltd., 1994. – 352 с.
4. Бердяев Н.А. Философия свободы. смысл творчества, М.: «Правда», 1989. 607 с.
5. Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности: Избранные труды. М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1999. – 312 с.
6. Берн Э. Игры, в которые играют люди. люди, которые играют в игры. Лениздат, 1992. 400 с.
7. Великие мыслители о великих вопросах: Современная западная философия. /Пер. с англ. К. Савельева. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. – 400 с.
8. Верищагин Д.С. Мудрость: Система навыков дальнейшего энергоинформационного развития, V ступень, второй этап, часть 2. – СПб: «Невский проспект», 2002. – 160 с.
9. Виндельбанд В. О свободе воли. – М.: АСТ, 200. – 208 с.
10. Гипотезы. Прогнозы. Будущее науки. Вып. 23. М.: 1989.
11. Горохов В.Г., Розин В.М. Введение в философию техники: Учеб. пособие /Науч. Ред. Ц.Г. Арзаканян. – М.: ИНФРА-М, 1998. – 224 с.
12. Ивин А.А. Логика: Учебник для гуманитарных факультетов. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. – 320 с.
13. Ильин В.В. Теория познания. Введение. Общие проблемы. –

- М.: Изд-во МГУ, 1993. – 168 с.
14. Ильин В.В. Теория познания. Эпистемология. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 136 с.
 15. Ильин В.В. Философия: учебник для вузов. – М.: Академический проект, 1999. – 592 с
 16. Ильин В.В. Философия: учебник для вузов. – М.: Академический Проект, 1999. – 386 с.
 17. Кларк А. Черты будущего. Издательство «МИР», Москва, 1966
 18. Козлов Н.И. Как относиться к себе и к людям, или Практическая психология на каждый день. – М.: Новая школа, 1994. – 320 с.
 19. Козлов Н.И. Формула успеха, или Философия жизни эффективного человека. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2002. – 304 с.
 20. Козлов Н.И. Книга для тех, кому нравится жить, или Психология личностного роста. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2001. – 352 с.
 21. Корнилова Т.В., Тихомиров О.К. Принятие интеллектуальных решений в диалоге с компьютером. М.: Изд-во МГУ, 1990. – 192 с.
 22. Куприй В. Зло, которое правит миром, или Путь к счастью. – М.: Авваллон, 2002. – 296 с.
 23. Кутырев В.А. Естественное и искусственное: борьба миров. – Н.Новгород: Издательство «Нижний Новгород», 1994. – 199 с.
 24. Лешкевич Т.Г. «Неопределённость в мире и мир неопределённости» (философские размышления о порядке и хаосе). Ростов-на-Дону. Изд. Ростовского университета. 1994.
 25. Литвак М.Е. Психологический вампиризм, Ростов н/Д, Издательство Феникс, 2000, 416 с.
 26. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42.

27. МОСТ. Ежемесячный информационно-аналитический журнал для промышленников. Май, 2000 г.
28. Налимов В.В. В поисках иных смыслов. М.: «Прогресс», 1993.
29. Налимов В.В. Разбрасываю мысли. В пути и на перепутье. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 344 с., илл.
30. Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т 1. М.: Мысль, 1990. – 829 с.
31. Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т 2. М.: Мысль, 1990. – 829 с.
32. Норбеков М.С. Опыт дурака, или ключ к прозрению. Как избавиться от очков. – СПб.: ИД «ВЕСЬ», 2000. – 316 с.
33. Перегожин Л.О. Иллюзия свободы воли и идентичность//Независимый психиатрический журнал №1, 1999.
34. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М.: Прогресс, 1986. - 432 с.
35. Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Том 2 Средневековье. ТОО ТК «Петрополис», Санкт-Петербург, 1995. - 368 с.
36. Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Том 3. Новое время. С.- Петербург: ТОО ТК «Петрополис», 1996. - 736 с.
37. Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Том 4. От романтизма до наших дней. С.- Петербург: ТОО ТК «Петрополис», 1997. - 880 с.
38. Словарь иностранных слов и выражений / Авт.-сост. Н.В. Трус, Т.Г. Шубина. – Мн.: Современ. литератор, 1999. – 576 с. – (Энциклопедический справочник)
39. Советская Россия, 24 июня 2003 года, «Толкают на панель. Горестное письмо о судьбах науки»

40. Современный философский словарь. Под ред. д.ф.н., проф. В.Е. Кемерова. 1996 – 608 с.
41. Соколов Е.Н. Психофизиология принятия решений//Нормативные и дескриптивные модели принятия решений. М., 1981.
42. Суркова Л.В. Парадигма техницизма в цивилизационном процессе. Москва. Российская академия наук, 1998. 164 с.
43. Тоффлер Э. Метаморфозы власти: пер с англ. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 669 с.
44. Уоттс А. Книга о табу на знание о том, кто ты есть. Окутанный облаками и погруженный в неизвестность.«София», Киев, 1995
45. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986.
46. Философия: Учебник для ВУЗов. –М.: ТЕИС, 1996. – 504 с.
47. Философия14: Учебник для высших учебных заведений. – Ростов н/Д.: «Феникс», 1995. – 576 с.
48. Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 1997. – 576 с.
49. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – 815 с.
50. Фромм Э. Бегство от свободы; Человек для себя. – Мн.: ООО «Поппури», 2000. – 672 с.